

В сборник вошли переводы 8 статей из 2 выпусков Международного журнала Красного Креста (Revue internationale de la Croix-Rouge/International Review of the Red Cross) за 2004 год: март (№ 853, Mars/March), сентябрь (№ 855, Septembre/September).

Журнал (Revue internationale de la Croix-Rouge/International Review of the Red Cross) издается Международным Комитетом Красного Креста в Женеве, с 1999 года выходит в новом оформлении 4 раза в год и содержит статьи на английском и французском языках.

Март
2004
№ 853

-
- 5** АЛЕКСАНДР БАЛЬГИ-ГАЛЛУА
**Защита журналистов
и средств массовой информации
во время вооруженного конфликта**

Актуальные вопросы и комментарии

- 42** ЖАН-ЖАК ФРЕЗАР
**От экспериментов Милгрэма
до полей сражений:
к пониманию поведения комбатантов**

Факты и документы

- 69** ДАНИЕЛЬ МУНЬОС-РОХАС и ЖАН-ЖАК ФРЕЗАР, МККК
**Поведение человека на войне:
понять и предупредить нарушения МГП**

Сентябрь
2004
№ 855

- 89** ЖАН-ЛЮК БЛОНДЕЛЬ
**Глобализация:
подход к феномену и последствия
для гуманитарной деятельности**
- 101** ПЬЕР КРЕНБЮЛЬ
**Подход МККК к сегодняшним проблемам
в области безопасности:
будущее независимой и нейтральной
гуманитарной деятельности**
- 113** БЕАТ ШВАЙЦЕР
**Моральные дилеммы
гуманитарной деятельности в эпоху
«гуманитарных» военных интервенций**
- 135** РАДЖ РАНА
**Современные проблемы отношений
между гражданскими организациями
и военными: взаимодополняемость
или несовместимость?**
- 169** ЯКОБ КЕЛЛЕНБЕРГЕР
**Гуманитарная деятельность –
говорить громко или хранить молчание**

Работы, опубликованные в Журнале, отражают исключительно точку зрения их авторов, которая не всегда совпадает с мнением МККК или Редакции.
Только подписанные МККК тексты отражают его позицию.

Защита журналистов и средств массовой информации во время вооруженного конфликта

Александр Бальги-Галлуа*

Если вести отсчет с 1995 г.,¹ то больше всего журналистов погибло в 2003 г. — 42 человека. Причем многие из них были убиты в ходе последнего конфликта в Ираке. Во время военной кампании в процентном соотношении среди журналистов жертв было больше, чем среди военнослужащих вооруженных сил коалиции. В ходе освещения войны и последовавших за ней событий в Ираке погибли четырнадцать журналистов и сотрудников средств массовой информации, двое пропали без вести, а пятнадцать получили ранения. Следует упомянуть и о преднамеренных нападениях на журналистов на оккупированных территориях на Ближнем Востоке, о бомбардировке военно-воздушными силами НАТО в 1999 г. в Белграде сербского телерадиоцентра (СРТ), а также об обстрелах американской армией в Кабуле и Белграде представительств катарского телеканала «Аль-Джазира».

Общая тенденция выражается в ухудшении условий работы журналистов в период вооруженного конфликта: «... освещение военных событий становится все более опасным занятием для журналистов. Непредсказуемый характер нападений, которые пополняют список традиционных опасностей, связанных с войной, постоянно совершенствующиеся виды оружия, которые сводят на нет усилия по подготовке журналистов и меры по их защите, воюющие стороны, которые больше

* Александр Бальги-Галлуа преподает в университете «Париж I – Пантеон-Сорбонна» и Парижском католическом институте, а также является юридическим советником организации «Репортеры без границ».

озабочены тем, чтобы хорошо выглядеть в средствах массовой информации, а не тем, чтобы обеспечить безопасность сотрудников информационных агентств, — вот факторы, увеличивающие опасность, которой подвергается человек, ведущий репортаж о войне ...»².

В ответ на это вызывающее особую озабоченность положение организация «Репортеры без границ» разработала текст «Декларации о безопасности журналистов и средств массовой информации в ситуации вооруженного конфликта»³. 20 января 2003 г. эта Декларация была открыта для подписания, а 8 января 2004 г. — пересмотрена в свете иракских событий. Декларация призвана напомнить о принципах и нормах международного гуманитарного права, предоставляющих защиту журналистам и средствам массовой информации в период вооруженного конфликта и предлагает усовершенствовать некоторые положения права с тем, чтобы оно соответствовало требованиям современности. В связи с этим необходимо вновь сказать о незаконности нападений на журналистов и средства массовой информации и напомнить о обязанности властей принимать меры предосторожности, если они готовят нападение, в ходе которого могут пострадать журналисты, или принимают решение о таком нападении.

Незаконность нападений на журналистов и средства массовой информации

Утверждение о незаконном характере нападений на журналистов и средства массовой информации основывается на положениях о защите, которую международное гуманитарное право предоставляет гражданским лицам и гражданским объектам, а также на том факте, что средства массовой информации, даже если они выполняют пропагандистские

1 См. Reporters sans frontières, *Bilan 2003*, 8 p., документ представлен на сайте <http://www.rfs.org>.

2 *Ibid.* С. 3.

3 Текст Декларации был принят на совещании 20 января 2003 г., в работе которого участвовали представители Международного Комитета Красного Креста (МККК), некоторых неправительственных организаций («Международная амнистия», «Адвокаты без границ», «Врачи без границ» и др.), «Группы по проведению исследований и предоставлению информации по вопросам мира и безопасности», специалисты в области международного гуманитарного права, представители профессиональных организаций работников прессы, официальный представитель НАТО, а также официальный представитель министерства обороны США. Текст Декларации размещен на сайте <http://www.justice.rsf.org>.

задачи, не могут, за исключением отдельных случаев, рассматриваться в качестве военных объектов. Иными словами, даже если журналисты и оборудование, которое они используют, не наделяются особым статусом, на них распространяется общая защита, которая предоставляется гражданским лицам и объектам, если только они не вносят эффективного вклада в военные действия.

Защита, предоставляемая журналистам как гражданским лицам

В международном гуманитарном праве проводится различие, хотя им и не дается четкого определения, между двумя категориями журналистов, работающих в зонах вооруженного конфликта: военными корреспондентами, аккредитованными при вооруженных силах, и «независимыми» журналистами. К первой категории, как это указано в *Словаре международного публичного права*, относится любой «журналист, который находится в зоне проведения военных операций, имея на то разрешение вооруженных сил воюющей стороны и пользуясь защитой с их стороны, и выполняет задачу по предоставлению информации о событиях, связанных с военными действиями»⁴. Это определение соответствует практике, имевшей место во время Второй мировой войны и войны в Корее. Военный корреспондент носил форменную одежду, приравнивался к офицерам и находился в подчинении у командира того подразделения, к которому он был прикомандирован. Что же касается термина «журналист», то в соответствии с проектом Конвенции ООН 1975 г. он обозначает «...любого готовящего кино-, радио- и телематериалы корреспондента, репортера, фотографа, оператора и их ассистентов, для которых

⁴ Jean Salmon (dir.), *Dictionnaire de droit international public*, Bruylant, Bruxelles, 2001, p. 275. См. также материалы Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МУТЮ), *Procureur c. Radoslav Brđjanin et Momir Talic* (IT-99-36), Постановление, касающееся промежуточной апелляции, 11 декабря 2002 г. (далее «дело Рандаля»), п. 29: «Под "военными корреспондентами" Апелляционная камера понимает лиц, которые выезжают в зону конфликта и находятся там в течение определенного времени с целью передачи информации, касающейся данного конфликта (или для сбора соответствующей информации). Настоящее постановление касается только этой группы лиц». Следует отметить, что в п. 29 МУТЮ не ссылается на требование иметь разрешение вооруженных сил воюющей стороны и находиться под их защитой. Таким образом, определение военных корреспондентов трибуналом шире определения, которое дается в Словаре международного публичного права, и относится ко всем журналистам.

осуществление указанной деятельности обычно является основной профессией...»⁵.

- Защита военных корреспондентов

«Военные корреспонденты» относятся к недостаточно хорошо определенной категории «лиц, следующих за вооруженными силами, но не входящими в их состав непосредственно»⁶. Не входя в состав вооруженных сил, они являются гражданскими лицами и пользуются соответствующей защитой⁷. Кроме того, поскольку военные корреспонденты имеют определенное отношение к военным действиям, попадая в плен к неприятелю, они приобретают статус военнопленных при условии, что имели разрешение следовать за вооруженными силами⁸.

- Защита журналистов в опасных профессиональных командировках

Для того чтобы учесть требования времени, участники Дипломатической конференции, проходившей в Женеве в 1974–1977 гг., сочли целесообразным расширить статью 4.А(4) Женевской конвенции III и включить в текст Протокола I специальное положение, касающееся «мер по защите журналистов». Речь идет о статье 79 Протокола I, которая не вносит никаких изменений в режим защиты, предоставляемой военным корреспондентам:

«Статья 79 — Меры по защите журналистов

1. Журналисты, находящиеся в опасных профессиональных командировках в районах вооруженного конфликта, рассматриваются как гражданские лица в значении статьи 50, пункт 1.

5 Статья 2, (а) проекта Конвенции ООН о защите журналистов в опасных командировках в зонах вооруженного конфликта, 1 августа 1975 г., документ ООН А/10147, Annex I.

6 Статья 4.А(4) Женевской конвенции III от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными (далее: «Женевская конвенция III»).

7 Это их качество подтверждается в статье 50(1) Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (далее: «Протокол I»), которая косвенным образом относит лиц, упоминаемых в статье 4.А(4) Женевской конвенции III, к категории гражданских лиц.

8 Статья 4.А(4) Женевской конвенции III. В соответствии с Положением, прилагаемым к Гаагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, и Женевской конвенцией 1929 г. об обращении с военнопленными газетные корреспонденты и репортеры имеют право лишь на «обращение как с военнопленными», но не получают статуса военнопленного.

2. Как таковые, они пользуются защитой в соответствии с Конвенциями и настоящим Протоколом при условии, что они не совершают никаких действий, несовместимых с их статусом гражданских лиц, и без ущерба праву военных корреспондентов, аккредитованных при вооруженных силах, на статус, предусмотренный статьей 4. А. (4) Третьей конвенции.
3. Они могут получать удостоверение личности согласно образцу, который приводится в Приложении II к настоящему Протоколу. Это удостоверение, выдаваемое правительством государства, гражданином которого является журналист, или на территории которого он постоянно проживает, или в котором находится информационное агентство, в котором он работает, удостоверяет статус его предьявителя как журналиста».

В статье 79 однозначно говорится, что любой журналист, находящийся в опасных командировках в зонах конфликта⁹, является гражданским лицом¹⁰ по смыслу статьи 50(1) и пользуется в силу этого полной защитой, предоставляемой всем международным гуманитарным правом гражданским лицам. Журналист получает, таким образом, защиту не только от последствий военных действий¹¹, но от произвола той или иной стороны в конфликте, когда он оказывается в ее власти, будучи захваченным в плен или задержанным¹². Составители Протокола I не захотели предоставлять журналистам особый статус, потому что «...любое увеличе-

9 «...Любая профессиональная деятельность, осуществляемая в зоне, где ведутся военные действия, является, по существу, опасной и к ней применяется данная норма...», поэтому нет необходимости как с юридической, так и с практической точки зрения устанавливать точные географические границы этой «зоны вооруженного конфликта». См.: Yves Sandoz, Christophe Swinarski et Bruno Zimmermann (éds.), *Commentaire des Protocoles additionnels du 8 juin 1977 aux Conventions de Genève du 12 août 1949*, CICR/Martinus Nijhoff Publishers, Genève, 1986, para. 3263.

10 Как отмечалось на Дипломатической конференции, статья 79(1) сформулирована не очень удачно: ведь по смыслу статьи 50(1), к которой отсылает статья 79, журналист не только «рассматривается как» гражданское лицо, но и «является» таковым.

11 См., например, статьи 48, 51, 57 и 85(3) Протокола I.

12 В соответствии с Женевской конвенцией от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны (далее: «Женевская конвенция IV»). См. Ганс-Петер Гассер. Защита журналистов в опасных командировках. – М.: МККК, 1994. С. 16-18; Sylvie Boiton-Malherbe, *La protection des journalistes en mission périlleuse dans les zones de conflit armé*, Bruylant/ d. de l'Université de Bruxelles, Bruxelles, 1989, pp. 155-158.

ние числа особых статусов, которое будет неизбежно сопровождаться появлением новых защитных знаков, может привести к ослаблению защиты, предоставляемой в соответствии с уже принятыми статусами...»¹³. Важно также отметить, что удостоверение личности, о котором идет речь в п.3 статьи 79, не придает определенного статуса — оно лишь «удостоверяет статус его предъявителя, как журналиста». Право на статус гражданского лица не зависит от наличия этого удостоверения¹⁴. Положения, касающиеся защиты журналистов, содержатся только в документе, действующем в период международных вооруженных конфликтов (Протокол I), однако журналисты пользуются также защитой, которая предоставляется гражданским лицам в ситуации немеждународного вооруженного конфликта¹⁵.

При рассмотрении уже упоминавшегося дела *Рандаля* Апелляционная камера МУТЮ признала, что журналисты, командированные в зону вооруженного конфликта, служат «общественным интересам», так как «выполняют серьезнейшую миссию, привлекая внимание международной общественности к ужасам и реальности войны». По мнению членов Апелляционной камеры, признание существования этих общественных интересов обусловлено не тем, что журналисты принадлежат к особой профессиональной группе, а скорее тем, что осуществляемая ими работа по сбору и передаче информации позволяет членам международного сообщества получать важную информацию из зон конфликта. Для того чтобы у журналистов осталась возможность выполнять эту работу, Камера разрешила им не выступать в качестве свидетелей на суде по фактам, информацию о которых они получили, выполняя свои профессиональные обязанности. Заставить их сделать это можно только при двух условиях: во-первых, если их свидетельские показания имеют решающее

¹³ Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds.), *op. cit.* (примечание 9), para. 3265.

¹⁴ В этом отношении статья 79 закрепляет положение, утвержденное в 1949 г. Однако в соответствии с Женевской конвенцией 1929 г. наличие удостоверения личности, выданного военными властями, рассматривалось как условие обладания правом на обращение как с военнопленным.

¹⁵ См. статью 3, общую, Женевских конвенций, а также Дополнительный протокол от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (далее: Протокол II), в частности, статью 13.

значение при рассмотрении одного из центральных вопросов рассматриваемого дела; во-вторых, если соответствующее доказательство невозможно практически получить из другого источника¹⁶.

- Защита прикомандированных («*embedded*») журналистов

В какой-то степени двусмысленным является в настоящее время статус т.н. «прикомандированных» журналистов, то есть тех журналистов, которые следуют за воинскими частями во время войны. Явление само по себе не ново, новизна в том, каких масштабов оно достигло во время иракского конфликта 2003 г.¹⁷ На основании того, что эти журналисты были включены в состав американских и британских военных подразделений и приняли на себя обязательство следовать за воинской частью, к которой они прикомандированы¹⁸ и которая обеспечивает им защиту, их можно приравнивать к военным корреспондентам, упоминаемым в Женевской конвенции III. Если обратиться к руководящим принципам, регулирующим отношения со средствами массовой информации¹⁹, которые были разработаны министерством обороны Великобритании, то из них следует, что прикомандированным журналистам предоставляется статус военнопленных, если они попадают в плен²⁰. Од-

¹⁶ МУТЮ, дело *Рандаля*, *op.cit.*, (примечание 4), paras. 36, 38 et 50.

¹⁷ Прикомандированных журналистов было 700, из них 500 – американцы. Прикомандированные к американским вооруженным силам журналисты на 80% состояли из граждан США и на 20% – из иностранцев. Журналисты из состава британских вооруженных сил были исключительно подданными Ее Величества. См., в частности, *The role of embedded reporting during the 2003 Iraq war: Summary report*, доклад, подготовленный для Би-Би-Си группой сотрудников факультета журналистики Кардиффского университета в ноябре 2003 г.; Francois Bureau (directeur de l'information et de la communication, porte-parole du Ministère de la défense), «'Embedded': le reportage de guerre 'live'», ouvrage collectif, Edition du Centre national de la recherche scientifique (CNRS), Paris (готовится к печати).

¹⁸ См. l'Accord d'adhésion au règlement établi par le commandement terrestre des forces de coalition (CFLCC) a l'intention des médias, текст документа имеется на сайте <www.rsf.org>, rubrique: Textes de référence.

¹⁹ *The «Green Book» – Working arrangements with the media in times of emergency, tension, conflict or war* (документ был разработан после Фолклендского конфликта в 1982 г., в 1992 г. в его текст были внесены поправки). См. *The role of embedded reporting during the 2003 Iraq war, op. cit.* (примечание 17), para. 34. note 1.

²⁰ *The role of embedded reporting during the 2003 Iraq war, op. cit.*, (примечание 17), para. 57; Joel Simon, «Journalists are owed protection in wartime» (см. на сайте <<http://www.cpj.org/Briefings/2003/gulf03/gulf03.html>>).

нако из неофициальных источников стало известно, что французское военное ведомство считает, будто «прикомандированные», а также «независимые» журналисты имеют право только на статус гражданского лица, как это предусмотрено статьей 79 Протокола I. Необходимо прояснить эту ситуацию. Тем более что статус военнопленного, предоставленный военным корреспондентам, имеет для них практическое значение, в частности, в том, что касается допроса пленного и конфискации его личного имущества (статьи 17 и 18 Женевской конвенции III).

Во время иракского конфликта официальные представители Пентагона неоднократно обращали внимание журналистов, не имевших статуса «прикомандированных», на те опасности, которым они подвергались, не имея надлежащей аккредитации. Если прикомандированных журналистов принимали в войсках «как родных», то в отношении независимых репортеров проявлялось со стороны, в частности, американских сил полное безразличие к условиям их жизни и безопасности²¹. Тот факт, что во время иракской войны было убито и ранено такое большое число независимых журналистов, вызывает у некоторых опасение, что практика прикомандирования журналистов к воинским частям будет получать все большее распространение. Это вызывает озабоченность не только у журналистов, но и у широкой общественности, представители которой считают, что разнообразие источников информации и точек зрения имеет решающее значение для объективного и сбалансированного освещения войны²². Именно поэтому в вышеупомянутой Декларации о безопасности журналистов и средств массовой информации в ситуации вооруженного конфликта указывается, что «журналисты имеют право на одинаковую защиту независимо от своего профессионального статуса (независимые журналисты или журналисты, работающие на определенное агентство или средство массовой информации), гражданства, а также того факта, прикомандированы они или нет к вооруженным силам».

²¹ См. «Reporters sans frontières s'inquiète de la manière dont les forces américano-britanniques traitent les journalistes couvrant la guerre en Irak», сообщение для прессы от 31 марта 2003; «Reporters sans frontières demande aux autorités américaines de garantir la liberté et la sécurité des journalistes», сообщение для прессы от 19 марта 2003; см. на сайте <<http://www.rsf.org>>.

²² *The role of embedded reporting during the 2003 Iraq war, op. cit.*, (примечание 17), paras. 10, 11, 27, 33, 55–58.

Кроме того, существующая практика, заключающаяся в том, что независимые журналисты прибегают к услугам вооруженных телохранителей, может оказаться опасной для всего журналистского корпуса. 13 апреля 2003 г. один их сотрудников частного охранного предприятия, сопровождавших группу журналистов телекомпании «Си-Эн-Эн», которая направлялась в г. Тикрит, что на севере Ирака, открыл огонь из автоматического оружия, после того как на въезде в город была обстреляна колонна автомашин, на которых они передвигались. Некоторые журналисты обеспокоены этим событием, которое вводит новую практику, противоречащую всем профессиональным нормам. «Такой подход создает опасный прецедент, ставящий под угрозу жизнь всех других репортеров, которые освещают этот конфликт или будут освещать подобные конфликты в будущем. Существует реальная опасность того, что воюющие стороны решат, будто теперь во всех машинах работников прессы имеется оружие. (...) Журналисты могут и должны использовать средства, позволяющие гарантировать им безопасность (передвигаться на бронированных автомобилях и носить бронежилеты), однако использование сотрудников частных охранных агентств, которые, не раздумывая, применяют оружие, лишь затрудняет проведение различия между репортерами и комбатантами», — заявил Робер Бенар, генеральный секретарь организации «Репортеры без границ»²³.

- Прекращение защиты

В соответствии с пунктом 2 статьи 79 Протокола I, а также пунктом 3 статьи 51 журналисты пользуются защитой, предоставляемой международным гуманитарным правом, за исключением случаев, когда они принимают непосредственное участие в военных действиях. Прекращение защиты наступает не при выполнении журналистами их обычной работы (выезд в зону конфликта, взятие интервью, написание заметок, фотографирование или киносъемка, звукозапись, передача этих материалов в газету или агентство), а в том случае, если они проявляют активность, которая способствует непосредственно и существенным образом

²³ «Irak (13 avril 2003). Une équipe de CNN essuie des coups de feu; son garde du corps répond l'arme automatique», сообщение для прессы «Репортеров без границ» от 13 апреля 2003. См. на сайте <<http://www.rsf.org>>.

успеху военных действий. Термин «непосредственное» является дополнительным условием, позволяющим отказать в защите и предусматривающим тесную связь между поведением журналиста и последствиями, которые оно имеет для ведения военных действий²⁴. Как указывается в Комментарие к пункту 3 статьи 51, «враждебный акт (или непосредственное участие в военных действиях) — [...] это акт войны, который в соответствии с его характером и целью выражается в нанесении конкретных ударов по личному составу и материальной части вооруженных сил противника»²⁵. Распространение журналистом материалов пропагандистского характера не может рассматриваться как такое участие (см. выше).

Именно во время непосредственного участия в военных действиях журналист утрачивает свою неприкосновенность и становится законным объектом нападения. Прекратив участвовать в военных действиях, он снова обретает право на защиту от последствий этих действий. Власти, которые берут журналиста в плен во время совершения им враждебных действий или после этого, могут применить к нему меры пресечения или меры по обеспечению безопасности в соответствии со статьей 45 («Защита лиц, участвующих в военных действиях») Протокола I, а также на основании положений Женевской конвенции IV (интернирование, принудительное поселение, и т.п.). Кроме того, поскольку журналист не является военным служащим, на основании статьи 37 (1) Протокола I его могут обвинить в вероломстве.

*Защита средств массовой информации
как гражданского имущества*

Оборудование радио- и телестанций является гражданским объектом, поэтому оно пользуется общей защитой. Уже в начале XX века в

²⁴ См. Jean Mirimanoff-Chilikine, «Protection de la population et des personnes civiles contre les dangers résultants des opérations militaires», *Revue belge de droit international*, Vol. VII, 1971-1972, pp. 634 et 639.

²⁵ Actes de la Conférence diplomatique de 1974-1977, Vol. XIV, pp. 14-15, para. 8, CICR, CDDH/III/Sr.2. Анализ понятия «непосредственное участие в военных действиях» дается в: *Le droit international humanitaire et les d fis pos s par les conflits arm s contemporains*, rapport préparé par le CICR pour la XXVIIIe Conférence internationale de la Croix-Rouge et du Croissant-Rouge, Genève, décembre 2003, annexe 1, pp. 26, 27 et 28.

международном гуманитарном праве закрепилось запрещение подвергать нападению гражданское имущество, запрещение, которое получило подтверждение в Протоколах 1977 г., а также в Статуте Международного уголовного суда²⁶.

Так, статья 48 Протокола I содержит двойное обязательство для сторон, находящихся в конфликте — всегда проводить различие между гражданскими объектами и военными объектами и, следовательно, направлять свои действия только против военных объектов. А это означает, что гражданские объекты, как и гражданское население, пользуются общей защитой, порядок предоставления которой определен в статье 52²⁷. В статье 85 того же Протокола нападение на гражданское население или гражданских лиц рассматривается как военное преступление, однако в этом документе отсутствуют аналогичные положения, касающиеся гражданских объектов в целом. Тем не менее, военным преступлением считается нападение, направленное против некоторых объектов, находящихся под особой защитой, то есть, сооружений и установок, содержащих опасные силы, необороняемых местностей, демилитаризованных зон, исторических памятников и произведений искусства, а также мест отправления культа. Протокол II вообще не предусматривает общей защиты гражданских объектов — защита предоставляется лишь некоторым конкретным объектам, имеющим особое значение для гражданского населения: медицинским формированиям и санитарно-транспортным

²⁶ См. статьи 23(ж), 25 и 27 Положения о законах и обычаях сухопутной войны (Приложение к Гаагской конвенции IV 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны); статьи 1 и 5 Гаагской конвенции IX 1907 г. о бомбардировании морскими силами во время войны; статья 33(2), (3) и (5) и статья 147 Женевской конвенции IV, Гаагскую конвенцию 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и два ее Протокола; статьи 48, 52, 53, 54, 56, 85(3)(с) и (d) и статья 85(4)(d) Протокола I; статьи 11, 14, 15 и 16 Протокола II; статья 3(7) Протокола о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств с поправками, внесенными 3 мая 1996 г. (Протокол II к Конвенции 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия); статья 8(2) Римского статута Международного уголовного суда (17 июля 1998 г.), Док. ООН A/CONF.183/9; статья 20(a) (iv) и (e) (ii) Проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленный Комиссией международного права, Док. ООН A/51/10.

²⁷ По просьбе представителя Франции статья 52 Протокола I была поставлена на голосование. Ее утверждают 79 голосами при 7 воздержавшихся, голосов против подано не было. *Акты Дипломатической конференции 1974-1977 гг.*, том VI, с. 178, п. 149, ICRC/SR.41.

средствам, объектам, необходимым для выживания гражданского населения и культурным ценностям.

- Определение гражданского объекта

Как и в случае с «гражданскими лицами», в Протоколе I содержится определение «гражданского объекта» от противного: гражданским считается любой объект, который не является военным (ст. 52(1)). В пункте 3 статьи 52 приводятся лишь три примера гражданских объектов: там упоминаются место отправления культа, жилой дом и школа. Во время вынесения своего первого обвинительного приговора по делу Блашкича в связи с незаконными нападениями, Камера первой инстанции МУТЮ определила гражданский объект «как любой объект, который не может на законных основаниях рассматриваться как военный объект»²⁸. Такой метод давать определение от противного позволяет, по крайней мере, избежать дублирования и охватить все объекты. Используемые средствами массовой информации оборудование и установки, которые не применяются в военных целях и не отвечают требованиям статьи 52(2) (см. ниже), относятся к гражданским объектам, которые «... не должны являться объектом нападения или репрессалий ...» (ст. 52(1)).

- Презумпция использования объекта

в гражданских целях в случае сомнения

В соответствии с пунктом 3 статьи 52 Протокола I объекты, которые обычно предназначены для гражданских целей, в том числе оборудование радио- и телестанций, пользуются «презумпцией использования в гражданских целях» в том случае, если на этот счет возникает сомнение. Эти объекты следует рассматривать именно таким образом, даже если они находятся в зоне соприкосновения с противником²⁹. Конечно, презумпция может быть противоположной, но и в этом случае военные должны действовать с учетом требования принимать меры предосторожности, предусмотренные в статье 57 («Меры предосторожности при нападении») Протокола I, и учитывать общую цель, которую преследует

²⁸ МУТЮ (ТРИУ), *Procureur c. Tihomir Blaskic* (IT-95-14), Jugement du 3 mars 2000 (далее: «дело Блашкича»), para.180.

²⁹ Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds), *op. cit.* (примечание 9), p. 654, paras. 2031–2034.

Протокол и которая заключается в том, чтобы обеспечить защиту гражданского населения и гражданских объектов.

Эта презумпция, как и положение пункта 1 статьи 50, требующее считать гражданским любое лицо в случае возникновения сомнения относительно его статуса, рассматривалась в 1977 г. как норма совершенно новая, более прогрессивная по сравнению с обычным правом. Если бы ее действительно соблюдали, она существенным образом способствовала бы усилению защиты гражданских объектов и лиц³⁰.

- Обычный характер нормы, запрещающей совершать нападения на гражданские объекты

В большинстве работ на эту тему можно найти подтверждение тому, что общая защита гражданских объектов, предусмотренная в статье 52 Протокола I, соответствует обычной норме международного гуманитарного права³¹. В Комментариях к Протоколу говорится, что «... в целом государства признали, что нападениям должны подвергаться только военные объекты ...»³². Кроме того, в международной практике существует немало примеров, подтверждающих, что запрещение нападений на гражданские объекты является обычной нормой международного гуманитарного права, применяемой в период как международных, так и внутренних вооруженных конфликтов³³.

30 В представленном Конгрессу США докладе о ведении военных действий во время войны в Персидском заливе в 1991 г. Госдепартамент однозначно заявил, что рассматривает пункт 3 статьи 52 исключительно как договорную норму, а не как кодификацию обычной практики государств, см.: «Report to Congress on the Conduct of the Persian Gulf War, Appendix O: The Role of the Law of War», United States Department of Defense, 10 апреля 1992, *International Legal Materials*, Vol. 31, май 1992, p. 627.

31 Например, Philippe Bretton, «Remarques sur le *jus in bello* dans la guerre du Golfe (1991)», *Annuaire français de droit international*, Vol. 37, 1991, p. 151; Henri Meyrowitz, «La guerre du Golfe et le droit des conflits armés», *Revue générale de droit international public*, Vol. 96, 1992, p. 574; Waldemar A. Solf, «Protection of civilians against the effects of hostilities under customary international law and under Protocol I», *American University Journal of International Law and Policy*, Vol. 1, 1986, pp. 129–130.

32 Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds.), *op. cit.*, (примечание 9), para. 2000.

33 Подробнее см. диссертацию автора на соискание степени доктора наук: Alexandre Balguay-Gallois, *Droit international et protection de l'individu dans les situations de troubles intérieurs et de tensions internes*, Université Paris I Panthéon-Sorbonne, Paris, 2003, pp. 610–622.

- Прекращение действия режима защиты, которая распространяется на гражданские объекты

Как явствует из вышеупомянутых документов по международному гуманитарному праву, неприкосновенность, которая распространяется на гражданские объекты и объекты, находящиеся под защитой, не является абсолютной и утрачивает свою силу, если эти объекты используются во враждебных целях. На законных основаниях нападениям могут подвергаться гражданские объекты (корабли, самолеты, автомобили, сооружения), на которых находятся военнослужащие, военное оборудование и материалы или оборудование и материалы, которые так или иначе вносят эффективный вклад в военные действия, несовместимый с их статусом. В международной практике можно обнаружить подобные примеры; аналогичную точку зрения высказывали многие правоведы, в частности, в отношении утраты неприкосновенности, которая распространялась на некоторые объекты, находящиеся под защитой³⁴.

Так, возвращаясь к факту обстрела радио- и телецентра Сербии (СРТ), можно сказать, что если оборудование центра действительно использовалось для передачи информации вооруженным силам и спецподразделениям полиции Союзной Республики Югославии, следственная

³⁴ Подробнее см.: Institut de droit international, «La distinction entre les objectifs militaires et non militaires en général et notamment les problèmes que pose l'existence des armes de destruction massive», para. 4, *Annuaire de l'Institut de droit international*, Vol. 53, Tome II, 1969, p. 360; Бюллетень Генерального секретаря «Соблюдение войсками Организации Объединенных Наций международного гуманитарного права», ST/SGB/1999/13 от 6 августа 1999 г. В отношении США см.: *Report to Congress on the Conduct of the Persian Gulf War, op. cit.* (примечание 30), pp. 622 et 626; United States Department of the Army, Headquarters, *Field Manual, FM 27-10, The Law of Land and Warfare*, 18 July 1956, Change n° 1, 15 July 1976, para. 45 a) (далее: «Руководство для сухопутных сил США»). В отношении Великобритании см. заявление, касающееся статьи 53 («Защита культурных ценностей и мест отправления культа») Протокола I, которое это государство сделало при подписании, а затем во время ратификации Протокола I: United Kingdom War Office, «WO Code N° 12333, The Law of War on Land» being Part III of the *Manual of Military Law*, 1958, paras. 300–303 (далее: «Руководство по военному праву Великобритании»). В отношении Франции см. оговорки и заявления Франции при присоединении к Протоколу I 11 апреля 2001 г. (para. 13), а также l'article 9 bis du décret n° 75–675 portant *Règlement de discipline générale dans les armées* du 28 juillet 1975, *Journal officiel, Lois et décrets (J.O.)*, 30 juillet 1975, pp. 7732–7738, modifié par le décret n° 82–598 du 12 juillet 1982, *J.O.*, 13 juillet 1982, pp. 2229–2231). Тексты оговорок и заявлений государств относительно Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним можно найти на сайте Федерального совета Швейцарии, который является депозитарием этих договоров: <<http://www.eda.admin.ch/eda/f/home/foreign/intagr/train/iprotection.html>>.

комиссия МУТЮ могла с полным основанием утверждать, что это оборудование вполне законно рассматривалось силами НАТО как военный объект³⁵.

Могут ли средства массовой информации быть военными объектами?

Международное гуманитарное право требует, чтобы нападения осуществлялись лишь на «военные объекты»³⁶. И хотя на смену политической доктрине «тотальной войны» пришла доктрина «ограниченной войны», в результате чего категория военных объектов подверглась значительному сокращению, количество объектов, которые можно отнести к этой категории, еще чрезвычайно велико. В качестве таких объектов — при соблюдении определенных условий — рассматриваются установки и оборудование радио- и телестанций (см. документы МККК³⁷, труды в этой области³⁸ и Гаагскую конвенцию 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта³⁹).

35 TPIY, Final Report to the Prosecutor by the Committee Established to Review the NATO Bombing Campaign Against the Federal Republic of Yugoslavia, 8 juin 2000, paras. 55, 75 et 76; текст документа имеется на сайте <<http://www.un.org/icty/pressreal/nato061300.htm>> (далее: «Final Report NATO Bombing»). 23 апреля 1999 г. в 2.20 ночи натовские самолеты умышленно подвергли бомбардировке здание радиотелецентра Сербии (Radio Televizija Srbije, далее: «СРТ»), которое расположено в самом центре Белграда. В результате этого нападения, по меньшей мере, 16 человек погибли и 16 получили ранения. Это были гражданские лица (техники и другие сотрудники центра), которые находились на рабочих местах в момент бомбардировки. На основании имевшейся информации комиссия, созданная Обвинителем Трибунала для расследования случаев бомбардировки силами НАТО Союзной Республики Югославии, представила 8 июня 2000 г. бюро Обвинителя окончательный доклад, в котором содержалась рекомендация не начинать расследования этого случая (см., напр., Reporters sans frontières, Radiotélévision de Serbie: chronique d'un martyre annoncé, rapport, novembre 2000, 28 p.).

36 Статья 52(2) Протокола I.

37 *Projet de Règles limitant les risques courus par la population civile en temps de guerre*, CICR, Genève, 1956, Annexe: Liste des catégories d'objectifs militaires selon l'article 7, alinéa 2, voir p. 71, p.1.7); документ имеется на сайте <<http://www.icrc.org/dih.nsf/0/2131a46f908304bcc12563140043ab32?OpenDocument>>.

38 Например, Anthony P.V. Rogers, *Law on the Battlefield*, Manchester University Press, Manchester, 1996, p. 37.

39 Гаагская конвенция 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, статья 8 (1) (а).

- Определение «военного объекта»

Объект должен соответствовать критериям, приводимым в статье 52(2) Протокола I, в которой дается определение «военного объекта», для того чтобы его можно было считать законной целью:

- в силу своего характера, расположения, назначения или использования они вносят эффективный вклад в военные действия (критерий постоянный);

- их полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество (критерий переменный).

Эти два условия, предусмотренные в статье 52(2), должны соблюдаться одновременно. Как только в каждом конкретном случае это происходит, мы имеем дело с военным объектом согласно Протоколу I. Нападение на объект, который не отвечает этим двум требованиям, носит незаконный характер⁴⁰.

В первой части определения военного объекта перечисляются главные факторы (характер, расположение, назначение и использование), на основании которых при отсутствующем втором критерии военные командиры получили бы самую широкую свободу для определения военного характера того или иного объекта. Требование вносить «эффективный вклад в военные действия» определяет зависимость гражданского или военного характера объекта от того воздействия, которое он оказывает или же не оказывает на ход военных действий.

Вторая часть определения сужает категорию военных объектов, сводя ее только к тем объектам, разрушение которых при существующих в данный момент обстоятельствах «дает явное военное преимущество». Другими словами, нападения являются незаконными, если они могут дать лишь неопределенные преимущества⁴¹. Требование явного военного преимущества предполагает незаконность всякого действия, влекущего разрушение объектов, не представляющих для военных никакой цен-

⁴⁰ См. ТПИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 55.

⁴¹ Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds), *op. cit.* (примечание 9), para. 2024; сравните с W. Hays Parks, «Air war and the law of war», *Air Force Law Review*, Vol. 32, N° 1, 1990, pp. 141-145.

ности⁴². Норма, содержащаяся в статье 52 (2), представляет собой как с теоретической, так и практической точки зрения применение одновременно и принципа военной необходимости, и принципа недопущения нанесения излишних страданий⁴³. Выражение «при существующих в данный момент обстоятельствах» имеет целью не допустить, чтобы военные командиры пользовались готовыми и абстрактными определениями военных объектов (напр., «железнодорожный узел является военным объектом», «телецентр является военным объектом» и т. п.). Вместо этого им необходимо выяснить, представляет ли железнодорожный узел или телецентр, разрушение которых совсем недавно давало явное военное преимущество, все еще такой же интерес с военной точки зрения; в противном случае этот объект более нельзя рассматривать в качестве военного объекта, который можно подвергать нападению⁴⁴.

По мнению большинства исследователей в области гуманитарного права, определение военного объекта, которое приводится в статье 52 Протокола I, является выражением обычного права⁴⁵. В июне 2000 г. к такому же выводу пришла комиссия, которой было поручено изучить ход воздушных бомбардировок территории бывшей Югославии силами НАТО⁴⁶. Примечателен тот факт, что США, которые так и не ратифицировали Протокол I, тем не менее, официально заявили о своем принятии положения, закрепленного в статье 52(2), внося уже в 1976 г. в текст Ру-

⁴² См. ric David, *Principes de droit des conflits arm s*, Bruylant, Bruxelles, 2002, p. 270; Henri Meyrowitz, «Les juristes devant l'arme nucléaire», *Revue g n rale de droit international public*, Vol. 68, 1963, p. 844.

⁴³ Henri Meyrowitz, «Le principe des maux superflus. De la Déclaration de Saint-Pétersbourg de 1868 au Protocole additionnel I de 1977», *Revue internationale de la Croix-Rouge*, N° 806, mars-avril 1994, p. 122.

⁴⁴ Meyrowitz, *op. cit.* (примечание 43), p. 121; Frits Kalshoven, «Reaffirmation and Development of Humanitarian International Law Applicable in Armed Conflicts: the Diplomatic Conference, Geneva, 1974-1977», *Netherlands Yearbook of International Law*, Vol. 9, 1978, p. 111.

⁴⁵ Например, CICR, *International humanitarian law and the challenges of contemporary armed conflicts*, *op. cit.*, (примечание 25), p. 14; Judith Gail Gardam, *Non-combatant immunity as a norm of international humanitarian law*, Martinus Nijhoff Publishers, Dordrecht, 1993, p. 155; William J. Fenrick, «Targeting and proportionality during the NATO bombing campaign against Yugoslavia», *European Journal of International Law*, Vol. 12, 2001, p. 494.

⁴⁶ TPIY, *Final Report NATO Bombing*, *op. cit.*, (примечание 35), para. 42.

ководства для военнослужащих по праву войны на суше поправку, в которой дословно воспроизводится текст этой части статьи 52⁴⁷.

- Двойное использование (в гражданских и военных целях) оборудования средств массовой информации

В настоящее время, когда развитие техники достигло высокого уровня, нередко объекты и ресурсы используются с двойной целью — гражданской и военной, что отражается на режиме защиты этих объектов. Гражданские объекты (дороги, включая железные, школы и т.п.), которые временно используются в военных или как в военных, так и в гражданских целях, могут подвергаться нападению на законных основаниях⁴⁸. Так, 27 марта 2003 г. в Багдаде коалиционные силы дважды наносили бомбовые удары по министерству информации, хотя всем было известно, что в здании располагались офисы международных информационных агентств. После того, как 8 апреля 2003 г. в Багдаде американский танк подверг обстрелу гостиницу «Палестина», в которой находились представители зарубежных средств массовой информации, официальный представитель министерства обороны США заявил, что уже на протяжении 48 часов гостиница рассматривалась как военный объект, поскольку там проходили совещания иракских руководителей⁴⁹. Во время проведения военно-воздушных операций в Югославии представители НАТО оправдывали бомбардировку сербского радио- и телецентра тем, что это учреждение использовалось не только в гражданских, но и в военных целях: помимо гражданских функций, он выполнял и только военные, так как его оборудование было подключено к сети КЗ (команд-

⁴⁷ U.S. Army Field Manual, para. 40(c).

⁴⁸ См. Yves Sandoz, et al., *op. cit.* (примечание 9), para. 2196; *Rapport final de la Commission d'experts constituée conformément à la résolution 780 (1992) du Conseil de sécurité*, annexé à la lettre, en date du 24 mai 1994, adressée au président du Conseil de sécurité par le secrétaire général, document ONU S/1994/674, 27 mai 1994, para. 206; U.S., *Report to Congress on the Conduct of the Persian Gulf War*, *op. cit.*, (примечание 30), p. 623 et U.S. Army Field Manual, paras. 401, 403, 404, 410.

⁴⁹ См. Reporters sans frontières, «Deux meurtres pour un mensonge», enquête de Jean-Paul Mari, janvier 2004, p. 14 (на сайте <<http://www.rsf.org>>).

но-контрольная и коммуникационная сеть сербской армии)⁵⁰. В своем окончательном докладе специальная комиссия МУТЮ пришла к заключению, что если оборудование телецентра действительно использовалось также вооруженными силами, оно являлось военным объектом⁵¹. Как представляется, этот вывод комиссии соответствует духу и букве Протокола I: нападение на объект, который используется с двойной целью, — законно, если соблюдаются условия, предусмотренные в статье 52(2) Протокола I. Аналогичным образом, если, как утверждал американский представитель в оправдание бомбового удара, нанесенного 12 ноября 2002 г. в здании арабского телевидения «Аль-Джазира» размещались офисы талибов, а также «Аль-Каиды», то эта телестанция являлась законной военной мишенью⁵². Однако в любом случае, когда идет речь об объекте двойного использования, стороны в конфликте должны с большей ответственностью подходить к обязательству принимать необходимые меры предосторожности.

- Становится ли военным объектом средство массовой информации, используемое в пропагандистских целях?

Во время иракского конфликта 2003 г. британские средства массовой информации подвергались словесным нападкам со стороны некоторых министров и парламентариев, которые обвиняли их в том, что они играли на руку иракской пропаганде⁵³. За четыре года до этого некото-

⁵⁰ Тексты соответствующих докладов представителей НАТО содержатся в следующих документах: ТРИУ, *Final Report NATO Bombing*, paras. 72, 73 et 75; *Kosovo/Operation Allied Force. After Action Report*, U.S. Department of Defense, доклад был представлен в Конгресс 31 июня 2000 г., текст доклада размещен на сайте <http://www.defenselink.mil/pubs/kaar02072000.pdf>; *Intervention de l'OTAN en Yougoslavie. Dommages collatéraux ou homicides illégaux? Violations du droit de la guerre par l'OTAN lors de l'opération «Force alliée»*, Amnesty International, Londres, juin 2000, p. 39, см. на сайте <http://www.amnesty.org>, AI-index EUR 70/018/00.

⁵¹ ТРИУ, *Final Report NATO Bombing*, paras. 55, 75 et 76.

⁵² Информацию об афганских событиях можно найти в *Rapport annuel 2002* на сайте организации «Репортеры без границ».

⁵³ Коммюнике организации «Врачи без границ» «Royaume-Uni (8 avril 2003). Certains médias pris parti par des ministres et des parlementaires pour leur couverture de la guerre en Irak» (см. на сайте <http://www.rsf.org>).

рые представители НАТО⁵⁴ публично оправдывали бомбардировку сербского радиовещательного и телевизионного центра в Белграде желанием нейтрализовать этот источник пропаганды⁵⁵. И хотя ни у кого не вызывает сомнения, что сербское радио и телевидение действительно выполняло эту функцию, при взвешенном толковании статьи 52 Протокола I следует не согласиться с аргументом в пользу того, что только пропаганду следует рассматривать как оправдание нападений на средства массовой информации.

По этому вопросу комиссия, учрежденная МУТЮ, заняла четкую и твердую позицию. Как явствует из ее доклада, средство массовой информации не является «законной мишенью» только потому, что распространяет пропагандистские материалы, хотя эта деятельность вносит определенный вклад в военные действия⁵⁶. Кроме того, в докладе уточняется, что моральное состояние населения как таковое также нельзя рассматривать в качестве «законного военного объекта»⁵⁷. Подобное утверждение встречается, в частности, в доктрине обороны Великобритании, опубликованной в 1996 г.⁵⁸, а также в докладе, представленном Фолкером Крэннингом Парламентской ассамблее НАТО в ноябре 1999 г.⁵⁹ Здесь наблюдается отход от доктрины «тотальной войны», которая впервые была

54 Тексты заявлений представителей НАТО приводятся в: TPIY, *Final Report NATO Bombing*, para. 74; Amnesty International, *op. cit.* (примечание 50), pp. 39-40; *Civilian Deaths in the NATO Air Campaign*, Human Rights Watch, New York, февраль 2000, <http://www.hrw.org/reports/2000/nato/index.htm>; Claudio Cordone et Ayner Gidron, «Kosovo et droit de la guerre. L'attaque contre les studios de la télévision serbe», *Le Monde diplomatique*, juillet 2000, pp. 18-19.

55 Французский словарь «Le Petit Robert» дает следующее толкование термина «пропаганда»: «... воздействие на общественное мнение с целью внедрения определенных социально-политических идей, поддержания определенной политики, правительства, ...»

56 TPIY, *Final Report NATO Bombing*, paras. 47, 55, 74 et 76. Комиссия МУТЮ тем не менее считает, что в данном случае пресечение пропагандистской деятельности СРТ было для НАТО лишь второстепенной задачей, дополнявшей главную – нейтрализацию сети КЗ.

57 *Ibid.*, paras. 55 et 76.

58 *Doctrine de défense britannique* (JWP 0-01): «... подрывать моральное состояние гражданского населения противной стороны незаконно...» (цитируется по тексту статьи А.П.В. Роджерса «Война без потерь», *Международный журнал Красного Креста. Сборник статей*, 2000 г. – М.: МККК, декабрь 2001, с. 19).

59 *Le Kosovo et le droit international humanitaire*, Assemblée parlementaire de l'OTAN, Commission des affaires civiles, 45e session annuelle, Volker Kröning (Allemagne), rapporteur spécial, Amsterdam, novembre 1999, p. 9, para. 18.

осознанно изложена в трактате прусского генерала фон Клаузевица «О войне»⁶⁰. В соответствии с этой доктриной «сокрушение воли противника также является целью войны» — эти слова любил повторять Уинстон Черчилль⁶¹. Если бы психологическое воздействие на население было признано в качестве законной цели войны, насилие стало бы беспредельным, как это было во время Второй мировой войны. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что говорится в одном из заявлений организации «Международная амнистия»:

«"Международная амнистия" признает, что дезорганизация официальной пропаганды может способствовать подрыву морального духа населения и вооруженных сил, но считает, что, оправдывая этим нападение на гражданские объекты, можно настолько расширить понятия «эффективный вклад в военные действия» и «явное военное преимущество» [ст. 52(2) Протокола I], что они перейдут допустимые пределы»⁶².

Тем не менее, разрешаются не все формы пропаганды. Запрещена пропаганда, подстрекающая к совершению серьезных нарушений международного гуманитарного права, актов геноцида или насилия, а средства массовой информации, которые распространяют такую пропаганду, могут стать объектом нападения на законных основаниях: «Вопрос о том, можно ли на законных основаниях совершать нападение на средства массовой информации, подлежит обсуждению. Если информационный орган используется для того, чтобы подстрекать к совершению преступ-

⁶⁰ Карл фон Клаузевиц. О войне. — М.: Эксмо, 2003.

⁶¹ Концепция тотальной войны была отвергнута Нюрнбергским военным трибуналом по той причине, что «эта концепция лишает всякой ценности нравственные принципы, лежащие в основе конвенций, призванных придать вооруженным конфликтам более гуманный характер», Tribunal militaire de Nuremberg, Jugement du 30 septembre — 1er octobre 1946, *Proc s des grands criminels de guerre devant le Tribunal international, Nuremberg, 14 novembre 1945 — 1er octobre 1946*, Nuremberg, 1947–1949, Vol. I, p. 238.

⁶² Amnesty International, *op. cit.*, (примечание 50), p. 40.

лений, как в Руанде, — он является законной военной целью...»⁶³. Трудно однозначно определить, в какой степени являются законной целью органы, призывающие к геноциду, такие как «Радио тысячи холмов» и газета «Кангура» (Руанда, 1994 г.)⁶⁴. Положительный ответ можно, очевидно, найти в толковании статьи 52(2) Протокола I или принципа прекращения действия защиты в случае участия в военных действиях. Созданная МУТЮ комиссия утвердительно ответила на поставленный вопрос: «Если средство массовой информации используется для подстрекательства к совершению преступлений, как, например, в Руанде, его можно рассматривать на законных основаниях в качестве военного объекта»⁶⁵.

Существует и другое толкование: «средства массовой информации, разжигающие ненависть», можно рассматривать как законные цели в рамках выполнения мер по пресечению нарушений Женевских конвенций (ст. 49/50/129/146) и Протокола I (ст. 85). Нужно ли напоминать, что, в соответствии со статьей 1 четырех Женевских конвенций 1949 г. и Протокола I, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать и «заставлять соблюдать» эти договоры?

Обязательство принимать меры предосторожности при нападении, в ходе которого могут пострадать журналисты и средства массовой информации

Законность нападения зависит не только от характера объекта, на который оно направлено (военный объект), но также от того, выполня-

⁶³ TPIY, *Final Report NATO Bombing*, para. 47, voir aussi paras. 55 et 76; см. также: Canada, Bureau du Juge-avocat général, *Le droit des conflits armés au niveau opérationnel et tactique* (B-GG-005-027/AF-020), 2001, para. 30 («Opérations psychologiques») (далее: «Руководство для канадских военнослужащих»): 2... законный характер носят не все формы пропаганды. Запрещена пропаганда, подстрекающая к незаконным военным действиям, таким как убийство гражданских лиц, совершение убийства или нанесение ранений с использованием вероломства, применение ядов или отравленного оружия»; см. также Human Rights Watch, *op. cit.* (примечание 54).

⁶⁴ См. постановление, принятое Международным уголовным трибуналом для Руанды (МУТР) по делу «Процесс над средствами массовой информации», TRIP, *Procureur c. Ferdinand Nahimana, Jean-Bosco Barayagwiza, Hassan Ngeze* (ICTR-99-52-T), jugement et sentence, 3 décembre 2003, et TRIP, *Procureur c. Georges Ruggiu* (ICTR-97-32-I), décision du 1er juin 2000. В этих документах нет ссылки на понятие «военного объекта». См. также комментарий автора относительно постановления от 3 декабря 2003 г. по делу *Ferdinand Nahimana, Jean-Bosco Barayagwiza, Hassan Ngeze* в *Revue générale de droit international public*, *Chronique de jurisprudence internationale*, 2004 (готовится к печати).

⁶⁵ TPIY, *Final Report NATO Bombing*, para. 55.

ются ли при этом обязательства принимать меры предосторожности, в частности, соблюдается ли принцип соразмерности и обязательство оповещать гражданское население о готовящемся нападении. В этом отношении журналисты и средства массовой информации пользуются не особым статусом, а общей защитой, которую Протокол I предоставляет гражданским лицам и гражданским объектам в период военных действий.

Принцип соразмерности: ограничение неприкосновенности журналистов и средств массовой информации

В июне 1999 г. во время бомбардировки военно-воздушными силами НАТО сербского телецентра в Белграде погибло не менее 16 человек и 16 получили ранения (электротехники, гримерша, монтер, охранники). Вещание было прервано; передачи СРТ возобновились через три часа после бомбардировки. Некоторые сочли, что человеческие жертвы были слишком велики по сравнению с преимуществом, полученным в результате этого нападения, таким образом вставал вопрос о возможном нарушении принципа соразмерности.

Этот принцип был кодифицирован лишь в 1977 г., когда его сформулировали в статьях 51(5)(b) и 57(2)(a)(iii) Протокола I⁶⁶. Он представляет собой попытку свести к минимуму «случайные потери», которые могут повлечь за собой военные операции. Этот принцип служит критерием, позволяющим определить, в какой степени можно оправдать случайные потери с точки зрения международного гуманитарного права: между разрушительными последствиями законного характера и нежелательными случайными потерями должно существовать какое-то разумное соотношение. И действительно, из вышеперечисленных статей явствует, что в соответствии с принципом соразмерности случайный ущерб («... нападение, которое, как можно ожидать, *попутно* (выделено автором) повлечет ...»), который может быть причинен при нападении, то есть, потери среди населения и ущерб находящимся под защитой объек-

⁶⁶ В такой же формулировке он приводится в статье 3(3)(с) Протокола II о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств к Конвенции 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, а также в статье 3(8)(с) того же Протокола с поправками, внесенными 3 мая 1996 г.

там, не должен быть чрезмерным по отношению к военному преимуществу, которое предполагается получить.

- «Чрезмерные» потери и ущерб

Слово «чрезмерный», которое встречается в тексте вышеуказанных статей, является ключевым для определения соразмерности. Те, кто ведет подготовку нападения, принимает соответствующее решение и исполняет его, должны проводить различие между ущербом чрезмерным и ущербом допустимым. Они должны производить оценку операции с военной точки зрения, а также в плане возможных потерь среди гражданского населения, и если эти потери будут чрезмерными — отказаться от ее проведения. Оценка, которая должна производиться военными командирами, в высшей степени субъективна, потому что речь идет о том, чтобы сравнить вещи, не подлежащие сравнению, установить взаимосвязь между вещами, по своей природе в корне отличающимися друг от друга, то есть, между военным преимуществом и страданиями гражданского населения⁶⁷. И конечно, чем больше военное преимущество, которое предполагается получить, тем значительнее допускаются потери среди гражданского населения и ущерб, причиняемый гражданским объектам.

- «Предполагаемые» потери и ущерб

Соблюдение принципа соразмерности основывается на том, каким образом воюющие стороны понимают последствия совершаемых ими нападений и строят свои предположения («... нападение, которое, как можно ожидать, ...»), а не на реальных потерях среди гражданского населения. Однако вопрос заключается не в том, чтобы выяснить, что те, кто готовил нападение или принимал решение о его осуществлении, предполагали, что это нападение повлечет за собой чрезмерные потери и ущерб, а в том, что они «должны были предполагать» такой ход событий⁶⁸. Комиссия МУТЮ предлагает исходить из того, что мы имеем дело

⁶⁷ См. ТПИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 48.

⁶⁸ Antonio Cassese, «Means of warfare: the traditional and the new law», dans Antonio Cassese (éd.), *The New Humanitarian Law of Armed Conflict*, Editoriale Scientifica s.r.l., Naples, 1979, p. 176; Kalshoven, *op. cit.* (примечание 44), p. 118.

со «здравомыслящим военным командиром»⁶⁹. В случае положительного ответа нападающий будет нести ответственность на основании статьи 85(3)(b) и (c) Протокола I или статьи 8 (2)(b)(iv) Статута Международного уголовного суда. Необходимо однако отметить, что содержащееся в Протоколе I требование того, чтобы нападение было причиной смерти или серьезных телесных повреждений (ст. 85(3)), в сочетании с положением, в соответствии с которым командиры должны были знать, что нападение повлечет за собой чрезмерные потери и ущерб (ст. 85(3)(b) и (c)), значительно сужает возможность причислить нарушения принципа соразмерности к военным преступлениям.

- Комплексный подход к понятию нападения

Потери среди гражданского населения и ущерб гражданским объектам должны быть уравновешены «конкретным и непосредственным военным преимуществом, которое предполагается получить». В заявлениях о толковании этого положения при ратификации Протокола I предлагалось рассматривать «военное преимущество, которое предполагается получить» как «преимущество, которое предполагается получить от нападения в целом, а не от отдельных его этапов»⁷⁰. В своих заявлениях государства отдавали, таким образом, предпочтение подходу, основанному не на краткосрочной или долгосрочной перспективе, а на перспективе среднесрочной: военное преимущество и соблюдение принципа соразмерности оцениваются применительно к каждому нападению в целом; не принимаются во внимание ни отдельный этап нападения, если эта военная операция проводится одновременно в нескольких местах, ни военная кампания в целом.

⁶⁹ См. ТРИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 50.

⁷⁰ Оговорки и заявления, сделанные Францией при присоединении к Протоколу I 11 апреля 2001 г. (п.10). См. соответствующие заявления Германии (п. 5), Бельгии (п. 5), Канады («Военное преимущество»), Испании («Статьи 51, 52 и 57»), Италии (п. 6), Новой Зеландии (п. 3), Нидерландов (п. 5) и Великобритании (i). Ни одно государство-участник Протокола I не выдвинуло возражений против этих заявлений. Тексты оговорок и заявлений размещены на сайте Федерального Совета Швейцарии (примечание 34), а также опубликованы в: Dietrich Schindler et Jiri Toman (éds.), *Droit des conflits armés. Recueil des conventions, r solutions et autres documents*, Comité international de la Croix-Rouge/Institut Henry Dunant, Genève, 1996, pp. 849 et suiv.

Именно такой подход применила комиссия МУТЮ при анализе воздушно-бомбовых ударов, которые НАТО наносила в Югославии: после бомбардировки СРТ комиссия выясняла, как соблюдался принцип соразмерности между ущербом, нанесенным гражданскому населению (в здании СРТ погибли гражданские лица), и конкретным и непосредственным военным преимуществом, которое предполагалось получить, уничтожив сеть КЗ (командование, контроль и коммуникации), причем операция по ликвидации этой сети рассматривалась в целом, без ее привязки к бомбардировке СРТ, которая была лишь одним из этапов этой операции⁷¹. По заключению комиссии, случайные потери, несмотря на то, что они были большие, не являлись в данном случае чрезмерными⁷².

В Статуте Международного уголовного суда принимается общепринятое толкование: в этом документе говорится о «конкретном и непосредственно ожидаемом общем военном превосходстве» (ст. 8(2)(b)(iv) (*выделено автором*)). Под «конкретным и непосредственным» авторы Комментария к Протоколу I понимают «достижение серьезного результата в относительно короткие сроки и вовсе не имеют в виду преимущества, которые окажутся незначительными или результаты которых проявятся по истечении длительного периода»⁷³.

- Принцип соразмерности как норма обычного права

Подавляющее число авторов, если не все, считают, что еще до своей кодификации в Протоколе I принцип соразмерности являлся обычной нормой гуманитарного права⁷⁴. При этом вполне возможно, что формулирование этого принципа в Протоколе I выходит за рамки простой

71 ТПИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 78.

72 *Ibid.*, para. 77.

73 Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds), *op. cit.* (примечание 9), para. 2209.

74 Например, Jost Delbrück, «Proportionality», dans Rudolf Bernhardt (éd.), *Encyclopedia of Public International Law*, Vol. III, Elsevier North-Holland, Amsterdam, 1997, p. 1142; Fenrick, *op. cit.* (примечание 45), pp. 96 et 125; Judith Gail Gardam, «Necessity and proportionality in *jus ad bellum* and *jus in bello* in the General Assembly Advisory Opinion», dans Laurence Boisson de Chazournes et Philippe Sands (éd.), *International Law, the International Court of Justice and Nuclear Weapons*, Cambridge University Press, Cambridge, 1999, p. 284; Kalshoven, *op. cit.* (примечание 44), p. 116; Stephan Oeter, «Methods and means of combat», in Dieter Fleck (éd.), *The Handbook of Humanitarian Law in Armed Conflicts*, Oxford University Press, Oxford, 1999, pp. 178, 180 et 183; Rogers, *op. cit.* (примечание 58), p. 176.

кодификации, поскольку в этом документе его содержание получило дальнейшее развитие и конкретизацию⁷⁵. Довольно поздно принцип соразмерности приобрел характер нормы обычного права; произошло это, несомненно, после Второй мировой войны, во время которой на долю гражданского населения выпали ужасные испытания⁷⁶. Эта точка зрения, которая разделяется большинством исследователей, находит свое подтверждение в заявлениях государств, а также в документах негосударственных учреждений (обращения МККК, доклады ООН, циркулярное письмо Генерального секретаря ООН и т.п.), которые касаются как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов⁷⁷. Международная судебная практика также допускает, что требование соблюдать принцип соразмерности можно рассматривать как норму обычного права⁷⁸.

В докладе комиссии МУТЮ говорится об «обычном принципе соразмерности», об обязательстве избегать причинения ущерба экономической инфраструктуре и природной среде, который можно оценить как чрезмерный в долгосрочном плане, а также о запрещении нападений, которые, как можно ожидать, попутно повлекут за собой ущерб, который будет чрезмерным по отношению к предполагаемому военному преимуществу⁷⁹. Еще до того, как силы НАТО начали военные операции, Совет Безопасности ООН осудил чрезмерное и неизбирательное применение

⁷⁵ См. Hans-Peter Gasser et Theodore Meron, in *Customary Law and Additional Protocol I to the Geneva Conventions for Protection of War Victims: Future Directions in Light of the U.S. Decision Not to Ratify*, American Society of International Law, Proceedings of the 81st Annual Meeting, Boston, Massachusetts, 8–11 avril 1987, pp. 33 et 34.

⁷⁶ См. Judith Gail Gardam, «Proportionality and force in international law», *American Journal of International Law*, Vol. 87, 1993, p. 401 et note 58.

⁷⁷ См. подробнее Balguay-Gallois, *op. cit.* (примечание 33), pp. 494–500 et 502–506. Следует отметить, что ни в Протоколе II, ни в статье 3, общей для Женевских конвенций, ни в Статуте Международного уголовного суда не содержится ни одного положения, где бы прямо говорилось о принципе соразмерности, хотя косвенный намек на него можно найти в некоторых статьях (статья 15 Протокола II и статья 8(2)(е)(хii) Статута Международного уголовного суда).

⁷⁸ Например, ТПИУ, *Procureur c. Milan Martić* (IT-95-11-R61), Décision du 8 mars 1996, para. 18; ТПИУ, *Procureur c. Zoran Kupreskic et consorts* (IT-95-16-T), Jugement du 14 janvier 2000, paras. 524 et 526; ТПИУ, *Procureur c. Dragoljub Kunarac et consorts* (IT-96-23-T et IT-96-23/1-T), Jugement du 22 février 2001, para. 426.

⁷⁹ ТПИУ, *Final Report NATO Bombing*, paras. 18-20.

силы сербскими силами безопасности и югославской армией, что привело к многочисленным жертвам среди гражданского населения и участников мирной демонстрации в Косово⁸⁰.

Принцип соразмерности является руководством к действию в том смысле, что не предписывает конкретных норм, а указывает общую линию поведения. Гибкость этого принципа гуманитарного права обуславливает одновременно и его силу, и его слабость. Силу — потому что доктрину, которая бы вообще запрещала применение силы, влекущее за собой потери среди гражданского населения, нельзя было бы применять по причине ее несовместимости с требованиями военной необходимости. Слабость — потому что высокая степень субъективности предполагает большую свободу выбора, чем и пользуется сторона, прибегающая к применению силы. И все же принцип соразмерности предлагает определенный стандарт для очевидных случаев, например, при планировании массовой бомбардировки незначительных военных объектов, расположенных в густо населенной местности. В более неоднозначных ситуациях будет труднее принять решение, однако «...в подобных случаях (...), в первую очередь, следует учитывать интересы населения»⁸¹.

Обязательство заблаговременно предупреждать о нападении

Хотя представители НАТО утверждали, что «сделано было все возможное, чтобы избежать жертв среди гражданского населения и ущерба гражданским объектам» при бомбардировке СРТ⁸², высказывались сомнения относительно соблюдения обязательства заблаговременно предупреждать гражданское население о нападении, которое предусмотрено в статье 57(2)(с) Протокола I: «..делается эффективное заблаговременное предупреждение о нападениях, которые могут затронуть гражданское население, за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют». Что же касается американской бомбардировки представительств катарского телевидения «Аль-Джазира» и телевидения Абу-Даби 8 апреля в Багдаде, в результате которой один журналист погиб, а другой

⁸⁰ Резолюция Совета Безопасности 1160 от 31 марта 1998 г. (ONU S/RES/1160(1998), преамбула, ч. 3; резолюция Совета Безопасности 1199 от 23 сентября 1998 (ONU S/RES/1199 (1998), преамбула, ч. 6.

⁸¹ Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds.), *op. cit.* (примечание 9), para. 1979.

⁸² Amnesty International, *op. cit.* (примечание 50), p. 39.

был ранен, представляется, что и в этом случае журналисты не получали никакого предупреждения о готовящемся нападении⁸³.

Требование предупреждать о нападениях было кодифицировано задолго до принятия Протокола, его можно обнаружить и в некоторых документах, принятых после него⁸⁴. Основная цель этой нормы заключается в том, чтобы дать некомбатантам возможность укрыться и тем самым защититься от последствий запланированного нападения, а также позволить неприятельским властям эвакуировать гражданских лиц или отвести их в защищенные места (например, убежища). И хотя это обязательство преследует благородную цель, оно носит не слишком обязательный характер, когда речь заходит об общей защите гражданских лиц и объектов, поскольку сформулировано оно нечетко и содержит к тому же определенные ограничения, связанные с военной необходимостью. И в то же время в положениях, касающихся специальной защиты некоторых категорий лиц и гражданских объектов (гражданских больниц, гражданских санитарных формирований и организаций гражданской обороны), требование давать заблаговременное предупреждение сформулировано гораздо более четко. Если военные власти узнают, что находящиеся под специальной защитой лица или объекты совершают враждебные действия или подвергаются таковым, они могут немедленно прекратить предоставлять защиту, которая распространяется на эти лица или объекты: «Покровительство, однако, прекращается только после соответствующего предупреждения во всех необходимых случаях устанавливающего ра-

83 «Reporters sans frontières indignée par le bombardement d'Al-Jazira Bagdad», сообщение для прессы, см. на сайте <<http://www.rsf.org>>.

84 См. статью 19 Инструкций полевым войскам США, составленных Ф. Либером и объявленных президентом Линкольном в качестве Приказа п° 100 от 24 апреля 1863 г. (далее: «Кодекс Либера»); art. 16 du *Projet d'une Déclaration internationale concernant les lois et coutumes de la guerre*, Bruxelles, 27 août 1874; art. 33 du *Manuel des lois de la guerre sur terre*, adopté par l'institut de droit international la session d'Oxford, 9 septembre 1880 (далее: «Оксфордское руководство»); статью 26 Положения, прилагаемого к Конвенции (IV) о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 1907 г.); статью 6 Конвенции (IX) о бомбардировании морскими силами во время войны (Гаага, 1907 г.); статью 5(2) Протокола о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств (Протокол II к Конвенции 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия); статью 3(11) и статью 6 Протокола о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств с поправками, внесенными 3 мая 1996 г. (Протокол II к Конвенции 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия).

зумный срок и не давшего результатов»⁸⁵. Это более строгое требование делать предупреждение о планируемом нападении не имеет отношения к журналистам, однако они, будучи гражданскими лицами, пользуются защитой, которая предоставляется им на основании статьи 57(2)(с) Протокола I.

- Обязательство заблаговременно предупреждать о нападениях: ограничения и исключения

В положениях традиционного права войны, касающихся общей защиты гражданских лиц и объектов, обязательство предупреждать о нападениях рассматривается как необходимость принять меры для достижения определенного результата, а не обязательство достичь определенного результата, так как прежде, чем преступить к бомбардировке, командир «должен сделать все от него зависящее для предупреждения о сем власти»⁸⁶. Это выражение уже не употребляется в соответствующих положениях современных договоров — Протокола I или Протокола 1980 г. о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств.

Командир может отступить от правила, требующего сделать предупреждение о нападении, сославшись на свой долг обеспечивать безопасность находящихся у него в подчинении комбатантов⁸⁷. Так, представители НАТО заявили, что никаких конкретных предупреждений о предстоящей бомбардировке СРТ 23 апреля 1999 г. сделано не было, чтобы не подвергать опасности жизнь пилотов⁸⁸. Еще раз следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет о том, насколько сбалансированы во-

⁸⁵ Статья 19 Женевской конвенции IV, см. также статьи 13(1) и 65(1) Протокола I.

⁸⁶ Статья 16 Брюссельской декларации (1874 г.); статья 26 Гаагского положения (1907 г.); статья 6 Конвенции IX (Гаага, 1907 г.).

⁸⁷ В заявлениях, касающихся толкования статьи 50(1) Протокола I, которые некоторые государства сделали при ратификации этого договора, упоминается «обязанность командира обеспечить безопасность находящихся под его командованием войск» (например, Франция, оговорки и заявления, сделанные при ратификации Протокола I (11 апреля 2001 г.), п. 9; Великобритания, оговорки и заявления, сделанные при ратификации Протоколов (28 января 1998 г.), п. h. См. также U.S., *Report to Congress on the Conduct of the Persian Gulf War*, *op. cit.* (примечание 30), pp. 622, 625; *Doctrine de d fense britannique* (JWP 0-01), publiée par le Ministère britannique de la défense.

⁸⁸ Amnesty International, *op. cit.* (примечание 50), p. 44.

енная необходимость и требования гуманности, а определить эту сбалансированность должны, в первую очередь, военные командиры, решения которых можно оценить *a posteriori* на основании критерия «здравомыслящего военного командира»⁸⁹.

Некоторые международные документы и кодексы в явной форме допускают еще два исключения из правила, требующего делать предупреждение о нападении: это обязательство не соблюдается в случае проведения штурма («...атаки открытою силою ...»)⁹⁰ или когда фактор неожиданности является решающим для успешного проведения военной операции⁹¹; в последнем случае предупреждение исключается, потому что с военной точки зрения оно контрпродуктивно⁹². Тем не менее, говоря о бомбардировках НАТО в Югославии, следует отметить, что ссылки на «фактор неожиданности» или опасность, которой подвергаются комбатанты, лишены основания, особенно когда у нападающего абсолютное превосходство в воздухе или когда оборонительные возможности атакующей стороны не представляют большой опасности⁹³.

В статье 57(2)(с) Протокола I содержится требование делать заблаговременное предупреждение «... за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют ...»; эта оговорка является своего рода уступкой принципу военной необходимости, без которой норма о предупреждении вряд ли была бы включена в Протокол⁹⁴. Предпочтение, отданное выражению «за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют», а не положительному утверждению («всегда, когда обстоятельства это позволяют», «если военная необходимость это позво-

⁸⁹ ТРИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 50.

⁹⁰ Статья 16 Брюссельской декларации (1874 г.); статья 33 Оксфордского руководства (1880 г.); статья 26 Гаагского положения (1907 г.).

⁹¹ Статья 19 Кодекса Либера (1863); *U.K. Manual of Military Law*, para. 291; *Manuel militaire canadien*, para. 29; *U.S. Army Field Manual*, para. 43.

⁹² Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds.), *op. cit.* (примечание 9), para. 2223.

⁹³ См. Peter Rowe, «Kosovo 1999: The air campaign», *Revue internationale de la Croix-Rouge*, N° 837, mars 2000, p. 154.

⁹⁴ В ходе Дипломатической конференции 1974-1977 гг. в Женеве 20 делегаций проголосовали за выражение «всегда, когда обстоятельства это позволяют», 37 – за выражение «за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют», и 8 делегаций высказались за то, чтобы не включать в текст Протокола ни одного из этих выражений.

ляет», «если возможно»), несколько усиливает обязательный характер правила, требующего делать предупреждение. Чтобы повысить эффективность защиты гражданских лиц в целом и журналистов в частности, следует, очевидно, добиваться соблюдения требования делать заблаговременное предупреждение, «за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют». Под «обстоятельствами» нужно понимать обстоятельства, влияющие на успешное проведение военной операции или имеющие отношение к безопасности комбатантов, что соответствует вышеупомянутым исключениям.

По смыслу пункта 2, подпункта «с» статьи 57 данное правило не соблюдается, когда нападение не затрагивает гражданское население, — либо потому что поблизости от военного объекта нет гражданских лиц (никаких предупреждений комбатантам не делается), либо потому что применяемые военные средства гарантируют гражданским лицам безопасность (т.н. «точечные» удары, которые наносятся исключительно по военному объекту).

- Обязательство делать «заблаговременное» и «эффективное» предупреждение

В Протоколе I 1977 г. содержится требование делать «эффективное заблаговременное» предупреждение. По мнению Луизы Досвальд-Бек, «те, кто может производить предупреждение, выбирая для этого тот или иной способ, должны руководствоваться здравым смыслом, что неизбежно означает принятие мер по обеспечению безопасности нападающего»⁹⁵. Не вызывает сомнения, что норма, закрепленная в статье 57(2)(с), не требует, чтобы предупреждение делалось соответствующим властям; как достаточно эффективное должно рассматриваться прямое предупреждение, адресованное населению (разбрасываемые с самолета листовки, радиосообщения, оповещение через громкоговоритель и т.п.) и призывающее их не выходить из домов или не находиться вблизи от некоторых военных объектов.

⁹⁵ Louise Doswald-Beck, «The value of the 1977 Geneva Protocols for the protection of civilians», dans Michael A. Meyer (éd.), *Armed Conflict and the New Law: Aspects of the 1977 Geneva Protocols and the 1981 Weapons Convention*, The Chameleon Press Ltd, Londres, 1989, p. 170, note 73.

Как правило, предупреждение делается незадолго до самого нападения, чтобы неприятель не смог эвакуировать объекты, против которых оно направлено. Иногда предупреждения делаются просто в виде предупреждений общего характера или угроз: в таких заявлениях говорится о возможном нанесении ударов по определенным зонам или объектам, они лишены каких-либо уточняющих деталей, что позволяет сохранить преимущество, обусловленное фактором неожиданности. Однако вызывает сомнение, что предупреждение, сделанное задолго до совершения нападения или содержащее только намеки или противоречивую информацию, отвечает требованиям, сформулированным в статье 57. Существует опасность, что гражданское население не воспримет его всерьез. Именно поэтому желательно требовать, чтобы предупреждение было «эффективным и заблаговременным». Перед бомбардировкой СРТ предупреждение было сделано нескольким лицам – президенту Си-Эн-Эн, западным журналистам, работающим в помещении СРТ, югославским руководителям⁹⁶. По словам сотрудников СРТ и представителей югославского правительства, власти не верили, что телецентру угрожает серьезная опасность, так как с момента первых предупреждений прошло много времени⁹⁷. «Международная амнистия» считает, что в данном случае по-настоящему четкого предупреждения не было сделано⁹⁸, а по мнению комиссии МУТЮ предварительное предупреждение, сделанное НАТО, может рассматриваться, с учетом обстоятельств, как сделанное с соблюдением необходимых требований⁹⁹.

Может ли нападающий не считать себя обязанным принимать меры предосторожности по отношению к гражданскому населению, сделав предупреждение, даже если население не восприняло его всерьез? Утвердительный ответ не соответствовал бы букве и духу Женевских конвенций и Протокола I.

⁹⁶ Amnesty International, *op. cit.* (примечание 50), pp. 43-44; Natalie Nougayrede, «Des victimes du bombardement de la Télévision serbe par l'OTAN se retournent contre Slobodan Milosevic», *Le monde*, 2 novembre 1999.

⁹⁷ Human Rights Watch, *op. cit.* (примечание 54).

⁹⁸ Amnesty International, *op. cit.* (примечание 50), p. 44.

⁹⁹ ТРИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 77.

В 1987 г. подполковник Карнахэм, сотрудник штаба вооруженных сил США¹⁰⁰, и Майкл Дж. Матесон, заместитель юридического советника министерства обороны США¹⁰¹, высказали мнение о том, что требование делать предупреждение является нормой обычного права. Эта точка зрения правоведов нашла свое подтверждение в довольно последовательных действиях государств в период внутренних и международных вооруженных конфликтов¹⁰².

Нам представляется, что норма, требующая заблаговременного предупреждения, применяется также к силам ООН и другим многонациональным силам. Так, Соединенные Штаты, которые возглавляли объединенное командование во время войны в Корее (1950–1953 гг.), утверждали, что каждый день предупреждали гражданских лиц с помощью специальных радиопередач и разбрасываемых с самолетов листовок, призывая их не находиться вблизи от военных объектов, которые должны были подвергаться бомбардировкам¹⁰³. Еще один аналогичный пример: в правилах применения силы сил МООНГ (Миссия Организации Объединенных Наций в Гаити, 1993–1995 гг.) содержалось указание, в соответствии с которым, «если возможно, перед использованием силы следует сделать предупреждение». Организация «Врачи без границ» сообщила, что силы ЮНОСОМ II (Операция Организации Объединенных Наций в Сомали II, 1993–1995 гг.) предупреждали НПО, а иногда и

100 Lieutenant Colonel Burrus M. Carnahan, dans *Customary Law and Additional Protocol I to the Geneva Conventions for Protection of War Victims: Future Directions in Light of the U.S. Decision not to Ratify*, American Society of International Law, Proceedings, of the 81st Annual Meeting, Boston, Massachusetts, 8-11 avril 1987, p. 37.

101 Michael J. Matheson, in «The Sixth Annual American Red Cross – Washington College of Law Conference on International Humanitarian Law: A Workshop on Customary International Law and the 1977 Protocols Additional to the 1949 Geneva Conventions», *American University Journal of International Law and Policy*, Vol. 2, 1987, p. 427.

102 Обязательство делать предупреждения соблюдалось, в частности, во время войны в Испании (1936-1939 гг.), Второй мировой войны, ирако-иранского конфликта (1980-1989 гг.), Фолклендского конфликта (1982 г.), израильской операции «Мир в Галилее» (1982 г.), войны в Персидском заливе (1991 г.), гражданской войны в Руанде (1993 г.). Более подробно см. Balguy-Gallois, *op. cit.* (примечание 33), pp. 449-452.

103 Записка от 2 сентября 1950 г., адресованная председателю Совета Безопасности постоянным представителем США в ООН, служившая сопроводительным письмом к 3-му докладу Командования ООН в Корее (документ ONU S/1756, P.-V. officiel, supplément septembre-décembre 1950, p. 18), передача которого предусматривалась резолюцией Совета Безопасности от 7 июля 1950 г. (S/1588).

гражданское население о предстоящих военных операциях в населенных пунктах¹⁰⁴.

Соответствие используемых средств намеченной цели

В обращении к «Международной амнистии» от 17 мая, посвященном бомбардировке СРТ, НАТО утверждало, что «сделало все возможное, чтобы избежать потерь среди гражданского населения и нанесения случайного ущерба ...»¹⁰⁵, как того требуют положения статьи 57 («Меры предосторожности при нападении») Протокола I. Имевшие место нападения на СРТ в Югославии, корпункт катарского телевидения «Аль-Джазира» в Афганистане и в Багдаде, палестинский радио- телецентр в Рамалле¹⁰⁶ заставляют поставить вопрос более общего характера: являются ли бомбардировки радио- и телецентров и их оборудования тем средством, которое в наибольшей степени отвечало бы поставленной цели? В соответствии с пунктом 2 статьи 52 Протокола разрушение военного объекта не является единственно возможным решением, существуют еще захват и нейтрализация, которые могут оказаться достаточными для достижения намеченной цели. В первую очередь, применение иных способов оправдано с военной точки зрения, исходя из соображений экономики и концентрации средств, поскольку разрушение военного объекта сопряжено с уничтожением военного оборудования и расходом боеприпасов. Но особенно оправдано использование других методов с гуманитарной точки зрения, когда речь идет о том, чтобы «свести к минимуму потери жизни среди гражданского населения» (ст. 57(2)(a)(ii) Протокола I).

С учетом вышесказанного, может быть, следует отдавать предпочтение в максимально возможной степени не бомбардировке, а иным решениям? В случае со «Свободным радио и телевидением тысячи холмов» и «Радио Руанды», которые после 6 апреля 1994 г. стали призывать население совершать акты геноцида, предложение правозащитных и гумани-

¹⁰⁴ Communications et déclarations de Médecins Sans Frontières, 1993 (archives).

¹⁰⁵ Amnesty International, *op. cit.* (примечание 50), p. 39.

¹⁰⁶ 12 декабря 2001 г. здание Палестинского радио и телевидения было обстреляно израильской армией (см. ежегодный доклад организации «Репортеры без границ» за 2000 г. на сайте <<http://www.rsf.org>>).

тарных организаций прекратить вещание, осуществлявшееся этими радиостанциями, или глушить их передачи, не получило поддержки якобы из-за возникших трудностей технического и правового порядка¹⁰⁷. Однако, как считают организация «Хьюман райтс уотч» и Международная федерация Лиг защиты прав человека, вещание этих двух радиостанций можно было прекратить, не прибегая к каким-либо военным операциям¹⁰⁸. Много подобной информации содержится и в докладе созданной бельгийским сенатом парламентской комиссии по расследованию событий в Руанде (1997 г.)¹⁰⁹. В этом докладе упоминаются также меры по глушению радиопередач, содержащих призывы к совершению насильственных действий в отношении сотрудников ООН в Сомали¹¹⁰.

Выводы

Из вышесказанного следует, что журналисты и оборудование средств массовой информации пользуются неприкосновенностью: журналисты — как гражданские лица, материальная часть — на основании положений об общей защите, которую гуманитарное право предоставляет гражданским объектам. Однако речь не идет об абсолютной неприкосновенности. Журналист лишается ее, если принимает непосредственное участие в военных действиях и на весь период такого участия. Запрещается нападать на средства массовой информации, даже если они используются в пропагандистских целях, однако этот запрет не действует, если СМИ используются в военных целях или для подстрекательства к совершению серьезных нарушений международного гуманитарного права, актов геноцида или насилия. Но даже и в этих случаях при осуществлении нападения на средства массовой информации необходимо принимать все практически возможные меры предосторожности с тем, что-

¹⁰⁷ TPIR, *Procureur c. Georges Ruggiu* (IT-97-32-I), Acte d'accusation amendé du 10 décembre 1998, p. 7, para. 1.25.

¹⁰⁸ *Aucun t moïn ne doit survivre. Le g nocide au Rwanda*, Human Rights Watch et Fédération internationale des ligues des droits de l'homme, Ed. Karthala, Paris, 1999, pp. 33-34.

¹⁰⁹ Дивизионный генерал Ромео Даллер, командующий силами ООН по поддержанию мира в Кигали, заявил, что, «если бы в его распоряжении имелось соответствующее оборудование для глушения радиопередач, в Руанде можно было бы спасти от смерти многих людей» (TPIR, *Procureur c. Georges Ruggiu*, *op. cit.* (примечание 107), p.7, para. 1.25.

¹¹⁰ Para. 3.11.4.2 («Actions militaires») du rapport.

бы избежать потерь среди гражданского населения, ранений гражданских лиц и ущерба гражданским объектам или, во всяком случае, свести их к минимуму. В частности, те, кто планирует нападение или принимает решение о его осуществлении, должны следить за соблюдением принципа соразмерности, в соответствии с которым должно быть установлено разумное соотношение между случайным ущербом от такого нападения и предполагаемым военным преимуществом, а также делать эффективное и заблаговременное предупреждение о нападении, за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют. В свете последних событий в Ираке и в других регионах мира все чаще высказывается мысль о принятии нового международно-правового акта. Целью этого договора было бы, в первую очередь, подтверждение международного гуманитарного права, применяемого к журналистам и средствам массовой информации в период вооруженного конфликта. Это способствовало бы восстановлению значимости определенных основополагающих норм и официально подтвердило бы их обязательный характер, что крайне важно, поскольку они нарушаются на практике. Этот документ позволил бы также пересмотреть и развить положения существующего права, чтобы адаптировать его к новым условиям. Следует, например, сформулировать обязательство для сторон в конфликте оказывать содействие при установлении фактов в случае нападения, повлекшего за собой потери жизни среди журналистов и ущерб установкам и оборудованию средств массовой информации¹¹¹; такое содействие могло бы, в частности, выражаться в том, что стороны в конфликте обменивались бы с заинтересованными лицами соответствующей информацией, которой они располагают, и передавали бы ее в полном объеме и оперативно. Кроме того, в этом документе можно было бы усилить обязательство делать предупреждение, которое предусматривается статьей 57 Протокола I. Правовые нормы стали бы более содержательными, если бы более четко были сформулированы такие понятия, как «непосредственное участие в

¹¹¹ Из-за пассивного отношения государств журналистские организации иногда проводят собственное расследование с целью установления фактов, касающихся событий, в ходе которых страдают журналисты; по поводу обстрела американцами гостиницы «Палестина» в Багдаде (8 апреля 2003 г.) см. Reporters sans frontières, *Deux meurtres pour un mensonge*, enquête de Jean-Paul Mari, janvier 2004, материал представлен на сайте <<http://www.rsf.org>>.

боевых действиях», статус прикомандированных журналистов в случае захвата в плен, защита средств массовой информации, используемых в пропагандистских целях, и пределы этой защиты, равенство прав и одинаковая защита журналистов, независимо от их профессионального статуса, гражданства, принадлежности к личному составу вооруженных сил и т.д. И наконец, помимо вопроса о подтверждении и развитии права, применяемого к журналистам и средствам массовой информации в период вооруженного конфликта, встает главная проблема, касающаяся выполнения гуманитарного права и санкций за его нарушения. В связи с этим было бы правильно, если бы в новом документе содержалось напоминание государствам о том, что в соответствии со статьями Женевских конвенций 49/50/129/146 соответственно и статьей 85 Протокола I они обязаны пресекать серьезные нарушения вышеупомянутых норм, направленные против журналистов или гражданского имущества, которые они используют в своей профессиональной деятельности. Что же касается характера такого нового документа, то здесь можно предположить заключение межгосударственного соглашения или принятие какой-либо международной организацией соответствующего акта в одностороннем порядке (например, резолюции Генеральной ассамблеи ООН, кодекса поведения, принятого соответствующими органами НАТО и т.д.).

Актуальные вопросы и комментарии

От экспериментов Милгрэма до полей сражений: к пониманию поведения комбатантов

ЖАН-ЖАК ФРЕЗАР*

Поведение комбатантов во время войны, особенно те его компоненты, которые связаны с соблюдением или нарушением элементарных норм права вооруженных конфликтов, давно занимает МККК. Обязательно ли насилие, присущее войне, рождает эксцессы? Является ли война криминогенной по своей сути? Можно ли считать неизбежными зверства, которые имеют место во время войны?

Эрик Давид в общих выводах книги «Принципы права вооруженных конфликтов» совершенно справедливо отмечает¹, что «выполнение права вооруженных конфликтов ставит проблемы, которые в конечном счете являются скорее психологическими и социологическими, чем юридическими». Опираясь на эти выводы, МККК провел исследование, цель которого определить, эффективны ли методы воздействия, используемые МККК для того, чтобы добиться более строгого соблюдения международного гуманитарного права, и, при необходимости, предложить новые подходы решения. Особое внимание в данной статье уделяется двум моментам, которые, в основном, и формируют поведение комбатантов. Это — послушание власти и отказ от собственных нравственных ценностей.

* По заданию Международного Комитета Красного Креста Жан-Жак Фрезар неоднократно выезжал в командировки в качестве делегата и главы Делегации МККК. Настоящее исследование было проведено им совместно с Даниэлем Муньосом-Рохасом, частично в сотрудничестве с Факультетом психологии и педагогических наук Женевского университета. Настоящая статья – отрывок из более пространного документа под названием «Истоки поведения людей на войне: обзор литературы», полный текст которого будет опубликован позднее. Точки зрения, выраженные в статье, отражают мнение автора и не обязательно совпадают с позицией МККК.

Подчинение власти

Чтобы понять особую динамику, определяющую поведение человека, находящегося в подчинении власти, которую он считает законной, стоит познакомиться с исследованиями и экспериментами социального психолога Стенли Милгрэма, которые проводились в США с 1960 по 1963 год, и результаты которых были обобщены в книге «Послушание власти»², изданной в 1974 году. Благодаря фильму Анри Вернея «И как Икар», главную роль в котором сыграл Ив Монган, эксперименты Милгрэма получили во Франции широкую известность.

Эксперимент

Цель работы Милгрэма — понять поведение человека, получившего распоряжение власти предпринять те или иные действия против третьего лица. Экспериментатор привлек к участию в опытах ряд неосведомленных испытуемых (мужчин и женщин из разных слоев общества), которым было объявлено, что цель эксперимента — определить роль наказания при обучении и запоминании. Испытуемому предлагалось подвергать «ученика» электрошоку при неправильном ответе на вопрос. Мощность электрошока постепенно увеличивалась. Для испытуемого экспериментатор был научным авторитетом. Большинство испытуемых по приказу экспериментатора применяли электрошок максимальной силы (450 В). На определенной стадии «ученики» требовали остановить эксперимент, начинали кричать, а затем замолкали (создавая видимость потери сознания или даже смерти). Впоследствии Милгрэм предлагал различные варианты эксперимента: увеличивал или сокращал расстояние между субъектом и «жертвой»; ослаблял авторитет экспериментатора: распоряжения отдавались двумя экспериментаторами, не согласными

1 Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов. М., Международный Комитет Красного Креста, 2000. С. 658.

2 Stanley Milgram. *Soumission à l'autorité*. Calman-Lévy. Paris, 1974. Термину «повиновение власти» мы предпочитаем выражение «послушание власти», поскольку сам Милгрэм настаивает на том, что предметом его исследования является не вынужденное подчинение угнетенных под страхом наказания, а добровольное послушание тех, кому общество отдало определенную роль и чья мотивация состоит в том, чтобы доказать свою способность полностью справиться с этой ролью». На языке оригинала книга называется «Obedience to Authority».

друг с другом и тем самым ослаблялась ответственность испытуемого за применяемый им к «ученику» электрошок.

Основные выводы

Книга Милгрэма вызывает несомненно большой интерес. Выводы автора чрезвычайно важны для анализа послушания как социального явления. Чтобы мысли этого социального психолога были более доходчивы, мы воспользуемся широким цитированием самого автора. Начнем с его вывода о том, что:

«Обычные люди, не испытывающие никакой враждебности, могут, выполняя поставленную перед ними задачу, стать проводниками ужасного разрушительного процесса... Получив от носителя авторитета приказ действовать вразрез с нравственными нормами, лишь немногие находят в себе внутренние силы этому сопротивляться» (С. 22).

Милгрэм подчеркивает, что большинство испытуемых сознают, что не следует причинять боль незащитной жертве, они способны сформулировать свое понятие о ценностях, которых придерживаются. Однако их поведение в реальной ситуации под давлением обстоятельств часто имеет мало общего с провозглашаемыми ими ценностями и осознаваемым нравственным долгом.

Когда испытуемым задают вопрос о том, как следует себя вести с точки зрения морали, в тех случаях, когда применяют электрошок для стимулирования обучения и запоминания, все без исключения высказываются за неповиновение. Однако в реальности некоторые факторы оказывались сильнее личных воззрений на принципы морали и многие испытуемые «оказались неспособными воплотить в жизнь свое понимание морали и долга и продолжали участвовать в эксперименте, осуждая свое поведение.» (С. 23).

Поставив вопрос о том, почему субъект пребывает в состоянии послушания, Милгрэм выявляет различные участвующие в этом механизмы, основной из которых:

«исчезновение чувства личной ответственности, что является самым серьезным последствием послушания власти. Несмотря на то, что в данных обстоятельствах индивидуум совершает поступки, которые идут вразрез с велением его совести, было бы неправильно делать вывод об ис-

чезновении у него нравственных критериев: истина заключается в радикальном перенацеливании субъекта, который в данный момент не выносит оценочных суждений о своих действиях и озабочен исключительно тем, чтобы оказаться на высоте при исполнении требований власти» (С. 25).

Подчинение не подразумевает принуждение

Испытуемые в экспериментах Милгрэма — простые граждане, считающие, что принимают участие в научных опытах и могут прекратить свое участие в любой момент; они не настроены враждебно к «ученикам», которых им поручено наказывать. Исходя из этого мы можем применить некоторые выводы об интересующей нас категории лиц, то есть комбатантах: во многих случаях они оказались в армии не по своей воле и должны занять строго определенное место в иерархии, которая является для них данностью; они обязаны исполнять приказы и знают, что неподчинение повлечет более или менее суровое наказание и в данном случае их подчинение власти будет сильнее, чем в опытах Милгрэма, где экспериментатор не располагал средствами принуждения. Однако подчинение, подкрепленное принуждением, не означает, что субъект полностью лишается воли. Чтобы эффективно выполнять поставленные задачи, комбатант не должен становиться рабом командира. Исполняя свою роль и занимая свое место, комбатант не обязательно одобряет полученный приказ и разделяет заявленные групповые цели.

Дистанцирование и сегментация задач

Подчинению способствуют и другие факторы. Например, Милгрэм не изучал, каким было бы поведение испытуемого, если бы «ученика» перед началом эксперимента подвергли интенсивному очернению. Милгрэм выдвинул гипотезу, что субъекту было бы легче наказывать «ученика», представленного ему как извращенец или кровожадного чудовища. Психолог Милгрэм отмечает интересное явление: многие испытуемые активно очерняли «ученика», однако эта позиция выступала как *следствие* поведения испытуемых в отношении «ученика». У испытуемых, была потребность представить жертву в отрицательном свете, чтобы оправдать свое поведение (С. 27).

Во время войны или в период подготовки к войне политические власти, или носители нравственного авторитета, обычно проводят психологическую обработку, позволяющую создать дистанцию между воюющей стороной и неприятелем.

Причем, имеет значение не только психологическая дистанция между субъектом и его жертвой, создаваемая очернением последней, но и физическое расстояние между ними. Когда Милгрэм проводит эксперимент таким образом, чтобы испытуемый мог видеть «ученика», уровень послушания оказывался обратно пропорциональным степени присутствия жертвы (С. 54). Это не влекло отказа подчиняться, однако в сознании испытуемых происходила жестокая борьба: они не хотели причинять страдание жертве и не могли не подчиниться приказу.

Другой действенный способ добиться высокого уровня подчинения власти состоит в дроблении задач, когда, например, испытуемый является промежуточным звеном, то есть он не включает рубильник, а только принимает тест на обучаемость, а рубильником управляет другой участник. При таком способе подчинения власти 37 испытуемых из 40 применяли электрошок большей мощности. «Этот пример иллюстрирует опасную ситуацию, которая создается в любом обществе со сложной структурой: психологически легче отрицать личную ответственность, являясь промежуточным звеном в цепочке исполнителей деструктивного процесса, а конечный акт достаточно отдален, чтобы можно было его игнорировать». И Милгрэм добавляет: «Может быть, это самая характерная черта организации социального зла в нашем современном мире» (С. 28).

А что же женщины?

У многих возникает естественный вопрос: как в таких ситуациях реагируют женщины и сильно ли их поведение отличается от поведения мужчин. Ответим сразу: не отличалось. Милгрэм отмечает, что большинство тестов на подчинение выявили большую податливость женщин, чем мужчин. Принято считать, что женщины менее агрессивны, чем мужчины, более склонны к эмпатическим реакциям. В принципе, эти два фактора должны были действовать в противоположных направлениях. Однако, женщины продемонстрировали тот же уровень подчинения, что и мужчины, но, как правило, испытывали при этом внутренний конфликт большей интенсивности. Милгрэм указывает, что не изучал, каким будет

поведение субъектов, если в роли «ученика» будет женщина, но предполагает более высокий уровень неповиновения, поскольку нормы морали осуждают жестокое обращение с женщиной. Он считает, что эта гипотеза подтвердится в большей степени, если «учеником» будет ребенок.

Агрессивные устремления здесь не при чем

В одном из вариантов эксперимента Милгрэм заставлял испытуемых применять электрошок, мощность которого позволяла выбирать им самим. Результат оказался недвусмысленным: при возможности выбора, испытуемые, как правило, применяли самый слабый электрошок. Вывод Милгрэма: причина, побуждающая испытуемых применять самый сильный электрошок, не связана с агрессивными устремлениями, а кроется в трансформации поведения в результате подчинения приказу (С. 95). Для военного времени этот вывод, может быть, является менее категоричным. По нашему мнению, люди воюют не из-за врожденной склонности к агрессии, а потому что в ситуации конфликта ненависть к неприятелю культивируется, а еще усиливается и личным опытом, например, гибелью товарищей в бою. И тогда рождается не только агрессия, но и жестокость.

В том случае, когда «ученик» просил продолжить эксперимент (а, значит, продолжалось и применение электрошока испытуемым) в то время как экспериментатор принял решение о прекращении сеанса, испытуемый выбирал подчинение экспериментатору, т.е., по мнению испытуемых, право носителя авторитета принимать решения в отношении жертвы преобладает над правом жертвы распоряжаться собой (С. 120). То есть, решающим фактором является не сам приказ, а его источник. В случае конфликта авторитетов, например, если между несколькими присутствующими экспериментаторами возникали разногласия, действия испытуемого определялись решением лица, обладающего более высоким статусом.

Подчинение и конформизм

Чрезвычайно важно помнить о различии между повиновением и конформизмом как в отношении испытуемых в экспериментах Милгрэма, так и комбатантов. В обоих случаях человек отказывается от личной инициативы действий в пользу внешнего по отношению к себе источника, но существует и ряд важных различий.

Во-первых, повиновение власти происходит в рамках иерархической структуры, а конформизм определяет поведение лиц, обладающих равным статусом. Во-вторых, конформизм — это подражание, которое делает однородным поведение индивидуумов, в то время как повиновение — подчинение без подражания источнику влияния. Комбатант не подражает командиру, а воплощает в действие полученный от него приказ. «Наиболее ярко различие между повиновением и конформизмом проявляется, в том, как субъекты объясняют свое поведение после действия. Все отрицают конформизм и утверждают, что мотивом их поступков было повиновение. [...] В то время как конформистски настроенный испытуемый отрицает ущемление своей воли во время действия, послушный же субъект утверждает, что его воля в наказании жертвы никакого участия не принимала и он не несет никакой ответственности за свои действия» (С. 144, 145).

Индивидуум превращается в агента власти

Важнейшим элементом наблюдений Милгрэма является то, что он называет превращением индивидуума в агента. Войдя в систему власти, индивидуум начинает воспринимать себя не как инициатора действий, а как исполнителя чужой воли. Милгрэм подчеркивает, что не занимался вопросами повиновения подневольных, испытывающих принуждение. Такие люди будут выполнять приказы, пока принуждение будет оставаться достаточно сильным. Милгрэм рассматривает ситуацию, когда поведение человека обусловлено интериоризированными мотивировками, а не просто внешними причинами.

Итак, превратившийся в агента индивидуум приобретает особые характеристики. «В нем происходит своеобразная настройка, делающая его максимально восприимчивым ко всему, что исходит от власти. Страдания же «ученика» он едва замечает, поскольку они психологически от него отдалены (С. 180). В зависимости от контекста один и тот же поступок может восприниматься как отвратительный или как абсолютно законный. Люди склонны принимать определения деяний, исходящие от законной власти. Иными словами, субъект совершает действие, а определение значения действия принадлежит власти. [...] Именно это идеологическое «отречение» и составляет главное познавательное обоснование повиновения. Если мир вообще и реальная ситуация воспринимаются

субъектом такими, как их воспринимает власть, то некоторые виды поступков должны рассматриваться как законные. Поэтому не следует думать, что в отношениях «власть—субъект» начальник силой навязывает сопротивляющемуся подчиненному тот или иной образ действий. Субъект добровольно принимает определение ситуации, данное властью, и подчиняется требованиям этой власти» (С. 181, 182).

Превращение индивидуума в агента власти влечет серьезный сдвиг в восприятии субъектом своей ответственности: он принимает на себя обязательства перед властью, и не чувствует своей ответственности за содержание действий, предписанных ему властью. Нравственные критерии не исчезают, но меняется угол зрения: подчиненный испытывает чувство досады или гордости в зависимости от того, как он выполняет порученную ему работу.

Еще один вывод, дающий пищу для размышлений: «В подавляющем большинстве люди делают то, что им приказывают делать, не принимая в расчет природу предписываемого им действия и без каких бы то ни было угрызений совести, если, по их мнению, соответствующее предписание исходит от законной власти» (С. 233). В самом деле, пишет Милгрэм, «бывает так, что люди поддаются гневу, совершают отвратительные поступки и впадают в настоящую ярость, направленную против других людей. Ничего похожего не происходит в описываемом эксперименте, который выявляет нечто гораздо более опасное. Это — способность человека «обесчеловечиваться», неизбежность соответствующего поведения в результате отказа от своей индивидуальности и встраивания в одну из иерархических структур общества (С. 232). [...] Для неповиновения требуется не только мобилизация внутренних ресурсов, но и перенастройка, далеко выходящая за рамки сомнений в моральности поступков и почтительного выражения несогласия, необходима перенастройка в сфере действия. И тут не обойтись без значительных психических усилий» (С. 203).

Сила инерции

Наконец, последний и немаловажный момент: подкрепление определенных видов поведения цепочкой последовательных действий, идущих в одном и том же направлении. Милгрэм показывает, что каждое действие субъекта влияет на последующее. По мере того, как субъект

увеличивает мощность электрошока, ему становится все труднее остановиться, поскольку это поставило бы под вопрос все его предыдущие действия. Один из способов оправдать свое поведение как раз и состоит в том, чтобы продолжать действовать в том же направлении и идти до конца.

От лабораторных опытов к реальной жизни

Возвращаясь к интересующей нас теме, приведем еще одно высказывание Милгрэма:

«Хотя агрессивные устремления органически присущи человеческой природе, они не имеют практически ничего общего ни с поведением испытуемых в эксперименте, ни с повиновением солдат на войне, убивающих по приказу, или летчиков бомбардировщиков, за один вылет убивающих тысячи ни в чем не повинных людей, заливая напалмом, скажем, вьетнамскую деревню. Солдат убивает, потому что перед ним ставят такую задачу, а сам он считает своим долгом выполнять полученные приказы. Что касается поведения испытуемых, тот факт, что они подвергают «учеников» болезненным наказаниям, обусловлен не кровожадными инстинктами испытуемых, а их включенностью в социальную структуру, от которой они не могут освободиться (С. 206). [...] Если бы испытуемые были привлечены к участию в эксперименте *насильно*, может быть, они тоже подчинились бы авторитету, однако в этом случае действовали бы психологические механизмы в корне отличные от тех, которые мы наблюдали. Вообще говоря, общество всегда пытается, когда есть такая возможность, подключить людей к работе его институтов на добровольной основе. Так, в армии новобранцы принимают присягу, и добровольцы пользуются большим уважением, чем призывники. Когда человека насильно заставляют подчиниться власти, например, под дулом пистолета, он будет повиноваться, пока за ним следит человек с пистолетом. Как только тот уйдет и исчезнет опасность, носителем которой он является, повиновение немедленно прекратится. В случае добровольного послушания законной власти, неповиновение санкционируется самим субъектом, причем не под действием внешнего принуждения, а в зависимости от обязательств, которые, по мнению субъекта, он на себя принял. В этом смысле *послушание соответствует интериоризированной мотивации, а не простому принуждению извне*» (С. 176).

Следует также упомянуть об опытах, аналогичных экспериментам Милгрэма, которые в разное время ставились впоследствии как в США, так и в других странах. Результаты варьировали лишь в небольшой степени, что позволяет сделать вывод об универсальности соответствующих характеристик «человеческой природы» или, по крайней мере, о том, что различные общества почти одинаково социализируют своих членов в части отношения к власти.

От опытов Милгрэма на поля сражений

Сказанное выше позволяет сделать ряд наблюдений.

1. По ряду параметров комбатант (а именно он нас интересует) отличается от неосведомленного субъекта в экспериментах Милгрэма. Будь он призывником или добровольцем, войдя в военную структуру, он в значительной степени лишается свободы выбора (например, возможности уйти из армии). Власть, поставленная над ним, носит более выраженный принудительный характер и имеет целый арсенал дисциплинарных мер для наказания за неповиновение, чего лишен экспериментатор. «Жертвой» комбатанта является не более или менее нерадивый «ученик», а лицо или группа лиц, которые обозначены для него как неприятель и которых он сам нередко воспринимает как своих личных врагов. Кроме того, в отличие от изолированного испытуемого, который находится между экспериментатором и «учеником», военнослужащий включен в группу комбатантов, оказывающую на него определяющее влияние. Наконец, вооруженный человек не участвует в эксперименте, а воюет. Иными словами, комбатант включен в деятельность, которую он осознает как очень важную, в частности, потому, что она может стоять ему жизни.
2. Факторы, воздействующие на тех, кто служит в той или иной силовой структуре, включают в себя значительно большую дозу принуждения, чем та, которой испытуемый подвергается в эксперименте. Военная власть оказывает на субъекта более жесткое давление и оставляет меньше места для неповиновения, а присущее системе принуждение носит более строгий характер. В то же время мотивации комбатанта сильнее, потому что «наказание» неприятеля легитимизируется и поощряется, а ответственность за насилие, которому подвергается неприятель, возлагается на него самого. Кроме того, неприятель являет-

ся источником опасности для комбатанта, и в этом его отличие от «ученика» по отношению к испытываемому, применяющему электрошок. Наконец, если все идет нормально, группа еще больше усиливает мотивации комбатанта и увеличивает значимость указанных факторов.

3. Как мы знаем, идеологическая обработка комбатантов — один из ключевых факторов действительности современных армий. Во имя дисциплины и повиновения индивидуальность военнослужащих частично стирается, им стараются привить автоматические навыки. При этом их не пытаются превратить в роботов, полностью лишенных собственного сознания и способности действовать инициативно, иначе сражались бы они неважно. Но можно с уверенностью утверждать, что уровень повиновения комбатанта власти выше, чем гражданина, согласившегося участвовать в научных экспериментах. Если это так, то логично будет предположить, что, поставленный перед необходимостью нравственного выбора, комбатант будет еще менее склонен к неповиновению, чем простой гражданин в отношениях с властью. Но это означает прежде всего, что такой индивидуум будет менее подвержен влияниям со стороны, которые не вписываются в поддерживаемые им со своей иерархией отношения власти и слегка окрашенную в тона конформизма солидарность внутри первичной группы, к которой он принадлежит.
4. Небезынтересно отметить, что Милгрэм предполагал проанализировать и прогнозы собственного поведения опрашиваемых. То есть вопрос «Как бы вы поступили?» задавался разным людям, которым рассказывали об эксперименте, но не сообщали его результаты, и они говорили, что бы стали делать, попав в экспериментальную ситуацию. И вовсе не удивителен разрыв между тем, что люди говорят о том, как они повели бы себя в предложенной ситуации, и реальным поведением тех, кто в ней оказывается. Есть определенная связь между этим разрывом и тем, который был выявлен проводившемся масштабным

исследованием под названием «Голоса войны»³. Декларируемая приверженность к тем или иным ценностям — это одно, а их реальное соблюдение в жизни — совсем другое.

Милгрэм, естественно, учитывал, что лица опрошенные относительно позиции, которую они займут, склонны к завышенной самооценке, а, значит, и своей способности к неповиновению. Им был предложен вопрос, как, по их мнению, поведут себя другие люди, поставленные в экспериментальную ситуацию. Ответы высветили тот же разрыв. Отвечая на вопрос о том, что будут делать люди, которым приказано причинять страдания третьему лицу, опрашиваемые утверждали, что практически все очень быстро прекратят применять электрошок. Милгрэм заключает, что «поведение этих людей обусловлено эмпатией, состраданием, чувством справедливости. Они определяют желаемое поведение и уверены, что соответствующие действия последуют автоматически, проявляя таким образом полную неосведомленность о сложной системе факторов, действующих в реальной социальной ситуации» (С. 48).

5. Было бы интересно узнать, как реагировали бы испытуемые, если бы на информационное совещание перед экспериментом к ним пришел представитель МККК и, с согласия научных руководителей опытов, кратко рассказал участникам о некоторых основных принципах международного гуманитарного права и права прав человека. Поскольку этого сделано не было, то возможны лишь предположения. Учитывая, что МККК в некотором смысле является носителем морального авторитета, можно провести параллель с одним из вариантов опыта Милгрэма, в котором имел место конфликт конкурирующих авторитетов, что вынуждало испытуемых сделать выбор. Когда эти авторитеты воспринимаются как одноуровневые и дают противоречащие друг другу инструкции (один дает — неблагоприятные для

³ В ознаменование 50-й годовщины принятия Женевских конвенций Международный Комитет Красного Креста (МККК) в 1999 г. осуществил масштабное исследование в 17 странах, 12 из которых находились в состоянии войны. Примерно 20 тысячам гражданских лиц и комбатантов было предложено высказать свое мнение о нормах, которые надлежит соблюдать во время вооруженного конфликта, и причинах, по которым они нарушаются. Опрос был проведен фирмой Geenberg Research Inc. Результаты были опубликованы МККК и помещены на сайте <http://www.icrc.org>.

«ученика» инструкции, а другой – благоприятные), действия субъекта оказываются парализованными, и он пользуется этими противоречиями, чтобы быстро прекратить применение электрошока. Напомним, что дело обстоит именно так, поскольку оба авторитета воспринимаются испытуемым как одноуровневые. В действительности же, субъект старается определить, какой авторитет выше, и подчиняться будет тому из них, кто, по его мнению, имеет больший статус. Для того, кто служит в силовой структуре, более высоким статусом будут обладать начальники и командиры, а не представители сторонней по отношению к вооруженным силам организации.

6. Интересно, что бы произошло, если бы испытуемые получили инструкцию награждать «ученика» за правильный ответ, а не наказывать его электрошоком за неправильный? Мы не можем этого знать, поскольку такой эксперимент не проводился. Тем не менее, можно предположить, что субъект систематически использовал бы максимальное поощрение ко всеобщему удовлетворению. Соблазнительно было бы распространить такой вывод на интересующие нас ситуации и заявить, что комбатанту легче выполнить приказ, соответствующий международному гуманитарному праву (МГП), чем приказ, который ему противоречит. Однако следует принимать в расчет то, что отличает реальную ситуацию вооруженного конфликта от лабораторного эксперимента, ибо чувства, испытываемые комбатантом по отношению к неприятелю и восприятие им последнего, как правило, далеки от благожелательного нейтралитета. Иными словами, неизвестно, как повел бы себя субъект, если бы он сначала увидел, что «ученик» подвергает электрошоку третье лицо или если бы «ученик» применял бы электрошок к самому испытуемому или его близким... Несомненно, субъект повиновался бы власти с большим рвением и меньшими угрызениями совести. Может быть, он даже испытал бы некоторое удовлетворение, наказывая «ученика», который до этого вел себя враждебно по отношению к нему или предпринимал осуждаемые им действия.
7. Если субъект, который легко подчиняется власти, которую считает законной, и соглашается подвергать жестоким наказаниям человека, к которому он не испытывает никакой враждебности, можно предположить, что с еще большей легкостью он подчинится этой власти, ес-

ли она прикажет сражаться против лиц, которых она определяет как его врагов. И в случае, наиболее приближенном к реалиям войны, власти даже не потребуется издавать какие-то специальные открыто жестокие приказы, а достаточно будет намекнуть, что требуется от комбатанта. «Сами поймите, чего мы от вас ждем и в каких рамках позволяем вам действовать!» Вряд ли удастся выявить приказы, непосредственно предписывающие нарушать нормы МГП, да они были бы просто излишними. Криминогенный характер войны, легитимность акта убийства, ненависть и жажда мести, которые часто сопутствуют войне, — эти факторы в совокупности делают нарушение права относительно легким. Это позволяет сделать предварительный вывод о роли власти в период вооруженного конфликта: если признать, что война способствует нарушениям МГП, невозможно вообразить такую власть, которая не приказывала бы его нарушать. Мы же ожидаем от власти недвусмысленного приказа не нарушать МГП.

8. Злоупотребления, совершаемые военнослужащими, нельзя в большинстве случаев отнести за счет исчезновения нравственных критериев. Нужно просто понять, что природа индивидуума, превращенного в «агента», стала совсем иной. Обращения к его совести, нравственному долгу будут иметь почти нулевую эффективность, поскольку его моральные ценности здесь ни при чем. Его поведение будет зависеть от того, что ему диктует власть, воспринимаемая им как законная. Допустить это непросто, потому что наше наивное восприятие мотивов человеческого поведения в большой степени основывается на идее, согласно которой люди обладают свободой воли, а их поступки продиктованы прежде всего этическими принципами. Как указывает Милгрэм, «почти 100-процентный уровень ошибок в прогнозировании объясняется сложностью учета последствий перехода субъекта в состояние агента и учета сил, которые его в этом состоянии удерживают. Прогнозирующие неповиновение субъекта исходят из того, что в экспериментальной ситуации он полностью сохраняет способность действовать в соответствии со своими нравственными критериями. Они игнорируют тот факт, что вхождение в структуру власти коренным образом реорганизовало его умонастроение» (С. 190).
9. Немаловажно констатировать силу инерции, когда проще повторить сомнительные действия, потому что каждое из них служит обоснова-

нием для следующего. Иначе говоря, прекратить сомнительные действия может оказаться непросто, потому что это поставило бы под вопрос все, что делалось до этого. В контексте, который нас непосредственно интересует, это означает, что трудно нарушить МПП в первый раз, а дальше становится проще. И комбатант, совершивший жестокие поступки, замкнется в системе обоснований, где все будущие действия будут оправдываться прошлыми. Спешить делать окончательные выводы не стоит, но все же есть основания полагать, что «нулевая терпимость» в отношении нарушений МПП должна стать абсолютным правилом.

10. Если и есть институт, который не преминул проанализировать эксперименты Милгрэма, то это — Вооруженные силы США. В Высшем военном училище сухопутных войск США (Уэст-Пойнт) уже в течение нескольких десятилетий читаются курсы на эти темы. Вот высказывание заведующего кафедрой поведенческих наук этого училища, сделанное в 1985 г.: «Наши будущие военные руководители должны будут четко осознавать не только свой авторитет, но и свою ответственность за принятие решений и с полным знанием дела обеспечить моральную безукоризненность этих решений».

После Милгрэма

Поведение комбатантов (или других людей в аналогичных обстоятельствах) не может быть объяснено исключительно описанными выше параметрами. Для того, чтобы были совершены некоторые злодеяния, должны быть параллельно задействованы и другие механизмы. Краткий обзор этих механизмов предварим примером исторического исследования, которое подтвердило большинство выводов Милгрэма.

Обычные люди

Книга Кристофера Браунинга о немецком 101-м резервном полицейском батальоне⁴ дополняет выводы Милгрэма. В данном случае речь идет не о лабораторном эксперименте, а о реальном поведении личного состава одного подразделения германской полиции в Польше с лета

⁴ Christopher Browning, *Des hommes ordinaires*. Les Belles Lettres. Paris, 1994.

1942 г. по осень 1943 г. при решении еврейского вопроса. Эти люди — примерно 500 человек — несут прямую или косвенную ответственность за гибель 83 тысяч евреев и нескольких сот поляков из числа гражданских лиц. Книга написана на основе документов того времени и 125 интервью с оставшимися в живых бывшими полицейскими этого батальона.

В лучшем случае лишь 15% личного состава 101-го резервного полицейского батальона не участвовали вовсе или были вовлечены в небольшой степени в совершавшиеся преступления. Отметим, что большинству этих резервистов не пришлось участвовать в боях, бывать под обстрелом или видеть смерть своих товарищей. Так что их поведение не может быть отнесено на счет действия факторов, обычно связываемых с войной. Автор подчеркивает, что в случае невыполнения приказов им не грозило возмездие. Ни обвиняемым, ни их адвокатам так и не удалось привести хотя бы один случай, когда отказ убивать безоружных гражданских лиц повлек за собой жестокое наказание, обычно назначаемое за неповиновение.

Браунинг подчеркивает, что в превращении полицейских из 101-го батальона в массовых убийц не было никакой предопределенности. Это были гамбургцы среднего возраста, в основном, выходцы из рабочей среды, простые полицейские, при отборе которых не использовались какие-либо особые критерии (С. 215).

Автор ссылается на Милгрэма, описательная модель которого кажется ему разумной. Он подробно останавливается на двух факторах, которые были лишь вскользь затронуты Милгрэмом: идеологическая обработка и конформизм. Мы уже рассматривали вопросы групповой динамики и порождаемого ею конформизма. Милгрэм говорит об «определении ситуации», то есть об идеологии, приносящей значение в общественные явления и организующей их. Если люди одобряют идеологию власти, то за одобрением следуют действия, причем добровольные. И Браунинг заключает: «В опытах Милгрэма оправдание путем ссылки на высшие идеологические интересы присутствует в виде невысказанной и не подвергаемой сомнению вере в то, что по своей сути наука добродетельна и способствует прогрессу человечества. При этом никакие попытки очернить действующую в эксперименте «жертву» или привить субъекту какую-либо конкретную идеологию не предпринимались. Вот

гипотеза Милгрэма: самое деструктивное поведение нацистов под более или менее строгим контролем было следствием интериоризации авторитета, осуществленной в результате длительной идеологической обработки, не воспроизводимой в лабораторных условиях» (С. 232).

Мы не имеем возможности в рамках настоящей статьи подробно изложить размышления Браунинга. Вот строки, которыми он заключает свою книгу: «Поведение отдельно взятого человека, несомненно, представляет собой невероятно сложное явление, и попытка историка его объяснить является достаточно дерзкой. А когда людей около 500, общее толкование их коллективного поведения представляется еще более сомнительным предприятием. Какой вывод можно из этого сделать? Прежде всего, после изучения истории 101-го батальона остается неприятный осадок. Это — история обычных людей, но не всех людей. У резервистов была возможность выбора, и большинство из них совершили ужасные преступления. Но разве можно оправдать убийц, сославшись на то, что кто угодно на их месте поступил бы так же? Ведь и среди них нашлись те, кто отказался убивать или прекратил убивать. В конечном счете, человеческая ответственность принадлежит к области индивидуального».

«В то же время коллективное поведение 101-го резервного батальона позволяет сделать ряд внушающих тревогу выводов. Существует не одно общество, которое находится в плену расистских традиций и не желает освободиться от менталитета осажденной крепости, порождаемого войной или угрозой войны. Любое общество приучает своих членов уважать власть и подчиняться ей, да и как бы иначе оно функционировало? Везде люди стремятся сделать карьеру. В любом современном обществе сложная организация и вытекающие из нее бюрократизация и специализация размывают чувство личной ответственности тех, кому поручено воплощение в жизнь правительственной политики. В любом коллективе чрезвычайно сильное давление на поведение индивидуума оказывается группой его членов, обладающих тем же статусом, что и он сам, которые навязывают ему этические нормы. И если полицейские из 101-го резервного батальона смогли стать убийцами, какая группа людей окажется на это не способной?»

Перевернутая мораль

Многие исследователи, особенно американские, в последние годы интенсивно изучают то, что они называют злом (*Evil*). Они рассматривают геноцид как наивысшее проявление зла и часто обращаются к теме Холокоста. При этом их мысль совершает своего рода возвратно-поступательное движение и заставляет их, иногда довольно странным образом, переносить внимание с одного явления на другое, причем, речь идет о таких трудно сопоставимых явлениях, как массовые убийства и насилие на окраинах городов США. Можно спорить о правомерности включения в научные исследования такой категории, как зло, но нас интересуют размышления этих авторов в плане того, что нового они привносят в изучение нашего предмета.

Например, преподаватель кафедры психологии Массачусетского университета Эрвин Стауб⁵ изучает эволюцию насилия и показывает, что она затрагивает не только индивидуумов, но также группы и институты. «Как правило, масштабные проявления насилия и, несомненно, групповое насилие, эволюционируют с течением времени. Индивидуумы и группы меняются в результате своих собственных действий. Если их ничто не ограничивает, то действия, наносящие ущерб другим людям, вызывают изменения в тех, кто их совершает, у других членов группы и во всей системе. В результате возрастает вероятность совершения других, еще более вредоносных действий. В ходе этой эволюции личность индивидуумов, социальные нормы, институты и культура изменяются различным образом, что облегчает совершение действий с еще более выраженным насильственным характером и делает их более вероятными»⁶.

Стауб показывает, как постепенно меняются поведенческие нормы группы, а вместе с тем и поведение по отношению к жертве. То, что было немислимым, становится приемлемым, а затем и нормальным. Для обслуживания насилия реорганизуются существующие институты и создаются новые. Далее может настать черед «перевернутой нравственности», провозглашающей убийство жертв справедливым и моральным. Об-

⁵ Ervin Staub, *The Roots of Evil*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

⁶ Ervin Staub, «The Roots of Evil: Personality, social conditions, culture and basic human needs», *Personality and Social Psychology Review*, Vol. 3, № 3, 1999, pp. 179–192.

щества, для которых характерно сильное уважение власти, по-видимому, легче склонить к массовым расправам и геноциду. Филипп Гуревич⁷, подробно исследовавший геноцид в Руанде в 1994 г., не устает подчеркивать, что руандийское население отличалось очень высоким уровнем послушания властям. Стауб пишет также, что у людей, творящих бесчинства, постепенно вырабатывается безразличие к боли, которую они причиняют жертвам, и они иногда даже начинают получать удовольствие от мучительства.

Моральное самоустранение

Более прямое отношение к интересующей нас теме имеют работы Альберта Бандуры, преподавателя кафедры психологии Станфордского университета. Он много сделал для изучения и осмысления явления, которое он называет моральным самоустранением при совершении бесчеловечных поступков. Вслед за Милгрэмом он показывает, как нравственное чувство индивидуума может быть ингибирующим (и проявляться в способности воздерживаться от бесчеловечных поступков) или проактивным (выражаться в способности поступать гуманно). По мнению Бандуры⁸, человек может включать или выключать механизмы саморегуляции, управляющие моральным поведением. Поведение ребенка в значительной мере диктуется внешними стимулами и санкцией общества. На последующих этапах жизни индивидуум принимает моральные стандарты и избегает совершать нарушающие эти стандарты поступки, чтобы не предаваться самообличению и не испытывать чувства вины. Для того, чтобы эти механизмы действовали, их нужно активировать, но есть способы избежать их включения. Предосудительные поступки можно совершать, прибегая к моральным оправданиям и эвфемизмам. Так, разъясняет Бандура, одно и то же насильственное действие для разных лиц может означать разные вещи. То, что одна группа рассматривает как террористические акты, другая группа может воспринимать как героическую борьбу освободительного движения. Именно по этой причине, по

7 Philip Gourevitch. Nous avons le plaisir de vous informer que, demain, nous serons tués avec nos familles, Gallimard. Paris, 2002.

8 Albert Bandura. «Moral disengagement in the perpetration of inhumanities», *Personality and Social Psychology Review*, Vol. 3, N° 3, 1999, p. 193–209.

мнению автора, апеллирующие к морали призывы положить конец насилию обычно не вызывают никакого отклика. При этом и индивидуум, и группа могут минимизировать или игнорировать последствия своих действий или, как было подробно показано в настоящей статье, обезчеловечивать жертв, то есть выводить их за рамки рода человеческого, и возлагать на них ответственность за их судьбу.

Бандура показывает также, чем реальная жизнь отличается от экспериментальной ситуации, созданной Милгрэмом. В опытах последнего носитель авторитета (в данном случае научного) полностью берет на себя ответственность и неустанно повторяет испытуемому, что тот не будет нести ответственности за совершенные им действия. В обществе, в том числе и во время войны, власти редко столь открыто берут на себя ответственность — хотя бы потому, что в случае неблагоприятного исхода хотят сохранить возможность отвести от себя обвинения. Высшие эшелоны иерархии часто осуществляют свою власть, неявным образом соглашаясь с тем, чтобы были предприняты те или иные действия, позволяя их совершать. Аналогично, следствием решений, принимаемых группой коллегиально, может быть совершение преступления, причем, ни один из ее членов не будет чувствовать ответственности за содеянное, которое будет приписано другим. Именно поэтому расстрельная команда обычно состоит из нескольких людей, и часто оружие одного из них заряжено холостым патроном. Каждый вправе думать, что холостой патрон был именно у него, а убили другие. Бандура уверен в том, что люди могут действовать более жестоко, если ответственность берет на себя группа, а человек, которому придется нести всю полноту личной ответственности, проявит меньшую жестокость.

Такое моральное самоустранение, подробно исследованное социальной психологией, происходит постепенно. Соответствующее поведение, — подчеркивает Бандура, — выступает как результат сложной динамики личных склонностей и общественных структур, а злонамеренные действия неизменно являются продуктом взаимодействия влияния отдельных личностей, общества и среды. Общество, — пишет Бандура в заключение, — не может полностью рассчитывать на индивидуума в плане преодоления жестокости. Ему необходимо ввести эффективные общественные гарантии, в частности, сделав невозможным для высших эшелонов власти уклонение от лежащей на них ответственности.

Действия в восприятии жертв и тех, кто их совершает

Рой Баумейстер⁹, преподаватель кафедры психологии университета Кейс Вестерн Резерв, считает, что между восприятием одного и того же действия его жертвами и теми, кто его совершили, может существовать значительный разрыв. При этом для понимания психологии вторых может быть полезно дистанцироваться от видения жертв. Например, в восприятии жертв есть четкие моральные демаркационные линии, в то время как в нравственных оценках тех, кто совершает соответствующие действия, присутствуют обширные серые зоны. Рой Баумейстер особый интерес проявляет к тем, кто получает удовольствие от причинения страданий и иногда совершают отвратительные поступки просто от скуки. Хотя, по нашему мнению, действия, продиктованные такими склонностями, не играют значительной роли в вооруженных конфликтах, все же не стоит закрывать глаза на их существование. В некоторых гражданских войнах они могут быть распространены больше, чем мы думаем.

Легитимация и делегитимация

Наш обзор был бы неполным без упоминания о работе профессора Герберта Келмана¹⁰ о процессах легитимации и делегитимации. В начале Келман устанавливает различие (важное для цели нашего исследования) между обычным влиянием и влиянием в отношениях власти. Обычное влияние связано с предпочтением: люди принимают влияние, если по одной значимой для них причине или сразу несколькими решат, что поведение, рекомендуемое агентом влияния, соответствует их собственным интересам. Наоборот, влияние в отношениях власти — из области обязанностей: люди принимают влияние в той степени, в какой, по их мнению, агент влияния вправе обращаться к ним с просьбами или требованиями, а сами они обязаны подчиняться им. Способность этой власти оказывать влияние зависит от ее легитимности в глазах тех, на кого данное влияние должно быть оказано.

⁹ Roy F. Baumeister, «The intrinsic appeal of evil: sadism, sensational thrills, and threatened egoism», *Personality and Social Psychology Review*, Vol. 3, № 3, 1999, pp. 210–221.

¹⁰ Herbert Kelman, «Reflections on social and psychological processes of legitimation and delegitimation», in John T. Jost and Brenda Major (eds), *Psychology of Legitimacy*, Cambridge University Press, Cambridge, 2001.

Легитимность — производная от основы нравственных взаимодействий внутри общества. В рамках их взаимодействий одна из сторон обращается с требованием к другой, которая может это требование выполнить или отклонить. Вопрос о легитимности встает при этом либо в отношении содержания требования, либо в отношении лица или группы, от которых исходит данное требование. Большая заслуга Келмана в том, что ему удалось показать, что значительная часть обществоведческих работ и моделей исходят из интересов и предпочтений акторов, а не из основ моральных взаимоотношений. «Понятие легитимности напоминает нам о том, что целые области социального поведения и общественных структур определяются не интересами и предпочтениями, а правами и обязанностями».

В некоторых случаях действия, предписываемые властью, могут противоречить интересам и предпочтениям лиц, которым предлагается принять соответствующий вид поведения. Эти люди могут даже счесть действия, которые им предлагается совершить, отталкивающими с нравственной точки зрения. И все же они подчиняются, потому что была активирована обязанность. В других ситуациях требования власти могут быть восприняты очень положительно.

Келман показывает важность процессов легитимации и делегитимации в совершении зверств. Легитимация определяется им как процесс рекатегоризации действия, политики или требования, но также системы, группы или лица, в результате которого то, что было незаконным, становится законным, а факультативное превращается в обязательное. Делегитимация — обратный процесс, когда индивидуум или группа теряет легитимность, легитимным становится насилие в отношении этого лица или группы. Келман выделяет три социальных процесса, облегчающие участие индивидуумов в совершении предосудительных действий. О них уже шла речь в настоящей статье. Это — авторизация, рутинное повторение и обезчеловечивание.

«Я говорю об авторизации, когда действие было осуществлено явно выраженному приказу, либо неявным образом поощрялось, либо молчаливо одобрялось законной властью. Авторизация легитимирует действия, которые в нормальных обстоятельствах были бы отнесены к категории предосудительных с нравственной точки зрения. Рутинное повторение, дробящее действие на цепочку рутинных, механических и в

большой степени запрограммированных операций как на индивидуальном, так и на организационном уровне, сокращает число возможностей для постановки нравственных вопросов и подкрепляет точку зрения, согласно которой ведущаяся деятельность нормальна и оправдана, а осуществляемое предприятие легитимно. Обесчеловечивание делегитимирует тех, против кого направлены действия, и исключает их из морального сообщества актора. Таким образом, убивать или пытаться их становится морально приемлемым и даже желательным в глазах тех, кто этим занимается, и тех, кто, как предполагается, должны их поддерживать. Совместное действие процессов авторизации, рутинного повторения и обесчеловечивания подавляет и ослабляет нравственные ограничения, которые в нормальных обстоятельствах стали бы препятствием для того, кто таким образом нарушает основные права других людей.»

Предварительные выводы

Процесс морального самоустранения комбатанта, основанный на системах оправданий, которые мы рассмотрели в предыдущих разделах, происходит в среде, где повиновение и групповой конформизм работают на динамику сложения указанных факторов. Попытки противопоставить этим силам стратегии, основанные на убеждении и аргументах морального характера, в большинстве случаев обречены на неудачу.

Командование, приказы и санкции

Среди многочисленных влияний, испытываемых комбатантом в момент перехода к действию, определяющую роль играют те, которые связаны с обстоятельствами, полученными приказами и взаимодействиями в первичной группе. Именно эти влияния побуждают обычного человека с нормальным этическим багажом и минимальным знанием норм права, применяемого в период вооруженных конфликтов, совершать иногда самые страшные зверства. Для такой организации, как МККК, приоритет состоит не в том, чтобы убедить комбатанта вести себя по-другому и добиться того, чтобы он всем сердцем принял нормы МГП, а в том, чтобы влиять на носителей авторитета, начиная с тех, по чьей инициативе совершаются различные противоправные действия.

Для обеспечения соблюдения норм МГП комбатантами должны быть созданы конкретные механизмы и условия, при которых возможно

реальное уважение этих норм. Иными словами, при малейшей возможности следует способствовать (в том числе и в ходе контактов с негосударственными вооруженными формированиями) при максимальной поддержке заинтересованных лиц принятию комплексного подхода, обеспечивающего не только включение МГП в военную доктрину, преподаваемую офицерам и рядовым, тактические занятия и подготовку войск, но, в первую очередь, присутствие норм МГП во всех приказах на всех уровнях командования и наличие у комбатантов реальных возможностей действовать в соответствии с МГП.

Невыполнение приказа должно влечь за собой наказание. Учитывая механизмы, определяющие поведение комбатанта, наказание имеет ключевое значение (оно может быть дисциплинарным, уголовным, общественным, моральным и т.д.). МККК следовало бы выступать в поддержку дисциплинарных и уголовных наказаний ввиду их примерного характера и роли в предупреждении нарушений. Важно, чтобы компетентные власти реагировали не только на военные преступления, но и на нарушения меньшей тяжести, как в целях обеспечения дисциплины в своих войсках, так и для предотвращения негативной динамики, при которой нарушения могут становиться все более тяжкими и все более приемлемыми в глазах тех, кто их совершает.

Борьба за соблюдение МГП – задача одновременно юридическая и политическая

Из моральной плоскости соблюдение МГП следует перевести в плоскость юридическую и политическую. Постулат моральной независимости комбатанта неадекватен. Речь идет не об отрицании того, что индивидуумы могут строить свое поведение на основе требований совести, но, как мы уже неоднократно подчеркивали, в некоторых обстоятельствах действия обычных людей могут определяться иными параметрами.

Пытаться насаждать терпимость и благожелательное отношение к жертвам в лучшем случае неэффективно, а в худшем вынуждает разбираться с тем, что такое хорошо и что такое плохо, и побуждает рекомен-

довать обращение к моральным критериям, легче поддающимся релятивизации, чем нормы права. Рассмотренные выше системы оправданий могут притупить чувство вины за совершение бесчеловечных действий и придать определенную эластичность моральным ценностям путем легитимации этих действий. Однако они не могут сделать соответствующее поведение законным. Проще говоря, всегда есть возможность утверждать, что нарушение МГП необходимо, неизбежно и даже правомерно, но невозможно доказать, что оно законно. Норма проводит более четкую красную черту, а ценности образуют более широкий и зыбкий спектр и носят более относительный характер.

Факты и документы

Поведение человека на войне: понять и предупредить нарушения МГП

ДАНИЕЛЬ МУНЬОС-РОХАС и ЖАН-ЖАК ФРЕЗАР*
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ КРАСНОГО КРЕСТА

Исследование, проведенное Международным Комитетом Красного Креста (МККК) под названием «Поведение человека на войне», ставило целью совершенствовать информационную политику и стратегию МККК, и повысить их эффективность в деле предупреждения нарушений норм международного гуманитарного права (МГП). В исследовании рассматривались два главных вопроса:

- а) Какие факторы воздействуют на поведение вооруженного человека, заставляя его соблюдать или нарушать нормы МГП в конкретной ситуации?
- б) В достаточной ли мере стратегия МККК, направленная на предупреждение нарушений норм МГП, учитывает ответы на этот вопрос?

В результате исследования сделана попытка классифицировать причины нарушения норм МГП¹:

1) природа, суть войны, поощряющая совершение преступлений; 2) определение целей войны; 3) причины возникновения ситуации; 4) причины социально-психологического характера; 5) причины личного характера. Разумеется, границы между выше названными категориями условны. В настоящей работе рассматриваются, в основном, социально-психологические факторы, представленные в каждой группе вооруженных комбатантов, принимающих участие в войне, такие как:

* Даниель Муньос-Рохас – специалист по социальной психологии; в настоящее время проводит исследование по заказу МККК.

Жан-Жак Фрезар – делегат МККК. В качестве делегата, а также главы делегации МККК он работал в целом ряде стран. Настоящая статья отражает взгляды авторов, не обязательно совпадающие с взглядами МККК.

воздействие группы; человек как часть иерархической системы; моральное самоустранение. Это те области, в которых деятельность МККК по предупреждению нарушений норм МГП может оказаться наиболее плодотворной.

На основании исходной концепции, учитывающей достижения социологии и психологии были разработаны модели изменения поведения комбатантов, которые строились на основе следующих гипотез: 1) комбатанты, как и гражданские лица, признают гуманитарные ценности; 2) при нарушениях МГП — как на личностном, так и на социальном уровне — происходит моральное самоустранение личности, которое возникает благодаря действию двух механизмов: оправдание своего поведения и отсутствие чувства ответственности; 3) во время вооруженных конфликтов действие механизмов отказа от ответственности основано на групповом конформизме и подчинении приказам.

Исследование поведения человека на войне состоит из четырех частей, основные выводы которых приводятся в настоящей статье. Первая часть — библиографический обзор исторического, социологического и психологического плана. Три остальные — научное исследование темы. Был проведен опрос различных групп населения с целью изучения мнения о МГП и проверки приведенных выше гипотез. Ответы респондентов и проверка гипотез были подвергнуты статистическому анализу.

Первая часть «Поведение человека на войне. Обзор литературы» рассматривает имеющиеся работы по данной проблеме.

Вторая часть «Отношение общественности к международному гуманитарному праву», осуществленная совместно с Университетом Женевы², анализирует данные, полученные в результате опроса респондентов, принадлежащих к различным национальным культурам в исследовании «Люди о войне». В 1999 году в рамках празднования 50-й годовщины принятия Женевских конвенций, МККК провел широкомасштабное исследование, которое охватило около 15 тыс. гражданских лиц и комбатантов в 15 регионах мира, где идут военные действия. Цель — узнать мнение этих людей о том, какие нормы должны соблюдаться во вре-

1 Для получения более подробной информации см. первый раздел исследования: «Behaviour in War: a survey of the literature». Данный отчет можно найти на веб-сайте МККК: <<http://www.icrc.org>>.

2 Отчет об этом этапе можно найти на веб-сайте МККК.

мя вооруженного конфликта и почему эти нормы часто нарушаются. Опрос проводился компанией Greenberg Research Inc.³

Третья часть «Комбатанты четырех стран, в которых происходили военные действия, и соблюдение МГП» содержит мнения вооруженных лиц из Боснии и Герцеговины, Колумбии, Республики Конго и Грузии. Около ста бывших и действующих комбатантов этих стран ответили на вопросы, которые касались знания ими норм МГП, отношения к этим нормам, декларируемого намерения соблюдать их, а также того, каким образом они могут оправдать нарушения МГП.

Заключительная часть «Делегаты МККК и распространение знаний о МГП» включает вопросы, предложенные делегатам МККК, работающим в сфере распространения знаний о МГП. Вопросник позволил определить, каких результатов ждут делегаты от своей работы, их впечатление о лицах, носящих оружие, мнение делегатов о причинах соблюдения или нарушения норм МГП комбатантами, а также о методах, на их взгляд, эффективного предупреждения нарушений МГП.

Полученные данные

Опросы общественного мнения проводились в рамках исследования «Поведение человека на войне» и, в первую очередь, исследования «Люди о войне». Фиксировалось мнение гражданских лиц и комбатантов из стран, где шли военные действия. Полученные данные отражают установки этих двух групп населения в отношении МГП. Кроме того, можно сделать выводы о характерных особенностях комбатантов.

Отношение к МГП со стороны гражданского населения и комбатантов

- **Универсальный характер норм МГП**

Нормы МГП носят универсальный характер, поскольку как гражданское население, так и комбатанты из самых разных стран, испытавших на себе разные формы вооруженного конфликта, признают гуманитарные принципы и придерживаются их.

³ Предварительные результаты опроса можно найти в докладе, подготовленном Greenberg Research Inc. Доклад называется «The People on War Report: ICRC worldwide consultation on the rules of war», International Committee of the Red Cross, Geneva, 1999. Данный доклад можно найти на веб-сайте МККК.

Исследование позволяет МККК заявить, что МГП носит универсальный характер — не только потому, что оно таковым было задумано, но и потому что оно признается таковым респондентами, находящимися в самых разных обстоятельствах. Однако это утверждение нуждается в уточнении, поскольку консенсус относится не к *применению норм*, а к *признанию*⁴ существования общих норм, таких как запрет на некоторые виды поведения во время войны, на неизбирательное нападение на гражданское население.

В различных регионах мира, независимо от ситуации люди соглашались, что гуманитарные принципы чрезвычайно важны. Моральные основы, на которые люди ориентируются при ответе на вопрос, почему они придерживаются норм МГП, содержатся в культурной традиции. Различие состоит в том, что для одних сообществ это религиозные, для других — светские ценности. Но подобная поляризация не акцентирует различий в установке по отношению МГП. Из этого следует, что не имеет значения, на чем основана приверженность нормам МГП — на ценностях ислама или права человека.

Ответы были сходными независимо от страны, в которой проводился опрос. Например, необходимость предоставления защиты пленным признавалась с большей готовностью, нежели принцип проведения различия между гражданским населением и комбатантами. Подобное единодушие, которое позволяет сделать вывод об универсальном характере МГП, вытекает из приверженности общим принципам. Однако в ответах на вопросы, касающиеся конкретных ситуаций, респонденты, гражданские лица и комбатанты, проявили склонность ставить обязательства, вытекающие из МГП, в зависимость от обстоятельств.

- **Обращение к нормам права**

Обращение к нормам или принципам права, которых придерживаются респонденты, представляющие самые разные культурные

⁴ Говоря о признании МГП, мы используем данный термин в двух смыслах: идентификация чего-либо посредством памяти (знание чего-либо) и принятие и идентификация себя с чем-либо (приверженность чему-либо). Аналогичным образом, говоря о применении МГП, мы имеем в виду не то, каким образом люди фактически соблюдают или соблюдали нормы МГП, а скорее то, что они говорят о своем намерении соблюдать их.

традиции, имеет превентивное значение, способствуя преодолению отрицательной динамики, обрекающей человека на участие в раскручивающейся спирали насилия. Нормы права остаются важным средством, указывающим выход из сложного положения даже в тех случаях, когда они не могут обеспечить должного поведения.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что обращение к нормам — явление весьма важное. При отсутствии подобной системы координат, люди, пострадавшие от военных действий, втягиваются в порочный круг мести, все меньше руководствуясь необходимостью применять нормы МГП. С другой стороны, если признание указанных принципов имеет прочные основания в душе человека, в нем начинается преобладать стремление искать защиту, предлагаемую нормами МГП.

- **Коллективная уязвимость**

Гражданское население стран, переживших войну, в значительной степени предрасположено выступать с требованием эффективного применения норм МГП. Решимость подобных призывов зависит от уровня коллективной уязвимости населения подобных стран (пережитых им страданий), иначе говоря, от длительности вооруженного конфликта, размеров охваченной им территории и его деструктивных социально-экономических последствий.

Различия, проявляющиеся в ответах респондентов, значительно больше зависят от особенностей конфликта и количества жертв, чем от различий в культурных традициях. Так, из результатов исследования совершенно очевидно, что длительность и интенсивность насилия (географические, временные и экономические масштабы конфликта) и травмирующее воздействие войны (количество погибших, коллективные страдания) играют существенную роль в том, что общество начинает занимать более благосклонную позицию по отношению к МГП.

Поэтому можно утверждать, что уязвимость как коллективное переживание является наиболее важным фактором, определяющим отношение к МГП прежде всего гражданского населения. Установлено, что для того, чтобы человек начал придавать большее значение нормам гуманитарного права, не так важно, насколько он сам пострадал от вооруженного конфликта, как то, что он пережил ситуацию, в которой от последствий войны непосредственно пострадало большое количество человек.

В большинстве стран количество людей, требующих применения норм права, значительно превосходит число тех, кто заявляет, что знаком с их содержанием. Это означает, что для гражданского населения стремление положить пределы войне важнее, чем знакомство с нормами, регулируемыми подобными ситуациями. Чем продолжительнее конфликт и выше число потерь, тем большая часть гражданского населения требует соблюдения норм права.

- **Пагубные последствия приверженности одной из сторон**

Чем более выражено разделение общества и чем выше приверженность его членов той или иной стороне в конфликте, тем пагубнее это сказывается на соблюдении принципов МГП.

Когда респонденты из числа гражданского населения объявляли себя приверженцами той или иной воюющей группировки, они демонстрировали большую готовность согласиться с нарушениями норм гуманитарного права. В еще большей степени сказанное относится к комбатантам, которые по определению могут считаться членами воюющих группировок. Короче говоря, чем в большей степени человек вовлечен в конфликт, тем в большей степени он готов проявлять терпимость в отношении нарушений МГП.

Черты, характерные для комбатантов

- **Групповой конформизм**

Комбатанты подвержены воздействию группового конформизма, для них характерны деперсонализация, потеря независимости и высокая степень конформизма. Индивидуальная ответственность комбатанта растворяется в коллективной ответственности боевой единицы, членом которой он является.

Отдельный человек обычно не бывает убийцей, чего нельзя сказать о группе. Многие исследования показывают, что поведение участвующих в боевых действиях лиц обычно в большей степени мотивировано давлением группы, нежели ненавистью или даже страхом. При этом большое значение имеет уважение к товарищам, защита репутации группы и стремление внести свой вклад в общий успех. Комбатант перестает быть отдельной личностью, он подвержен действию правил, принятых в группе, почтения к командирам и конформизма. Исследования взаимоотно-

шений, существующих в рамках воинского подразделения, показывают, что связи, возникающие между комбатантами, часто более крепкие, чем связь между супругами. Эта ситуация способствует растворению ответственности отдельного комбатанта в коллективной ответственности его боевого подразделения.

К этим данным необходимо добавить наблюдения более общего характера. Индивид, являющийся членом группы, проявляет «естественную» тенденцию приписывать своей группе большую значимость и уменьшать значимость остальных групп, наделять членов своей группы качествами, которые отсутствуют у членов других групп. По определению, членство в группе способствует возникновению предвзятости, упрощенного взгляда на вещи и дискриминации. Необходимо подчеркнуть, что если какая-либо другая группа объявляется противником, все перечисленные тенденции усугубляются. Таким образом, группа с легкостью может начать вести себя преступным образом и даже дойти до пропаганды и поощрения подобных действий.

- **Подчинение авторитету**

Комбатанты склонны к перекладыванию своей ответственности на стоящих выше их в военной иерархии лиц. Хотя нарушения МПП порой являются результатом приказов, отдаваемых вышестоящими командирами, похоже, что чаще это происходит из-за отсутствия конкретных приказов не нарушать нормы права или же негласного разрешения производить противоправные действия.

Обычный человек охотно подчиняется власти, которую он считает законной. В этом случае он полагает, что исполняет ее волю. Огромное большинство людей готовы делать то, что от них ждут, даже если эти действия противоречат их моральным убеждениям. Данный принцип, неоднократно получивший подтверждение в отношении «обычных» граждан, получает подтверждение и применительно к комбатантам, находящимся в рамках военной иерархии, которая в целом имеет больший набор ограничений, чем любая гражданская структура. Индивид становится еще более послушным благодаря обучению в рамках военной системы и коллективной подготовке к столкновению с противником, которого зачастую демонизируют и лишают человеческих черт.

Стэнли Милгрэм⁵ полагает, что исчезновение личной ответственности — наиболее серьезное следствие подчинения авторитету. Хотя в таких обстоятельствах индивид совершает действия, которые, похоже, вступают в противоречие с велением его совести, было бы неверно делать вывод об исчезновении самого нравственного чувства. Дело в том, что оно коренным образом меняет фокус. Человек более не выносит ценностных суждений о совершаемых им действиях. Отныне его забота состоит в том, чтобы показать себя достойным того доверия, которое оказывает ему авторитет.

Положение комбатанта следует отличать от положения человека, который под давлением силы вынужден подчиняться, но подчиняться будет до тех пор, пока продолжается давление и пока достаточно сильны внешние факторы. На послушание комбатанта воздействуют не только внешние факторы, но оно, как правило, имеет и внутреннюю мотивацию. Обычно, человек принимает то определение действия, которое дается легитимным авторитетным лицом. Иными словами, хотя действие совершается субъектом, он позволяет властям делать заключение о значимости этого действия. Именно сложение с себя идеологических полномочий субъектом и составляет сущность когнитивной основы послушания. Если окружающий мир или конкретная ситуация соответствуют определению, даваемому авторитетным лицом, то определенный вид действий будет для субъекта законным. Поэтому тандем авторитет—субъект не следует рассматривать как отношение, где начальник навязывает сопротивляющемуся подчиненному некую линию поведения. Субъект принимает определение ситуации, исходящее от авторитетного лица, и охотно выполняет те действия, которые от него ждут.

Четче всего различие между послушанием и конформизмом проявляется после совершения действия, то есть оно обнаруживается в процессе объяснения субъектом своих поступков. Все субъекты *отрицают* конформизм, и в качестве мотива своих действий *приводят* послушание. Исследования в области социальной психологии показывают, что два этих явления (повиновение авторитету и конформизм по отношению к группе) взаимно усиливают друг друга, что обеспечивает чрезвычайно высокую степень повиновения приказам (явно или неявно выраженным).

5 Stanley Milgram, *Obedience to authority: An experimental view*, Harper & Row, New York, 1974.

- **Спираль насилия**

Комбатанты, принимавшие участие в военных действиях, перенесшие унижения и травмы, через некоторое время сами начинают нарушать нормы МГП.

Комбатанты, испытавшие насильственные действия на себе, склонны по прошествии некоторого времени нарушить нормы МГП и прибегнуть к насилию. Это связано с двумя процессами, которые, воздействуя друг на друга, раскручивают новый виток насилия: 1) порочный круг мести, побуждающий «пострадавшего» комбатанта (т.е. человека, пережившего насилие, совершенное по отношению к его собственности, к близким или к нему самому) совершать нарушения МГП; 2) новый виток нарушений, вызванный изначальным нарушением гуманитарных принципов. Подобное развитие событий нельзя упускать из виду, особенно учитывая то обстоятельство, что среди комбатантов, принимавших участие в военных действиях, имеется большое количество лиц, пострадавших в результате конфликта.

Даже в рядах вооруженных сил случаются экстремальные проявления насилия. В армиях некоторых стран допускаются акты насилия по отношению к своим военнослужащим. Ежегодно в результате жестокого обращения погибает или заканчивает жизнь самоубийством огромное количество молодых солдат, а еще большее число военнослужащих дезертирует, чтобы избежать жестокого обращения. Как можно рассчитывать, что комбатант будет соблюдать принципы МГП по отношению к противнику, когда он стал жертвой жестокого обращения, унижения и зверств со стороны собственных начальников?

- **Патологическое поведение**

Нарушения МГП не всегда совершаются больными, тупыми людьми или садистами.

В целом, война потворствует совершению преступлений. Лишь небольшое число людей пользуются обстоятельствами для того, чтобы дать волю порывам и творить жестокости просто для собственного удовольствия. Однако в упоении боя более высокий процент комбатантов может потерять контроль над собой, часто под воздействием наркотиков или алкоголя. Хотя этот аспект проблемы в рамках настоящего исследования не рассматривался, данный фактор, несомненно, играет роль в нарушениях МГП.

Характерное для комбатантов отношение к МГП

- **Пропась между знанием, отношением и поведением**

Существует значительный разрыв между знаниями комбатантами гуманитарных норм и их небольшой склонностью соблюдать эти нормы во время военных действий.

Знание недостаточно для формирования положительного отношения к нормам права или к организации, ответственной за их распространение. Более того, положительное отношение к нормам — и даже искреннее их соблюдение — не означают, что комбатант будет следовать им в реальной боевой обстановке.

Пропась, существующая между приверженностью нормам МГП и фактическими действиями комбатанта, наблюдается и между признанием и применением данных норм в том смысле, в каком эти термины используются в настоящем исследовании. Так, результаты исследования показывают, что согласие наблюдается в отношении признания норм общего характера (таких как запрет на определенные виды действий во время войны или запрет нападать на гражданское население), но не в отношении их применения. Когда участвующим в исследовании комбатантам задается вопрос, не могут ли они привести конкретные ситуации, в которых они сталкиваются со сложной дилеммой (например, можно ли нападать на гражданское население, оказывающее поддержку силам противника), обнаруживаются существенные разногласия.

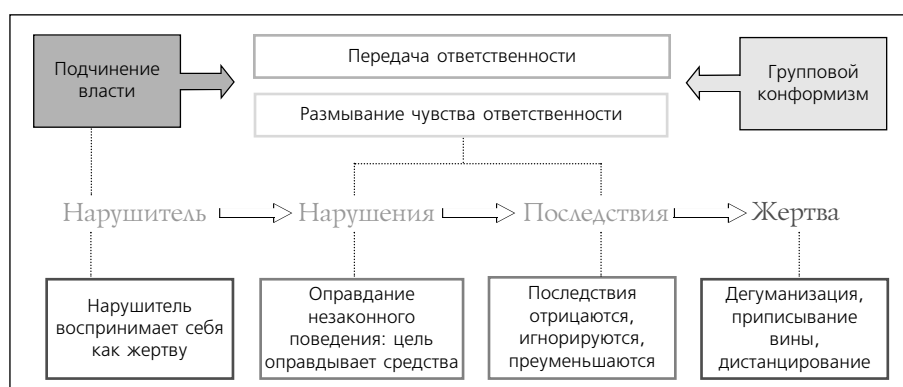
- **Моральное самоустранение**

Между признанием и соблюдением гуманитарных норм возникает пропась из-за ряда механизмов, действие которых ведет к моральному самоустранению комбатанта и нарушению норм МГП. Эти механизмы — оправдание нарушений и дегуманизация противника.

Взрослый индивид, как правило, руководствуется нормами морали и избегает действий, их нарушающих, чтобы не пришлось впоследствии осуждать собственные поступки и не испытывать чувства вины. Чтобы эти механизмы начали действовать, их необходимо сначала активизировать. Однако существуют различные способы избежать их активизации. Моральное самоустранение — процесс сложный, а злонамеренные деяния всегда являются результатом взаимодействия личностных и социаль-

ных факторов, а также влияния внешней среды. Для комбатантов, как мы видим, характерны подчинение авторитету и групповой конформизм. К ним следует добавить оправдание насильственных действий, наглядно представленное в следующей схеме.

Основные факторы, определяющие поведение комбатанта⁶.

Оправдания, связанные с лицом, совершившим преступное деяние. Лицо, совершившее преступное деяние, часто видит себя не палачом, а жертвой. Оно ощущает себя жертвой, верит в то, что оно жертва, ему говорят, что оно — жертва. Все это вместе взятое как бы дает ему право убивать и творить жестокости. Это лицо принадлежит к лагерю побежденных, униженных, проклятых, лишенных имущества, обиженных Историей и т.д. Оно не только является пострадавшей стороной. Велика вероятность, что вся ситуация может повториться. Поэтому ему надо успеть убить врага раньше, чем враг убьет его. Положение жертвы и реальный или воображаемый риск опять попасть в такое положение оправдывают применение любых методов для того, чтобы добиться справедливости.

Оправдания, связанные с преступным поведением. Одна из причин, часто выдвигаемых в качестве оправдания нарушений МГП, — это то, что народ, этническая группа, раса или страна, защищающие свое право

⁶ Составлено на основе работы Alebert Bandura «Moral disengagement in the perpetration of inhumanities», *Personality and Social Psychology Review*, Vol. 3, No 3, 1999.

на существование, не могут позволить себе роскошь учитывать гуманитарные соображения и нормы гуманитарного права, потому что это может их ослабить. Для такого народа цель оправдывает средства. В целом можно сказать, что «обычная мораль» уступает место «морали достижения результата». Люди могут допускать, что определенный вид поведения противоречит нормам абсолютной морали, однако они скажут, что обстоятельства делают его не только приемлемым, но и необходимым.

Вполне вероятно ситуация, при которой люди могут знать, что их действия незаконны, но они будут считать их вполне правомерными. Одним из оправданий, которым постоянно пользуются комбатанты, является ссылка на действия противника. Если противник нарушает или только подозревается в нарушении норм МГП, комбатанты будут утверждать, что несоблюдение МГП с их стороны также вполне оправдано. Помимо мести — а здесь часто включаются эмоции — для оправдания преступного поведения всегда ссылаются то, что это ответные действия.

Языковые средства, используемые в подобных случаях, всегда способствуют оправданию определенных видов поведения. Для обозначения военных преступлений, совершаемых в военное время, обычно прибегают к эвфемизмам: говорят о «событиях», «полицейских акциях», «операциях по зачистке», «поражении цели», «хирургическом ударе» и т.п.

Оправдания, связанные с последствиями преступного поведения. Попытка оправдания не поведения, а его пагубных последствий имеет целью отрицать, игнорировать или преуменьшать такие последствия. Современные методы ведения войны, позволяющие убивать при помощи дистанционного управления, облегчают использование подобного рода оправданий, особенно в тех случаях, когда все происходит в отсутствие представителей средств массовой информации, которые могли бы показать, как все было на самом деле. Многочисленные исследования свидетельствуют, что человеку трудно убивать себе подобных на близком расстоянии и что для преодоления такого запрета требуется специальная подготовка. В конфликтах, где применяются современные средства ведения боя, позволяющие убивать на расстоянии или на экране компьютера, нейропсихологические механизмы, препятствующие совершению акта убийства, не активизируются.

Оправдания, связанные с жертвами преступного поведения. Образ противника явно или неявно демонизируется, представляется в виде па-

разита. А паразита следует уничтожить. Иногда противника сравнивают с болезнью, которую необходимо искоренить. Как только политики, журналисты, ученые, судьи и интеллектуалы начинают сравнивать противника с вредителем или вирусом, комбатантам становится легче не только нападать на него, но и объяснять самое немыслимое поведение, убеждая себя, что все это необходимо и оправдано.

Затем в действие вступают механизмы дистанцирования. К физическому расстоянию, о котором уже шла речь, добавляется психологическая дистанция. Отрицается наличие человеческих качеств у противной стороны, противнику приписываются презираемые черты, намерения и поведение: «Мы выше них, они ниже нас». «Наша борьба бескорыстна, мы сражаемся за благородное дело. Они борются за свои преступные интересы, их цели достойны лишь осуждения». Возможен также перенос вины на самих жертв: «Очень часто они сами виноваты в том, что с ними происходит».

Остается добавить, что восприятие одного и того же события, с точки зрения жертвы и нарушителя, может существенно отличаться. Однако для того, чтобы понять психологию нарушителя, необходимо дистанцироваться от точки зрения жертвы. Если жертвы, давая нравственную оценку произошедшего, обычно используют черно-белые тона, то нарушители — различные оттенки серого.

- **Прогрессирующая природа морального самоустранения**

Моральное самоустранение — процесс не только постепенный, он является определяющим для поведения, когда в уже совершенных действиях находят основание для будущих действий.

Социальный психолог Эрвин Штауб⁷ показал, что групповые нормы меняются постепенно и поведение по отношению к жертвам эволюционирует. То, что когда-то было немыслимым, становится сначала приемлемым, а затем нормальным.

«Масштабное насилие, и, естественно, групповое насилие, меняются со временем. Отдельные индивиды и группы претерпевают изменения в результате собственных действий. Действия, наносящие вред окружаю-

⁷ Erwin Staub, *The roots of evil: The origins of genocide and other group violence*, Cambridge University Press, Cambridge, 1989.

щим, при отсутствии сдерживающих факторов приводят к появлению изменений в самих нарушителях, в других членах группы и в системе в целом, что делает возможным совершение в будущем действий, наносящих еще больший вред. В процессе подобного развития человеческая личность, социальные нормы, институты и культура претерпевают такие изменения, которые в дальнейшем облегчают применение насилия и делают его еще более вероятным»⁸.

Эти изменения являются определяющими для поведения, которое в уже совершенных действиях ищет основание для будущих действий. Каждое действие, совершаемое индивидом, воздействует на последующее и затрудняет изменения в поведении, так как если индивид перестанет вести себя преступным образом, ему придется признать, что все, что он делал до этого, плохо. Поэтому намного проще воздействовать на человека, признающего, что он совершил ошибки, чем на человека, ищущего оправдания своим поступкам.

Роль МККК

- **Деятельность МККК имеет значение для признания гуманитарных норм, но не для их применения**

Это обстоятельство не стоит недооценивать, так как, с одной стороны, оно позволяет установить пределы, а с другой, выступает в качестве фактора, косвенно ограничивающего эскалацию насилия, в которую вовлекается комбатант.

Хотя деятельность МККК способствует более широкому признанию гуманитарных норм, она не имеет непосредственного воздействия на их применение. Тем не менее, ее воздействие проявляется косвенным образом. Если верно, что, ощущая себя жертвой, комбатант требует применения гуманитарных норм лишь в той степени, в какой он с ними знаком, то следует признать, что усилия МККК по повышению знания МГП — будь то в рамках деятельности по распространению знаний или иных конкретных действий — не пропали втуне. В любом случае, можно утверждать, что МККК способствует удержанию комбатантов от вовлечения в новый виток насилия.

⁸ Erwin Staub «The roots of evil: Social conditions, culture, personality, and basic human needs», *Personality and Social Psychology Review*, Vol. 3, No 3, 1999, p. 182.

- **Одного лишь знакомства с нормами МГП или положительного их восприятия не достаточно для того, чтобы они непосредственно воздействовали на поведение комбатантов**

Распространение знаний о МГП может стать даже контрпродуктивным в тех случаях, когда действуют механизмы морального самоустранения.

Результаты исследования показывают, что распространение информации о нормах МГП, осуществляемое МККК, имеет противоположные последствия. С одной стороны, знание данного корпуса права сдерживает новый виток насилия: похоже, что оно удерживает комбатантов от вовлечения в порочный круг мести. С другой стороны, передача знаний, относящихся к МГП, может иметь и отрицательные последствия в тех случаях, когда комбатанты пытаются найти оправдание для тех или иных эксцессов.

- **Оперативная деятельность МККК может способствовать росту соблюдения норм МГП комбатантами при условии, что с ними удастся установить доверительные рабочие отношения на личном уровне**

Исследование показывает, что комбатанты, заявляющие, что у них установились доверительные отношения с МККК на личном уровне, более склонны применять нормы МГП. Подобные результаты отчасти объяснимы тем фактом, что «деятельность – лучший способ распространения знаний». Однако здесь нам следует обратить внимание на два важных момента: доверие к МККК, которое должно выработаться у комбатантов, в большей степени обусловлено личными характеристиками, а не групповыми факторами, и возникает оно в процессе действия, а не во время передачи знаний и информации.

В этой связи необходимо заметить, что хотя воздействие группы – преобладающий фактор в определении поведения комбатанта, индивидуальные факторы не должны игнорироваться и их не следует исключать.

Другие важные результаты исследования

Проведение различия между гражданским населением и комбатантами. Ответные действия

Исследование выявило две известные специалистам проблемы, которые не всегда в полной мере учитываются: 1) возражения респондентов, относящиеся к принципу различия между гражданским населением и комбатантами; 2) частое использование аргумента, что нарушения МГП совершались в ответ на соответствующие действия противника.

Необходимость проводить различие между гражданским населением и комбатантами — один из основных принципов МГП — часто выражалась нечетко, вплоть до сегодняшнего дня. Так, Майкл Валцер⁹ рассказывает, что во Вьетнаме в правилах применения силы для американцев лишь формально упоминалось о необходимости признавать и соблюдать принцип различия между комбатантами и некомбатантами. В реальности в них устанавливалось новое различие между «лояльными» и «нелояльными», «дружественно» и «враждебно настроенными» некомбатантами. Хотя делегаты МККК придерживаются мнения, что зачастую это различие провести не так просто, в то же время они полагают, что нарушения, МГП, по большей части, являются следствием намеренного нападения на гражданское население, а не объективно существующей трудности определить, кто есть кто. Эти две проблемы следует разграничить. В одних случаях считается, что гражданские лица теряют свой гражданский статус, поскольку вольно или невольно вносят вклад в военные действия противника. Здесь различие между гражданским населением и комбатантами, проводимое МГП, уступает место различию между виновными и невиновными. В других случаях нет никаких сложностей определить, что это гражданские лица, однако, несмотря на их гражданский статус, на них производится преднамеренное нападение.

Еще одна проблема, которая постоянно упоминается в различных разделах исследования, это аргумент ответных действий. Хотя воюющим сторонам можно напомнить о том, что они приняли одностороннее обязательство соблюдать МГП и следовать ему независимо от поведения противника, в реальности оказывается, что во время войны индивидуальное и коллективное поведение обычно управляется *законом равного воз-*

9 Michael Waltzer, *Just and Unjust Wars*, Basic Books, New York, 1977.

мездия (lex talionis). Настоящее исследование не ставит задачу дать ответ на подобные вопросы, однако МККК следует провести серьезное исследование на эту тему.

Вооруженные группировки, не представляющие государство

Все вооруженные группировки, способные проводить операции, в той или иной мере напоминающие военные действия, обладают какой-то структурой – у них имеется один или несколько руководителей, существует определенная степень организации, которая может быть различной, но тем не менее она есть и ее следует определить. Они преследуют свои цели, руководствуются некими стратегиями, опираются на диаспоры, имеют связи с преступным миром, источники финансирования, кодексы поведения и прочее. Учитывая, что вышеприведенные механизмы (моральное самоустранение, подчинение авторитету и т.п.) действуют и в подобных вооруженных группировках, гуманитарные организации поступят правильно, если изымут из употребления термин «деструктурированный конфликт» (или хотя бы не будут его употреблять слишком часто), а также используют все имеющиеся возможности для того, чтобы лучше узнать эти группировки и более эффективно с ними работать.

Основные уроки

Сила права, сила морали

Нам следует рассматривать МГП как правовой и политический, а не этический инструмент, сосредоточиваться в основном на распространении знаний о нормах права, а не на тех ценностях, которые лежат в их основе, поскольку представление о моральной автономности вооруженного лица неверно.

Не отрицая, что человек способен действовать в соответствии с велением совести, следует признать, что, становясь комбатантом, этот же человек при определенных обстоятельствах испытывает воздействие иных факторов. Исследование продемонстрировало, что МГП имеет универсальный характер в том смысле, что его придерживаются люди, принадлежащие к самым разным культурным традициям, основывающиеся при этом как на религиозных, так и на светских правилах. Было также показано, что если они воспринимают МГП с нормативной точки зрения, они менее терпимо относятся к нарушениям права. Иными словами, для

того чтобы удержать комбатантов от участия в новом витке насилия, более эффективна точка зрения, что существуют нормы права, а не признание существования неких моральных требований.

Усилия, направленные на то, чтобы добиться терпимости и доброжелательности по отношению к жертвам войны в лучшем случае остаются безуспешными. В худшем случае они ведут к формированию субъективной оценки и опоре на некие моральные авторитеты, что значительно легче поставить под сомнение, нежели нормы права. Попытки оправдать бесчеловечные действия, о чем шла речь выше, могут дать комбатанту возможность «отключить» в себе чувство вины, расширительно толкуя нравственные нормы, однако придать законный характер своим действиям он не сможет. Норма права устанавливает четкий запрет, в то время как ценности являются более относительными, менее четко определены и дают более широкую возможность для выбора действий.

Важность обучения, приказов и санкций

Необходимые предпосылки для более четкого соблюдения МПП — это обучение вооруженных лиц, издание четких приказов, касающихся предполагаемых действий, и применение эффективных санкций в случае нарушения этих приказов.

В целом, поведение комбатантов регулируется тремя факторами: 1) положением в группе, что заставляет вести себя соответственно ожиданиям группы; 2) положением в иерархической структуре, что заставляет подчиняться власти (которую считают законной, или эта власть принуждает их поступать определенным образом, или то и другое вместе); 3) процессом морального самоустранения, чему способствует состояние войны, разрешающее применение насилия по отношению к тем, кто был определен как противник.

Все сказанное сводится к изначальной формуле, а именно к тому, что обучение комбатантов, четкие приказы и строгие наказания — наиболее эффективные рычаги повышения уровня соблюдения МПП.

Чтобы комбатанты соблюдали МПП, нормы права должны быть выражены в виде конкретных механизмов, также должны существовать практические меры, благодаря которым право будет эффективно соблюдаться. Всегда, когда это возможно, в том числе при работе с членами вооруженных группировок, не представляющих государство, следует под-

ходить комплексно. Подразумевается такой подход, когда нормы МГП не только принимаются во внимание при выработке военной политики, преподаются офицерскому и рядовому составу, становятся составным элементом учений и всего процесса обучения, но что еще более важно — учитываются в издаваемых военным ведомством приказах, и тогда поведение комбатантов скорее всего будут соответствовать нормам МГП.

Невыполнение приказа должно наказываться. Санкции, которые играют первостепенную роль в формировании поведения комбатанта, могут быть различными: дисциплинарными, уголовными или социальными. Дисциплинарное и уголовное наказание должно применяться как для назидания, так и для предупреждения нарушений. Важно, чтобы власти принимали меры даже по отношению к нарушениям, еще не являющимся военными преступлениями, с тем, чтобы обеспечить дисциплину в войсках и избежать эскалации насилия, когда нарушения будут не только приобретать все более серьезный характер, но и становиться все более допустимыми в глазах тех, кто их совершает.

Для МККК и других гуманитарных организаций важно не убеждать комбатантов вести себя по-другому, обращаясь к каждому из них в отдельности, а воздействовать на облеченных властью лиц, начиная с зачинщиков любых проявлений «чрезмерного» насилия и заканчивая теми, кто разрабатывает политические, идеологические и этические обоснования для дегуманизации образа противника.

Различия между знанием, установкой и поведением

Если МККК хочет предупредить нарушения МГП, он должен максимально четко сформулировать свои цели: стремится ли он сообщить знания, изменить установку или повлиять на поведение? МККК должен разработать реальную стратегию деятельности в области предотвращения нарушений МГП.

Если говорить об установках¹⁰ и поведении в отношении МГП, то между комбатантами и гражданскими лицами существуют значительные различия. Сотрудники МККК должны знать и понимать эти разли-

¹⁰ Установку можно определить как отношение индивида к кому-либо или чему-либо. Это отношение формируется стимулами, исходящими из трех источников: когнитивного (знания, которые я аккумулирую), аффективного (испытываемые мною чувства) и поведенческого (намерения и действия, которые я предполагаю совершить).

чия для того, чтобы определить политику, направленную на предупреждение нарушений МГП, специально нацеленную на эти группы населения. В частности, МККК должен четко осознать, какие он преследует цели, т.к. методы распространения знаний и воздействия на установку и поведение различных целевых групп населения отличаются друг от друга, и ресурсы, которыми располагает МККК, должны быть скоординированы таким образом, чтобы можно было сформулировать стратегию деятельности, направленной на предупреждение нарушений.

Следует более четко понимать факторы, влияющие на поведение вооруженного человека, поскольку от этого зависит выбор стратегии воздействия. Ее целью станет убеждение не отдельного индивида в необходимости выбирать для себя тип поведения, соответствующий требованиям МГП, а убеждение более или менее структурированных, организованных по иерархическому признаку групп соблюдать указанные нормы. Это означает, что нет никакой необходимости добиваться их соблюдения каждым отдельным членом группы. Хотя абсолютно ясно, что модель поведения, воспринятая благодаря личной убежденности, более устойчива, чем модель, воспринятая по принуждению. Мы могли убедиться, что люди, испытывающие воздействие механизмов морального самоустранения и подчиняющиеся авторитету, который они воспринимают как законный, практически всегда выполняют приказы, даже если последние вступают в противоречие с их совестью или моральными ценностями.

Необходимо также отметить, что если мы хотим, чтобы комбатанты соблюдали МГП, гораздо важнее воздействовать на поведение, нежели на установку. В общем и целом, МККК прибегает к убеждению, которое является коммуникативным актом, нацеленным на изменение психического состояния индивида в контексте, когда тот сохраняет или считает, что сохраняет некоторую свободу. Свобода действий объекта является существенным элементом убеждающего взаимодействия с ним. В случае с вооруженными лицами убеждение способно — при некоторых обстоятельствах и часто в ограниченных пределах — быть эффективным средством воздействия. Однако основные усилия по воздействию на поведение комбатантов должны предприниматься в другом направлении — включении норм МГП в военные приказы, политику и обучение.

Глобализация: подход к феномену и последствия для гуманитарной деятельности

Жан-Люк Блондель*

Глобализация — что это: лозунг или реальность? И то, и другое. Слишком уж тесно переплетаются в ней объективные, четко определяемые элементы и более или менее субъективное восприятие. Время ее зарождения тоже не поддается точному определению. По мнению одних авторов, отсчет следует вести от «открытия» Америки в 1492 году. Другие относят ее возникновение к периоду после окончания Первой мировой войны, либо связывают ее с развитием гражданской авиации, созданием ООН, падением Берлинской стены или изобретением Интернета. Такое разнообразие трактовок свидетельствует о том, что мы имеем дело с процессом, а не с отдельным фактом, легко поддающимся идентификации.

Мы воздержимся от попыток дать определение феномену глобализации и вместо этого напомним о составляющих его элементах, а затем перейдем к анализу воздействия этого (нового) измерения международной жизни на вооруженные конфликты и, параллельно, на гуманитарную деятельность.

Подход к явлению

Можно сказать, что глобализация одновременно и определенное видение мира, и сам этот мир. Не претендуя на исчерпывающую характеристику, мы можем выделить, по меньшей мере, следующие измерения:

- (i) принципиальная «трансграничность» в товарообмене;

* Автор — личный советник Президента Международного Комитета Красного Креста. Точки зрения, высказанные в статье, отражают мнение автора, а не позицию МККК.

- (ii) планетарное распространение капиталистического способа производства и капиталистической же модели потребления;
- (iii) либерализация обменов, инвестиций и потоков капиталов;
- (iv) сужение свободы действий государств в сферах, которые раньше считались относящимися к их исключительной компетенции, то есть в таких областях, как наука и исследовательская деятельность, а также оборона (в силу зависимости от технического прогресса), налогообложение, кризисное управление экономикой и валютная политика;
- (v) распространение Интернета, вещательных сетей, маркетинга и рекламы (служащих каналами распространения рыночных ценностей) во всемирном масштабе. Сюда же следует отнести растущее преобладание английского как языка международного общения;
- (vi) расширение и интенсификация взаимодействия различных обществ в результате распространения технических новшеств.

Многие авторы, исследовавшие это явление, как правило, на первое место ставят его экономические аспекты: развитие финансовых рынков, рост транснациональных корпораций, которые постепенно подчиняют себе экономику различных наций¹. Этот процесс вообще усложняет международные отношения, в частности, в силу того, что в них участвует все больше субъектов, сфера компетенции которых имеет подвижные, а иногда и нечетко очерченные границы.

В социальном плане глобализация по меньшей мере неоднозначна²: конечно, она является инструментом экономического развития, но в то же время усугубляет поляризацию социальных отношений. Она делает слабые национальные экономики еще более зависимыми от движений капиталов. Ограничение суверенитета государств имеет драматические последствия в области социальной защиты: подвижность капиталов, по-

¹ См., в частности, George Soros, *George Soros on Globalization*, Public Affairs, New York, 2002; Sean Kay, «Globalization, power, and security», *Security Dialogue*, Vol. 35, N° 1, Mars 2004, pp. 9-23.

² См. Pierre de Senarclens, *Mondialisation, souverainet  et th orie des relations internationales*, Armand Colin, Paris, 1998, en particulier le chapitre 4: «Aspects sociaux de la mondialisation». Du m me auteur, voir aussi: «L'humanitaire et la globalisation», *Revue internationale de la Croix-Rouge*, Vol. 82, N° 836, 2000, pp. 311-325. См. также критику: Serge Halimi, *Le grand bond en arri re*, Fayard, Paris, 2004.

рождаемая погоней за прибылью, ни на внутригосударственном, ни на международном уровнях не компенсируется соответствующими мерами социальной защиты трудящихся. Нам уже знакома миграция людей из «периферии» в «центр»: в первую очередь крестьяне, но не только они, а трудящиеся и других профессий и разных уровней квалификации покидают сельские районы и стекаются в города в поисках лучших условий жизни. Теперь к ним прибавилась и более широкомасштабная транснациональная миграция в направлении экономических полюсов. Численность так называемых экономических мигрантов постоянно увеличивается, а «принимающие» страны очень часто не гарантируют им не только социального обеспечения и стабильного экономического положения, к которым эти мигранты стремятся, но даже и условий жизни, обеспечивающих уважение человеческого достоинства и сохранение здоровья³.

Широкое распространение коммуникационных технологий — тоже значимый признак глобализации: скорость передачи информации, ее обилие и разнообразие в такой «библиотеке» как Интернет благоприятствуют академическим обменам, научным исследованиям и получению образования. Глобализация, несомненно, представляет собой и позитивный фактор внедрения технических новшеств. Одновременно та же быстрота и практическая бесконтрольность распространения секретной информации облегчают контакты внутри мафиозных и террористических сетей, делают доступными для преступников технологии изготовления оружия, ядов и т.д.

Повседневное использование Интернета для получения данных о результатах исследований и обмена ими, практически всепроникающее присутствие телевидения (и его досадное следствие: «Все так и было. Я сам это видел по телевизору!»), естественно, влияют на распространение идей. Становится трудно разъяснить многоплановость международных отношений или провести углубленное рассмотрение той или иной проблемы, например, причин конфликта. Высказываемые мнения, да и сам анализ,

³ Следует упомянуть еще об одном «перемещении» населения в географически обратном направлении. Мы имеем в виду туризм, который может способствовать контактам между людьми и культурами, но в то же время влияет на культуру коренных народов. С другой стороны, имеет место не менее реальная «глобализация болезней», и наш мир становится более уязвимым перед эпидемиями и просто перед быстрым трансграничным распространением болезней.

нередко грешат упрощенчеством. И в среде интеллектуалов получает распространение своего рода менталитет «фастфуд» (а сами генерируемые ими идеи теперь нередко отвечают лишь критериям «быстро и без затей!»). Главное — скорость, постоянные переходы с темы на тему и разнообразие форм подачи материала, дабы удержать интерес зрителя.

Известно также, что глобализация принимается не всеми и сталкивается с сопротивлением. Кстати, сами «альтерглобалистские» движения являются порождением этой глобализации и в большой степени сами приобретают глобальный характер. В определенном смысле они представляют собой во всемирном масштабе своего рода «гражданское общество» сопротивления, предлагающее ценности альтернативные (или представляемые как альтернативные) экономическому господству олигархов. Эти движения — во всяком случае многие из них — также выступают как поборники прав человека, демократии, участия народов в решении своей судьбы. Влиятельные во всем мире правительственные и неправительственные организации способствуют распространению демократических идей и ценностей, правового сознания (положить конец безнаказанности злоупотреблений властью, заклеить преступления против человечности и т.д.), стимулируют открытость, толерантность и расширение контактов между разными культурами.

При этом либерализация всякого рода обменов не регламентируется на международном уровне никакими правилами — ни в сфере политики, ни в сфере экономики нет эквивалента внутренней регулирующей функции государства. Организация Объединенных Наций, которая сама является выражением политической интернационализации и пытается выступать арбитром в экономической и социальной сферах, не может (во всяком случае, пока) справиться с этой задачей. Так же обстоит дело с региональными и отраслевыми организациями. Всемирная Торговая Организация, относительно недавно начавшая действовать на международной арене, пытается играть позитивную роль в таком регулировании, но, как недавно показала Канкунская конференция (2003 г.), работы у нее — непочатый край.

Глобализация, политическая напряженность и конфликты

Вооруженные конфликты стали глобальными задолго до нашего времени. Достаточно вспомнить о двух мировых войнах, о колонизации,

наполеоновских войнах, наконец, о крестовых походах и экспансии Римской империи. Везде четко прослеживается глобальное измерение. Сегодня трудно определить, в какой мере глобализация является «непосредственной» причиной возникновения или продолжения конфликтов, которые имеют место в современном мире. Конечно, непозволительно было бы игнорировать тот факт, что доминирующие течения в экономической сфере порождают напряженность и, как указывалось выше, сопротивление, иногда с применением насилия. Отдельные народы и страны, а иногда даже население целых континентов, чувствуют себя исключенными из принятия глобальных решений и оттесненными на обочину. Например, африканцы рассуждают примерно так: мы производим сырье, которое экспортируется на «Север», но нам не дают участвовать в определении механизмов ценообразования и функционировании систем товарообмена, так что мы остаемся зависимыми⁴.

Оценки, согласно которым уровень бедности повысился или понизился в результате глобализации, не могут считаться достаточно достоверными. Как подчеркивает Амартия Сен, наличие причинно-следственной связи между нищетой и насилием (в том числе военным) пока еще далеко не доказано. В любом случае, нищета сама по себе является слишком серьезным бедствием, чтобы борьба за ее искоренение велась только по одной причине⁵. При этом экономическая составляющая в современных конфликтах более выражена, чем в прошлых. По крайней мере, среди многочисленных причин возникновения войн большое место занимает получение доступа к ресурсам⁶.

4 См. Garth Abraham, «Africa, the tragedy: Africa, the challenge», NEPAD and the new humanitarian agenda», et Christoph Harnish, «Le CICR en Afrique: contexte et défis». Обе статьи опубликованы в *Revue internationale de la Croix-Rouge*, Vol. 85, N° 852, respectivement pp. 717-736 et pp. 737-748. Работа Кристофа Харниша переведена также на русский язык и опубликована в *Международном журнале Красного Креста*. Сборник статей 2003 г. С. 347-360.

5 Amartya Sen, «Guerres et famines: divisions et incitations», *D sarmement (ONU)*, Vol. XIX, N° 3, 1997, pp. 16-31; того же автора: «Global inequality and persistent conflicts», Communication présentée au Nobel Peace Prize Centennial Symposium, Oslo, Décembre 2001. См. также Gilbert Etienne, «Globalization and poverty in developing countries: Myths and facts», *The Geneva Forum*, juin-septembre 2003, pp. 4-15; Sylvie Brunel, *Famines et Politique*, Presses de sciences politiques, Paris, 2001.

6 См., в частности, *Forum: War, Money and Survival*, Comité international de la Croix-Rouge, Genève, 2000; Herfried Münkler, *Les guerres nouvelles*, Alvik éditions, Paris, 2003; того же автора, *Войны XXI века*. – *Международный журнал Красного Креста*. Сборник статей 2003 г. С. 7-24.

Зато связь между бедностью и конфликтами выступает более рельефно, если рассматривать последствия вооруженного насилия, которое усугубляет нищету населения и делает его более уязвимым. За последнее десятилетие положение многих африканских, латиноамериканских и ближневосточных стран ухудшилось. Что это было: причина или следствие глобализации? Причина или следствие конфликтов? Наверное, и то, и другое. Однако сам вопрос носит несколько риторический характер и вряд ли так уж интересует живущих в нищете людей, которые мечтают из нее вырваться, дать хорошее образование детям, жить полноценной жизнью, а не бороться за выживание.

Давайте бегло рассмотрим в этом контексте вопрос о терроризме. Первопричина этого явления, представляемого сегодня как глобальное, определенно, не кроется в глобализации или бедности. Не все бедняки являются террористами, и многие террористы не являются бедняками. В своей «борьбе» некоторые террористы широко используют средства из арсенала глобализации, причем как в материальном плане (Интернет), так и в сферах психологии и политики (использование СМИ в качестве рупора, глобальное распространение угроз)⁷. Частота, с которой совершаются террористические акты (и взаимосвязь между ними — предполагаемая или доказанная), а также усиление борьбы государств с этим явлением привносят новое измерение в локальные, национальные и региональные вооруженные конфликты и деятельность по обеспечению безопасности.

Мафиозные сети также действуют в планетарном масштабе, торгуя наркотиками, людьми и всякого рода материальными ценностями. Питательной средой для этой противозаконной деятельности служат, во всяком случае отчасти, кризисные ситуации и зоны правового вакуума, где царит насилие или имеет место конфликт. Борьба против этой формы преступности, ведущаяся силами правоохранительных органов, также предполагает широкий обмен информацией и активное международное сотрудничество.

⁷ См., в частности, Karin von Hippel, «Définir les origines du terrorisme: un débat transatlantique?», *La revue internationale et stratégique*, N° 51, automne 2003, pp. 103-113; Steven Metz, «La guerre asymétrique et l'avenir de l'Occident», *Politique étrangère*, 1/2003, pp. 25-40.

Анализируя феномен глобализации, следует учитывать его неоднозначность и присущие ему противоречия. Если рассматривать глобализацию как инструмент (а не как идеологию), она может:

- (i) способствовать соблюдению прав человека, расширению свобод и развитию сотрудничества между организациями, отстаивающими эти ценности;
- (ii) в результате навязывания единообразных экономических и культурных моделей привести к исчезновению оригинальных традиционных хозяйственных комплексов и разрушению культур;
- (iii) благоприятствовать научным обменам, тесным контактам между членами разбросанных по свету семей и, в негативном плане, облегчить согласованные действия криминальных структур.

Несмотря на трудность установления прямой причинно-следственной связи между глобализацией и продолжением некоторых конфликтов, следует признать, что мир испытывает на себе воздействие глобализации или определенного ее восприятия. Не все происходящие в мире конфликты меняются под влиянием глобализации (а если меняются, то по-разному). И все же их восприятие, наши представления о них или то, как они между собой связываются, сегодня разнятся. Несомненно, именно глобальная борьба с «международным» терроризмом оказывает наибольшее воздействие на наше видение конфликтов. Например, конфликты на Северном Кавказе, в Колумбии, Индонезии или даже в Ираке были интегрированы в борьбу против терроризма. Хотя такие страны, как Афганистан или Сомали действительно могли служить базой для террористических группировок, действующих в международном масштабе; использование той же модели для характеристики всех внутренних конфликтов и всех террористических актов, совершаемых в мире, вряд ли поможет понять истинные мотивы этих группировок (кстати, разнообразных), а значит, и выработать эффективные средства борьбы с этой формой насилия. Кроме этого, абсолютно необходимо как следует разобраться в специфике ситуаций, в которых имеет место вооруженный конфликт или напряженность, чтобы определить наиболее рациональные способы эффективного и долговременного разрешения этих кризисов и помочь гражданскому населению, пострадавшему от насилия.

Так называемые глобальные подходы не могут объяснить всего. То же можно сказать и об анализе истоков конфликтов. Выше мы говорили, что глобализация встречает сопротивление. Одна из форм последнего заключается в утверждении своей самобытности и стремлении ее сохранить. И здесь дело может дойти до применения насилия⁸. Этот аспект должны учитывать и хорошо понимать, в частности, гуманитарные организации, работающие в зонах конфликтов.

При том, что сегодня приоритет отдается борьбе с международным терроризмом, нельзя забывать о том, что безопасность (одного человека или всего населения страны) не сводится к одному военному или правоохранительному аспекту. Как об этом напоминает Комиссия по гуманитарной безопасности, «гуманитарная безопасность в самом широком смысле этого слова означает гораздо больше, чем отсутствие конфликта с применением насилия. Она включает в себя соблюдение прав человека, хорошее правление, доступность образования и медицинской помощи, предоставление человеку всех возможностей для самореализации. Каждый шаг, сделанный в этом направлении, является также и шагом вперед в борьбе с бедностью, к экономическому росту и предупреждению конфликтов. Жить в достатке, не испытывая страха, оставить будущим поколениям здоровую окружающую среду — все это взаимосвязанные элементы гуманитарной, а значит, и национальной безопасности»⁹.

Последствия глобализации для гуманитарной деятельности

Гуманитарная деятельность, в осуществлении которой одну из главных ролей в силу своей природы и принципов играет Международный Комитет Красного Креста (МККК), очевидно, носит универсальный характер, но при этом должное внимание уделяется защите оказавшихся в опасной ситуации отдельных лиц и гражданского населения в целом на местном и региональном уровнях. Она основывается как на «старых» (в смысле фундаментальных, основополагающих), так и на «современных» (то есть сохраняющих или приобретающих актуальность) ценнос-

⁸ См., в частности, François Thual, *Les conflits identitaires*, éditions Ellipses, Paris, 1995.

⁹ Sadako Ogata et Amartya Sen, *La sécurité humaine maintenant. Rapport de la Commission sur la sécurité humaine*, Presses de sciences politiques, Paris, 2003, p. 18.

тях: сделать интересы человека главной мотивацией практических действий, защищать и утверждать человеческое достоинство, быть рядом с жертвами, оберегать их жизнь и здоровье, привлекать население, пострадавшее в результате насилия или катастрофы, к поиску решения стоящих перед ними проблем, выслушивать и поддерживать тех, кто нуждается в помощи, проявлять в работе такие качества, как честность, ответственность, надежность и эффективность.

МККК, который стремится вести во всемирном масштабе беспристрастную, нейтральную и независимую гуманитарную деятельность¹⁰, опирается при этом на следующие элементы:

- (i) во-первых, на самую юридическую базу своей работы, то есть на международное гуманитарное право, которое — по крайней мере в теории — получило всеобщее признание (с применением дело обстоит значительно хуже!), что нашло отражение в ратификации Женевских конвенций 1949 г. почти всеми государствами планеты;
- (ii) во-вторых, на универсальный характер принципов и деятельности такой организации, как МККК, в силу ее принадлежности к Международному движению Красного Креста и Красного Полумесяца, сеть организаций которого охватывает практически всю планету;
- (iii) в-третьих, на следующий фактор чисто практического свойства: нейтральная и независимая гуманитарная деятельность МККК соответствует его универсальной отзывчивости на страдания, перед которыми, в сущности, все равны (принцип беспристрастности выступает как практическое следствие этого подхода: приоритет отдается тем, кто страдает больше всего).

МККК должен проводить всесторонний анализ рисков, с которыми он сталкивается во всемирном масштабе (а в плане не только обеспечения безопасности изучать также взаимосвязь между социальными яв-

¹⁰ См. общую характеристику деятельности МККК и стоящих перед ним проблем в книге Мишель Мерсье: *Michèle Mercier, Le Comité international de la Croix-Rouge. L'action humanitaire dans le nouveau contexte mondial*, Collection «Le savoir suisse», Presses polytechniques et universitaires romandes, Lausanne, 2004.

лениями, политическими и экономическими решениями), потому что сам он является учреждением универсальным, действующим почти во всех конфликтах и ситуациях вооруженного насилия, возникающих на нашей планете. МККК присутствует на постоянной основе в 80 странах. Его персонал (около 12 тыс. человек, куда входят как сотрудники-иностранцы, так и местный персонал) включает представителей ста национальностей. Такой многонациональный характер — несомненное преимущество в плане универсальности сферы его деятельности, к которой стремится МККК, он способствует развитию культуры диалога в среде сотрудников. Кроме этого, он представляет собой ценный инструмент, благоприятствующий пониманию различных культур и установлению контактов между делегатами и отдельными лицами и группами населения, с которыми они должны работать.

Благодаря сети, образуемой национальными обществами Красного Креста и Красного Полумесяца, с которыми МККК сотрудничает, он обеспечивает для себя очень полезные связи с различными культурами и политическими системами. Информация, которую он получает таким образом, и практическая поддержка, оказываемая им национальным обществам (и принимая от них), представляют собой важнейший фактор безопасности и эффективности гуманитарной деятельности.

СМИ, которые ищут информацию и, после обработки, распространяют ее во всемирном масштабе, сделали необходимыми ряд изменений в порядке организации гуманитарной деятельности. Те, кто ее ведут, должны учитывать тот факт, что сегодня все или почти все происходит на глазах у публики: благодаря СМИ, каждый может в режиме реального времени следить за событиями во всем мире. То, что с экранов телевизоров в наши дома властно вторгается жизнь планеты, дает основания предположить, что у людей развилось чувство всеобщей сопричастности и каждый стал ощущать себя как бы «стороной во всех конфликтах». Например, в результате того, что деятельность МККК в интересах лиц, удерживаемых силами коалиции в Ираке (например, в тюрьме Абу Граиб), была предана гласности СМИ в мае 2004 года и стала известна мировой общественности, делегатам МККК, работающим в других странах, пришлось подробно разъяснять партнерам организации смысл принципа конфиденциальности, которого придерживается МККК. Аналогичным образом, убийства сотрудников МККК в Афганистане и Ираке в 2003 го-

ду (мы упоминаем здесь лишь о самых последних случаях) комментировались в других странах, где работает МККК, в том числе и там, где в недалеком прошлом погибли несколько сотрудников МККК.

Эта ситуация вызывает ощущение, что безопасности нет нигде: будь то у нас или где-то далеко, все выглядит (более или менее) одинаково: везде идет одна и та же война (те же солдаты, те же машины, начиненные взрывчаткой, и т.д.). Это чувство еще больше усиливается тем, что показывают нам в основном (но не исключительно) «войну» с терроризмом, как она видится из США, но представляется как глобальная. Так, глобализация угрозы, которую невозможно привязать к каким-либо конкретным местам, приводит к тому, что она начинает восприниматься как универсальная и могущая возникнуть где угодно и когда угодно, что, естественно, имеет ряд последствий для гуманитарной деятельности:

- i. в плане учета рисков рамки анализа должны быть расширены и включать в себя не только местный, но также региональный и глобальный уровни;
- ii. в том, что касается информационной политики такой организации, как МККК, следует выработать региональную и глобальную стратегию в этой области, что позволило бы ей быть понятой, признанной и принятой как самими жертвами вооруженных конфликтов, так и всеми, кто использует вооруженные силы или иные формы вооруженного насилия.

Вообще, глобальный характер распространения информации, имеющий следствием то, что все организации постоянно «находятся на виду», ставит гуманитарные учреждения, в том числе МККК, перед необходимостью заботиться о последовательности и продуманности своих действий и публичных заявлений: правительства, СМИ, оппозиционные формирования и многие другие наблюдают, сравнивают и критикуют. Поэтому необходимо быть последовательными и логичными (и именно так восприниматься) в своих действиях и их мотивации, а также внушать и оправдывать доверие (тогда и особенно в тех случаях, когда приходится отступать от предписаний доктрины и обычной практики).

Аналогичным образом интернационализация персонала, положительные последствия которой мы рассматривали выше, требует от таких организаций, как МККК, постоянной заботы о воспитании своих кадров,

чтобы обеспечить единомыслие и верность стратегическим принципам организации, что является залогом адекватных решений на оперативном уровне и эффективной работы.

Вывод: мыслить глобально, а действовать локально

Проанализировав глобализацию и ее воздействие на гуманитарную деятельность, мы можем выделить главную проблему, стоящую перед гуманитарными организациями в сложившихся обстоятельствах. Она заключается в том, что мыслить следует глобально, а действовать локально. При этом надо помнить о том, что любая наша акция, предпринятая на местном уровне, может стать достоянием общественности и иметь последствия далеко за пределами страны, в которой была осуществлена. Такое сочетание «внешнего» и «внутреннего» прослеживается в самой концепции гуманитарной деятельности, как она видится МККК: оставаясь независимым от тех или иных политических и экономических интересов — хорошо в них, однако, разбираясь, — быть рядом с жертвами вооруженных конфликтов, внимательно прислушиваться к их нуждам и удовлетворять их быстро и эффективно на основе принципа беспристрастности.

Подход МККК к сегодняшним проблемам в области безопасности: будущее независимой и нейтральной гуманитарной деятельности

ПЬЕР КРЕНБЮЛЬ*

Первые годы нового тысячелетия несомненно были трудными и часто драматичными с точки зрения проведения гуманитарных операций. Организации по оказанию помощи и их персонал были объектами намеренных угроз и нападений, что поставило под вопрос способность этих организаций выполнять свою миссию и породило дискуссию о будущем гуманитарной деятельности. От этой дискуссии многое зависит для МККК.

В данной статье изложена общая позиция МККК по вышеупомянутым проблемам и то, как он планирует реагировать на их наиболее существенные последствия.

Меняющиеся условия

Конфликты, происходящие в сегодняшнем мире, весьма различаются по своим причинам, характеру и особенностям. На общемировом уровне развивается новое радикальное противостояние. Оно имеет различные проявления, однако на условиях конфликта сильнее всего сказывается конфронтация между рядом государств, участвующих в том, что сегодня часто называют «войной с терроризмом», и некоторыми радикальными негосударственными группировками, которые противостоят

* Автор – директор Управления оперативной деятельностью Международного Комитета Красного Креста (МККК). Статья представляет собой адаптированный и расширенный вариант обращения автора к гуманитарному форуму «Гуманитарная деятельность: проблемы безопасности», состоявшемуся 31 марта 2004 г. во Дворце наций в Женеве.

этим странам и готовы прибегать к нетрадиционным средствам ведения войны. Последние включают намеренное нападение на гражданских лиц и на так называемые уязвимые объекты, например, гуманитарные организации. Противостояние проявляется также в возобновлении напряженности между так называемыми «севером» и «югом» вокруг таких проблем, как бедность, условия торговли, доступ к ресурсам и контроль над ними.

Последствия нападений 11 сентября 2001 г. ощущаются в мире по сей день. Глобальная борьба, которую в последние годы ведут Соединенные Штаты Америки и их союзники, принимает различные формы, включая операции, проводимые полицией и силами безопасности. Некоторые государства используют «борьбу с терроризмом» как предлог для усиления давления на внутреннюю оппозицию или движения сопротивления. Часто это имеет серьезные последствия для гражданского населения. На фоне этого зародились вооруженные конфликты в Афганистане и Ираке, где были иностранные вооруженные силы.

Хотя данные глобальные тенденции и влияют на ситуации в отдельных государствах, анализ причин конфликтов, возникающих и протекающих во многих других странах, показывает, что среди них по-прежнему преобладают местные факторы, как политического, так и социально-экономического характера. В целом ряде государств, от Непала до Бурунди и от Либерии до Мьянмы, конфликт или насилие, ставшие причиной множества страданий, возникает в силу факторов внутреннего характера. Такие конфликты, как вспыхнувшая в этом году война в Дарфуре (Судан), напоминающая так называемые этнические конфликты 90-х гг. или борьбу за национальную самобытность, с их колоссальными потерями и широкомасштабными перемещениями населения, в настоящее время уже не являются наиболее типичной формой конфронтации. Гораздо характернее сегодня тактика, связанная с «борьбой против терроризма», в том числе неизбежные насильственные действия негосударственных формирований и репрессивная политика, проводимая в отдельных государствах.

Как это отражается на безопасности работников гуманитарных организаций?

Проводить гуманитарную деятельность в районах, где происходят вооруженные конфликты или существует ситуация насилия внутри страны, всегда было делом опасным. В настоящее время более 11 тысяч штатных сотрудников МККК работают в 79 странах¹. В любое время суток они могут оказаться в районах боевых действий или пересечь линию фронта между воюющими сторонами, чтобы добраться до лиц, которым они уполномочены предоставлять защиту и оказывать помощь. Они встречаются, ведут переговоры или заключают соглашения с самыми разными вооруженными людьми, участвующими в конфликте: военнослужащими и полицейскими, представителями полувоенных формирований и повстанцами, детьми-солдатами и наемниками. Обеспечить безопасность персонала – важнейшая обязанность МККК. Хотя работа в обстановке вооруженного конфликта или насилия связана с неизбежным риском, МККК всегда стремился свести подобную опасность к минимуму путем создания соответствующей системы безопасности. С точки зрения безопасности, «классической» является ситуация, когда угроза в основном состоит в том, чтобы оказаться «в неподходящее время в неподходящем месте». Говоря о некоторых новых видах риска, следует отметить, что, как свидетельствует опыт МККК, на сегодня такой тип ситуации остается наиболее распространенным.

При этом в 2003 г. МККК подвергся серии преднамеренных нападений, унесших жизни четырех его сотрудников в Афганистане и Ираке. Пятый был убит в перестрелке в Багдаде. Несколько других организаций, включая Афганское общество Красного Креста, организации системы ООН и НПО понесли аналогичные трагические потери.

Два из этих трех преднамеренных нападений, совершенных в марте 2003 г. к северу от Кандагара и в июле 2003 г. к югу от Багдада, были, очевидно, следствием того, что присутствие МККК ассоциировалось с более широкой международной политической и военной деятельностью, имевших место в данных странах. То же самое относится к взрыву автомобиля возле представительства МККК в Багдаде в октябре 2003 г.

¹ См. ICRC's Annual Report 2003, June 2003 на сайте МККК:

http://www.gva.icrc.org/Web/Eng/siteeng.nsf/htmlall/section_annual_report_2003 (данные на 7 июля 2004 г.)

Возникает вопрос, свидетельствуют ли эти нападения о новой тенденции? Ведь намеренные нападения на делегатов МККК совершались и в прошлом. МККК потерял нескольких своих сотрудников в результате преднамеренных нападений в Бурунди и Чечне в 1996 г. и на востоке Демократической Республики Конго в 2001 г. Другие организации также пережили подобные трагические события.

В связи с этим напрашивается законный вопрос: что нового в нынешней ситуации? С точки зрения МККК, новым в сегодняшнем контексте является глобальный характер угрозы и тот факт, что она не имеет географических пределов. Ранее концепция безопасности МККК была в основном привязана к конкретному государству или региону. Делегации на местах анализировали свою безопасность на основании ряда показателей, например, такого существенного фактора, как признание МККК и его деятельности.

Однако сегодня случается, что, несмотря на благоприятное в целом отношение к МККК в конкретной стране, отдельные лица или группы, не связанные или мало связанные с данным государством или регионом, могут совершить там нападение на его сотрудников.

Положение осложняется тем, что доступ к группам, которые потенциально способны совершить подобное нападение, в настоящее время весьма затруднен, если не полностью закрыт. При этом важнейшей частью оперативной деятельности МККК является диалог со всеми сторонами, участвующими в конфликте или влияющими на его результат. Без такого диалога невозможно добиться признания МККК в данном государстве или регионе, дающего ему доступ к населению, подвергающемуся риску, и способность осуществлять деятельность по предоставлению защиты и оказанию помощи в соответствии с мандатом.

Риск быть отвергнутым или использованным

Кроме того, в условиях противостояния почти всегда предполагается, что любое присутствующее в данном государстве или регионе действующее лицо должно принять чью-либо сторону. От него всегда требуют выбора, какой бы он ни был: быть другом или врагом, союзником или противником. Из-за этого организациям, работающим, как МККК, на основе принципов независимости и нейтральности, еще сложнее донести свою позицию до людей. Вследствие такого навязанного противостояния

все большую важность приобретает тот факт, насколько правомерной считается гуманитарная деятельность и, в частности, нейтральность и независимость МККК.

Такая тенденция заключает в себе двоякий риск: быть отвергнутым либо использованным. Очевидно, что сегодня такому потенциальному риску подвержено любое действующее лицо, о котором думают, что оно тем или иным образом влияет на стабилизацию и развитие в Афганистане или Ираке. К тому же в некоторых кругах МККК расценивают прежде всего как западную организацию (в связи с финансированием, эмблемой, местонахождением его штаб-квартиры). Поэтому высок риск того, что его будут воспринимать в рамках более масштабного военно-политического присутствия в данных странах. Последствием такого подхода может стать неприятие МККК в качестве независимой и беспристрастной организации и отказ в доступе к жертвам, которым он стремится оказать помощь.

Независимо от мотивов, стоявших за этими деяниями, МККК решительно осудил нападения на своих сотрудников, в результате которых он не может предоставлять защиту и оказывать помощь в той степени, в какой это требуется в Ираке и Афганистане.

Другой риск заключается в том, что МККК могут использовать, так как руководители некоторых государств склонны рассматривать гуманитарную деятельность как одно из средств, которыми они могут воспользоваться в ходе своих кампаний по борьбе с терроризмом. В последние месяцы такая тенденция проявлялась по-разному. Например, государства расценивают свое военное присутствие в Ираке и Афганистане как «преимущественно гуманитарное». Другой пример – организация коалиционными силами «провинциальных групп реконструкции» (ПГР) в Афганистане. Это влечет за собой размывание границ между ролью и задачами военно-политических и гуманитарных организаций, что создает для такой организации, как МККК, проблемы, связанные с ее восприятием, признанием и безопасностью ее оперативной деятельности.

Реакция МККК на проблемы, связанные с безопасностью

Как намерен МККК реагировать на наиболее осязаемые проявления данных тенденций? Прежде всего, следует помнить, что основная задача МККК – предоставить защиту и помощь лицам, находящимся под

покровительством права вооруженного конфликта, как того требуют мандат, данный МККК международным сообществом, и обязательства, взятые им на себя. Однако необходимо принять меры по обеспечению безопасности собственных сотрудников, чтобы они действительно могли добраться до этих лиц и помочь им.

Принципы деятельности МККК по обеспечению безопасности его персонала

Концепция МККК по обеспечению безопасности основана на следующих основных предпосылках:

- (i) В МККК существует в основном децентрализованная система управления, действующая «снизу вверх». То же относится и к системе обеспечения безопасности. МККК твердо уверен, что чем теснее связь с населением, которое подвергается риску, тем больше возможностей оценить происходящие события и выработать стратегию действий. МККК никогда не проводил различий между безопасностью собственного персонала и безопасностью населения, проживающего там, где он работает. Такой тесный контакт МККК с людьми, которым он пытается помочь, дает особое преимущество его оперативной деятельности.
- (ii) Чтобы сохранить эффективность, такая широкая автономия — в том числе и в вопросах безопасности — для делегаций МККК должна быть ограничена четко определенными институциональными рамками: мандатом организации, принципами Движения и концепцией безопасности, в соответствии с которой работает МККК.

Основополагающим в подходе МККК к обеспечению безопасности является то, что ответственность за это несут сами руководители операций. Не существует разделения между обеспечением безопасности и управлением оперативной деятельностью. Оценка риска и угрозы является составной частью определения и осуществления оперативной стратегии.

Когда десять лет назад в штаб-квартире МККК открылось подразделение по обеспечению безопасности при Управлении оперативной деятельностью, важнейшим условием, которое поставили оперативные руководители на местах, было сохранение за ними ответственности за

обеспечение безопасности. В этом смысле подразделение по обеспечению безопасности играет роль наблюдателя и занимается в основном разработкой общей политики, мониторингом, оказанием поддержки и подготовкой сотрудников.

МККК также убежден, что безопасность — это не только вопросы практической или физической защиты. В первую очередь, это проблема восприятия и признания самой организации, поведения отдельных делегатов, их умения слушать и общаться, последовательно и логично представлять организацию всем сторонам, участвующим в конфликте. Иными словами, нужно быть предсказуемым, необходимо, чтобы люди видели, что поступки соответствуют словам.

Влияние меняющихся условий на общий подход МККК к проблеме безопасности

Следующий вопрос состоит в том, каким образом вышеуказанные изменения в условиях повлияли на общую концепцию МККК? Здесь следует упомянуть четыре момента:

- (i) Такие трагедии, как те, что произошли в 2003 г., могут способствовать более централизованному принятию решений в штаб-квартире. Однако МККК убежден в необходимости придерживаться децентрализованного подхода.
- (ii) В свете нынешнего положения дел с безопасностью, МККК понял, что ему необходимо проанализировать общий характер возможных угроз его оперативной деятельности в различных странах мира. Раньше достаточно было определить риск, существующий на местном уровне, и степень признания МККК в данном государстве или регионе. Сегодня делегации МККК в различных государствах мира должны оценить, насколько угрозы и неправильное понимание, существующие на международном уровне, могут повлиять на их деятельность на местах. Понятие безопасности должно включать информирование и повышение готовности к тем опасностям, которые могут появиться за пределами данного государства или региона, но оказать на него косвенное воздействие.
- (iii) Это требует также новых подходов к отношениям с лицами и организациями, которые потенциально способны действовать в дан-

ной ситуации или влиять на нее. Необходимо уделять огромное внимание установлению плодотворного диалога с теми, кто, возможно, неверно понимает или отрицает МККК сегодня.

- (iv) И наконец, МККК убежден, что по-прежнему важно утверждать нейтральный и беспристрастный характер гуманитарной деятельности. Старые рецепты для нового мира? МККК думает иначе — перед трудностями он остается верен своим принципам.

Вероятно, МККК может следующим образом повысить эффективность своей работы перед трудностями:

- (i) Необходимо более активное участие местных сотрудников в анализе и оценке ситуации в области безопасности в соответствующих государствах и регионах. Необходимо также развивать диалог с основными партнерами на национальном и местном уровнях, например, с коллегами из национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.
- (ii) МККК следует более тщательно изучать гражданское общество и различные существующие или возникающие негосударственные организации и отдельных лиц, включая тех, кто играет ведущую роль в традиционных общественных структурах, в экономике, религиозной и социальной сферах, и развивать с ними тесные многосторонние контакты. Он должен более доступно объяснять им, почему важны беспристрастность и независимость и почему актуальна нейтральность. Необходимо ясное понимание основополагающих принципов, отражающих образ действий МККК, и их значения в условиях конфликта.

Нейтральность, беспристрастность и независимость гуманитарной деятельности по-прежнему актуальны

После событий 11 сентября 2001 г. актуальность нейтральной, беспристрастной и независимой гуманитарной деятельности была поставлена под вопрос. В ходе своих операций на местах МККК стремится на конкретных примерах продемонстрировать, что его подход к оперативной деятельности не только оправдан, но и необходим в мире, полном противоречий.

Иногда бывает нелегко объяснить, что в действительности означает нейтральность. Нейтральную позицию часто воспринимают как безразличие к существующей ситуации. Но не вставать на чью-либо сторону в конфликте не означает быть безразличным. МККК не занимает нейтральной позиции в отношении нарушений международного гуманитарного права. Он расценивает конфликт как данность. МККК стремится обеспечить всем участникам военных действий соблюдение норм гуманитарного права. Следовательно, нейтральность — это средство достижения цели, а не сама цель. Это орудие, дающее возможность осуществлять определенные действия в любых ситуациях. МККК стремится установить и поддерживать диалог со всеми сторонами; ни одна из них, обладающая властью над гражданским населением, не должна исключаться из такого диалога. Это не является утверждением их ценности как партнеров и не предоставляет им никакого особого статуса.

Беспристрастность означает, что гуманитарная деятельность должна быть адресована людям без какой-либо дискриминации, то есть независимо от их происхождения, расы, пола, религии и т.д., и что операции МККК направлены исключительно на удовлетворение нужд жертв вооруженных конфликтов. Иными словами, нельзя никого лишать помощи или защиты из-за их убеждений. Помощь и защита должны быть предоставлены в соответствии с потребностями.

Независимость, в понимании МККК, означает, что его гуманитарная деятельность должна быть отделена от каких-либо политических или военных интересов и восприниматься именно так. Основание для такой независимости в работе очень простое: в любом конфликте стороны скорее всего откажутся от сотрудничества с гуманитарной организацией, которую подозревают в наличии каких-либо скрытых политических мотивов. Это логически объясняет, почему МККК так настаивает на уважении сферы деятельности, мандатов и концепций оперативной работы различных гуманитарных организаций. Интегрированный подход, включающий политический и военный аспекты, восстановительную и гуманитарную деятельность, за который ратуют ООН и ряд государств, противоречит принципу независимости в понимании МККК и Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Поэтому подобная стратегия, которая может быть вполне эффективной для организаций с другими мандатами, неприемлема для МККК.

Необходимость проведения различия между гуманитарной и военной деятельностью

Пропаганда независимого и нейтрального подхода к гуманитарной деятельности включает проведение четкого различия между гуманитарной деятельностью, с одной стороны, и военно-политической, с другой. Это необходимо не потому, что МККК избегает военных: напротив, он стремится к активному диалогу с представителями вооруженных сил и других вооруженных формирований, нуждается в таком диалоге и в большинстве случаев его ведет. Не утверждает МККК и того, что нет таких обстоятельств, когда другие действующие лица не справляются со своей задачей, и последним средством может быть вмешательство вооруженных формирований. Однако гуманитарная деятельность не должна быть частью военной кампании, завоевывающей «сердца и умы», ее нельзя использовать для пропаганды смены режима с помощью вооруженных сил или службы этому режиму. Такое уничтожение граней между гуманитарной и политической либо военной деятельностью может помешать оказанию гуманитарной помощи и предоставлению защиты всем жертвам конфликта без дискриминации, поэтому его следует избегать.

В связи с этим у МККК имеются проблемы, например, с «провинциальными группами реконструкции» в Афганистане. МККК не намерен комментировать сугубо военные цели или задачи по обеспечению безопасности, которые эти группы себе поставили. Однако озабоченность МККК вызывает то, что они включают гуманитарную деятельность в общую военную доктрину и концепцию по обеспечению безопасности, в рамках которой удовлетворение потребностей части населения рассматривается как составляющая более широкой стратегии, направленной на поражение противника.

Можно привести аргументы политического характера в поддержку или защиту данного подхода. Однако важно подчеркнуть, что такое определение гуманитарной деятельности несовместимо с основополагающими принципами, определяющими оперативную деятельность МККК. Поэтому МККК не может и не станет принимать участие в подобной деятельности. Он понимает, что это может создать впечатление, что МККК в очередной раз стремится подчеркнуть свою «обособленность», что мир меняется, а МККК по-прежнему настаивает на старых принципах и стратегиях. Подобной критике и другим мнениям на этот

счет уделяется серьезное внимание, но МККК убежден, что принятая им стратегия наиболее соответствует его мандату и лучше всего служит гуманитарным целям.

Четкое определение и диалог

Однако МККК отнюдь не склонен к самодовольству и готов учиться на опыте других. МККК искренне стремится к открытому диалогу по этим вопросам со всеми действующими лицами в политической, военной и гуманитарной сферах как в конкретных ситуациях конфликта, где часто необходим совместный анализ и оценка существующей угрозы, так и в более отвлеченных дискуссиях, направленных на лучшее понимание гуманитарной деятельности. Хорошо понимая, что сегодня имеется много других определений гуманитарной деятельности, нежели то, которое он принял, МККК не считает, что все остальные действующие лица должны или могут согласиться с его собственным определением и философией оперативной деятельности.

Для МККК тем не менее важно, чтобы его позицию знали и хорошо понимали. Он должен иметь возможность донести до других, в чем он будет принимать участие — диалог, консультации и, если это уместно, координация своих усилий с другими, и что он не приемлет — координация или интеграция, осуществляемые другими. МККК твердо намерен поддерживать свою принципиальную позицию в отношении оперативной деятельности и убежден, что она по-прежнему столь же эффективна и актуальна, как всегда.

Моральные дилеммы гуманитарной деятельности в эпоху «гуманитарных» военных интервенций

БЕАТ ШВАЙЦЕР*

В последние годы ярлык «гуманитарный» все чаще используется западными правительствами для оправдания новой и зачастую спорной политики в области безопасности. Использование гуманитарных соображений для оправдания международных военных интервенций при том, что правительства, участвующие в этих военных операциях, обеспечивают также основную часть финансирования гуманитарной системы, привело к возобновлению дискуссий между международными гуманитарными организациями и НПО об этических принципах гуманитарной деятельности. В настоящей статье рассматривается целый ряд нравственных проблем, с которыми сталкиваются гуманитарные организации, когда они — зачастую вопреки своему желанию — оказываются втянутыми в политическую и военную деятельность по сокращению масштабов конфликта и построению мира, особенно после «гуманитарных» военных интервенций. Примером могут послужить недавние международные операции в Камбодже, Боснии, Косово, Афганистане и Ираке.

Гуманитарная деятельность и этика

Стремление помочь представляется одним из приятных качеств человеческой природы. Руссо причисляет его к «естественным» чувствам, Адам Смит считает его присущим человеческой природе¹. Кроме того, идея о том, что нравственный долг сильных и богатых — помогать слабым

* Автор — заместитель Генерального директора Международного Комитета Красного Креста (МККК). Мнения, выражаемые в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию МККК.

и нуждающимся, является нормой во всех важнейших религиях мира. Неудивительно, что организованная благотворительность до конца XIX века оставалась, в основном, сферой деятельности религиозных обществ и организаций.

Многие из ныне действующих светских гуманитарных организаций возникли благодаря выдвинутой Анри Дюнаном знаменитой идее Красного Креста – это было после того, как Дюнан стал свидетелем страшной битвы при Сольферино в 1859 г. Усилия Международного Комитета Красного Креста (МККК), созданного как следствие яркого свидетельства Дюнана, изложенного в его книге «Воспоминание о Сольферино», привели к принятию на Дипломатической конференции первой Женевской конвенции 1864 г.² Эта конвенция не только установила нормы *jus in bello*, определив пределы войны, но и заложила основу для создания добровольческих санитарных служб, предоставив им право помогать раненым на поле боя.

Руководствуясь в значительной мере этим документом, который впоследствии послужил основой для Женевских конвенций 1949 г., МККК и Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, развившееся на его основе, в своей работе придерживались и придерживаются семи основополагающих принципов: гуманности, беспристрастности, нейтральности, независимости, добровольности, единства и универсальности.

Если принципы добровольности, единства и универсальности важны в первую очередь для внутреннего функционирования Движения Красного Креста и Красного Полумесяца, все остальные принципы – гуманности, беспристрастности, нейтральности и независимости – и в наши дни являются основой для дискуссии об этических рамках гуманитарной деятельности в целом.

Николас Лидер предупреждает, однако, что не следует рассматривать гуманитарные принципы как выражение универсальной этики, поскольку они исторически сложились как компромисс между военно-по-

1 David Rieff, *A Bed for the Night: Humanitarianism in Crisis*, Simon and Schuster, New York, 2002, p. 57.

2 Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Женева, 22 августа 1864 г.

литической необходимостью и требованиями совести и гуманности³. «Сделка» заключалась в том, что воюющие стороны позволили гуманитарным организациям осуществлять свою деятельность, если таковая не будет препятствовать ведению конфликта. Условия этой «сделки» нужно постоянно пересматривать.

Гуманитарный императив

«Гуманитарный императив», нравственная основа работы большинства гуманитарных организаций, утверждает, что существует обязательство оказывать помощь без каких бы то ни было условий, везде и всегда, когда это необходимо. Однако, как верно подмечает Фиона Терри, основная ответственность за безопасность и благополучие граждан лежит на их правительствах, и «гуманитарная помощь нужна только тогда, когда правительства или комбатанты не желают или не могут выполнять свои обязанности»⁴. Согласно этой точке зрения, гуманитарные организации не принимают на себя те нравственные обязательства, которые не выполняются государствами и правительствами.

Об этой принципиальной нравственной дилемме говорила еще Флоренс Найтингейл, не принимавшая идею Дюнана о гуманитарных добровольцах на том основании, что она облегчит для государств то бремя, которое они должны принять на себя, начиная войну⁵. Если применить этот довод к ведущейся сегодня дискуссии о «гуманитарных» военных интервенциях, можно и в самом деле задаться вопросом: а были бы они возможны без учреждений ООН и НПО, готовых устранить ущерб и восстановить гражданское общество, разрушенное военными операциями?

Гуманитарные организации обнаружили — иногда это было очень болезненно, — что не всегда легко возложить моральную ответственность исключительно на правительства. Нравственные дилеммы гуманитарной

3 Nicholas Leader, *The Politics of Principles: The Principles of Humanitarian Action in Practice*. Humanitarian Policy Group Report No. 2, Overseas Development Institute, London, March 2000, available at <<http://www.odi.org.uk/hpg/papers/hpgreport2.pdf>> (Последнее посещение 20 августа 2004 г.), p. 11.

4 Fiona Terry, *Condemned to Repeat: the Paradox of Humanitarian Action*, Ithaca: Cornell University Press, New York, 2002, p. 17.

5 Caroline Moorehead, *Dunant's Dream: War, Switzerland and the History of the Red Cross*, Harper Collins, London, 1998, pp. 29-32.

деятельности были ярко высвечены, например, в ходе широкомасштабной операции 1994 г. по оказанию помощи лагерям руандийских беженцев в Заире. Дело не только в том, что многие беженцы — если не большинство из них — ранее принимали активное участие в руандийском геноциде. Их лагеря служили также базами и вербовочными центрами для экстремистских военизированных группировок хуту, продолжавших убивать и грабить на территории Руанды. Очевидно, что обязанность вмешаться и обеспечить, по крайней мере, демилитаризацию лагерей, должно было бы взять на себя правительство Заира или, возможно, ООН, и гуманитарные организации не преминули указать на это. С другой стороны, без международной гуманитарной помощи этих лагерей просто не было бы, и гуманитарные организации, во всяком случае, некоторые, очень остро ощущали свою моральную ответственность. Были среди них такие, как, например, «Врачи без границ», которые решили прекратить там свою работу, но многие другие остались и продолжили свои операции. В конце концов, армия Руанды нанесла удар по этим лагерям в октябре 1996 г., что привело к еще большему кровопролитию⁶.

Кроме того, в стране, где идет война, гуманитарные операции могут невольно узаконить на местном или международном уровне повстанческие движения, местных полевых командиров или других людей, обладающих властью. Во-первых, гуманитарные организации вынуждены вести переговоры о доступе с группами, контролирующими какой-то район, молчаливо признавая, таким образом, их власть и легитимность. Во-вторых, гуманитарные операции, такие как распределение помощи и предоставление медицинских услуг, могут помогать таким группам контролировать население своего района и даже вызывать приток людей из других мест. В-третьих, такие группы могут извлекать немалую финансовую выгоду из гуманитарных операций, облагая поборами перевозки, ввозимые грузы, зарплаты сотрудников, собирая арендную плату за склады, служебные и жилые помещения.

Гуманитарную помощь обвиняли также в том, что она подпитывает экономику войны и затягивает конфликты, прямо или опосредованно попадая в руки комбатантов, использующих ее для поддержки своих во-

6 *Ibid.*, pp. 155-215.

енных операций. В качестве наиболее ярких примеров часто приводят конфликты в Сомали, Либерии и Анголе. Так, например, Эдвард Латтуок заявляет: «НПО в своей не знающей границ беспристрастности даже помогают обеим сторонам, предотвращая, таким образом, взаимное истощение, которое привело бы к окончанию конфликта»⁷ и делает вывод: «хотя установить ограничения для деятельности не в меру активных НПО невозможно, по крайней мере, их не следует ни официально поощрять, ни финансировать»⁸.

Большинство гуманитарных организаций прекрасно понимают, какие моральные дилеммы возникают в связи с их деятельностью и какие опасности порождает «гуманитарный императив». Однако, как предостерегает Мэри Андерсон, «было бы моральным и логическим заблуждением утверждать, что, если помощь может причинить вред, то решение не оказывать помощь вреда причинить не может. На самом деле, отказ от предоставления помощи тем, кто в ней нуждается, несомненно, привел бы к многочисленным плачевным последствиям»⁹. Фиона Терри, вооруженная богатым практическим опытом, подходит к делу прагматично: «Мы никогда не создадим идеальный мир, в котором наше сочувствие будет немедленно прекращать страдание, но мы можем создать неплохой мир, основанный на трезвой оценке потребностей и возможностей»¹⁰.

Беспристрастность и независимость

Принципы беспристрастности и независимости в каком-то смысле прямо вытекают из «гуманитарного императива» и убежденности в том, что все люди обладают одинаковым достоинством в силу своей принадлежности к человеческому роду¹¹. Беспристрастность подразумевает, что потребности людей оцениваются и помощь предоставляется без учета происхождения, расы, политических или религиозных убежде-

7 Edward N. Luttwak, «Give war a chance», *Foreign Affairs*, Vol. 78, No. 4, July/August 1999, p. 43.

8 *Ibid.*, p. 44.

9 Mary B. Anderson, *Do No Harm: How Aid Can Support Peace – or War*, Lynne Rienner, Boulder, 1999, p. 2.

10 Terry, *op.cit.* (примечание 4), pp. 216-217.

11 Rony Braumann, «L'assistance humanitaire internationale» in: Monique Canto-Sperber (éd.), *Dictionnaire de philosophie morale et politique*, Presses Universitaires de France, Paris, 1996, p. 96.

ний, пола и т.д. Чтобы иметь возможность действовать беспристрастно, гуманитарные организации, рассуждая логически, должны быть независимы от политического, религиозного или этнического влияний.

Хотя беспристрастность, как основополагающий нравственный принцип гуманитарной деятельности, почти никто не ставит под сомнение, на практике в ходе многих международных операций оказания помощи о ней забывают. Большинство гуманитарных организаций, как учреждений ООН, так и НПО, в значительной мере зависят от западных правительств, предоставляющих им средства, а приоритеты этих правительств — что вполне законно — определяются не одними лишь гуманитарными соображениями. В то время как оценка потребностей в гуманитарной помощи может быть беспристрастной, действия гуманитарных организаций ограничены объемом предоставляемых им средств, который зависит от политических соображений правительств-доноров. Так, например, правительства-доноры поручились предоставить 207 долларов США на человека в ответ на обращение ООН (в Косово) в 1999 г., и лишь 16 долларов на человека в Сьерра-Леоне в тот же самый период, хотя объективные потребности последних могли быть значительно больше¹². Как показывает опыт, даже те НПО, которые существуют на пожертвования широкой общественности, собирают гораздо больше средств на одни кризисы, чем на другие.

Есть также различия в оказании помощи в конкретных ситуациях, порождаемые политическими трудностями или проблемами безопасности. Такие различия в масштабах помощи могут приводить к массовым перемещениям населения.

Кроме того, религиозные и националистические НПО очень часто оказывают помощь в первую очередь людям, исповедующим ту же самую веру или имеющим одинаковое национальное происхождение или общую этническую принадлежность. Все более частое создание религиозных НПО в США и рост числа исламских благотворительных организа-

¹² Oxfam, Briefing Paper: *An End to Forgotten Emergencies?*, Oxfam, Oxford, May 2000, available at: <<http://www.oxfam.org.uk/policy/papers/gemg/fgemgsum.htm>> (Последнее посещение 10 августа 2004 г.).

ций, по всей видимости, будут представлять собой новые проблемы для утверждения универсального характера гуманитарной деятельности¹³.

Нейтральность

Из всех гуманитарных принципов Анри Дюнана наибольшие споры и разногласия вызывает принцип нейтральности. Он означает, что гуманитарные организации обязаны не принимать ничью сторону в конфликте и не предпринимать никаких действий, которые могли бы создать преимущество для одной из сторон. Исторически это была та цена, которую приходилось платить добровольцам Красного Креста, чтобы армии обеих сторон разрешали им работать на поле боя и предоставляли защиту от военных действий. Даже сегодня тот довод, что нейтральность является рабочим инструментом, позволяющим получить доступ к нуждающимся в помощи и поддерживать диалог со всеми сторонами в конфликте, сохраняет свое значение для МККК.

Вопрос о том, может ли нейтральность быть морально приемлемой перед такими чудовищными преступлениями, как этнические чистки в Боснии или геноцид в Руанде, заслуживает внимания. Фиона Терри, например, утверждает, что, отказываясь решать вопрос о том, кто прав, а кто виноват, мы подразумеваем моральное равенство между угнетателем и жертвой¹⁴.

Такие обвинения в нравственном безразличии, в конечном счете, привели к расколу в гуманитарном секторе, когда группа врачей МККК, в том числе Бернар Кушнер, придя в отчаяние от того, что им долгое время не давали разрешения на оказание помощи голодающим жителям Биафры во время нигерийской гражданской войны (1967–1970), создали организацию «Врачи без границ». Их основная идея заключалась в том, что забота о жертвах должна быть поставлена выше государственного суверенитета и нейтральности гуманитарной деятельности¹⁵. Приме-

¹³ Joanna Macrae, «Analysis and synthesis» in: Joanna Macrae (ed.), *The New Humanitarianisms: A Review of Trends in Global Humanitarian Action*, Humanitarian Policy Group Report No. 11, Overseas Development Institute, London, April 2002, available at:

<<http://www.odi.org.uk/hpg/papers/hpgreport2.pdf>> (Последнее посещение 10 августа 2004 г.), p. 17.

¹⁴ Terry, *op. cit.*, (примечание 4), p. 22.

¹⁵ *Ibid.*, p. 20.

ру «Врачей без границ», сочетавших гуманитарную работу с политической активностью, вскоре последовали другие НПО, например, «Оксфам» в Великобритании. Идея о том, что необходимо не только облегчать страдания, но и бороться с их первопричиной, публично осуждая угнетение и несправедливость и, тем самым, способствовать политическим переменам, действительно обладала определенной убедительностью.

Для МККК, с другой стороны, нейтральность всегда подразумевала конфиденциальность: ведь, как правило, за публичное осуждение приходится расплачиваться изгнанием из тех мест, где страдают люди, и это, в свою очередь, лишает жертвы помощи и, таким образом, приводит к еще большему страданию. Два элемента девиза «Врачей без границ» — «Заботиться и свидетельствовать» — во многих случаях могут оказаться взаимоисключающими.

МККК, который теперь «неохотно признается» в том, что ему следовало бы иначе действовать во время холокоста в период Второй мировой войны¹⁶, несколько изменил свою политику абсолютного нейтралитета и будет рассматривать возможность «публичного осуждения нарушений международного гуманитарного права в качестве крайней меры»¹⁷ и выводить свой персонал, когда он будет приходить к выводу, что гуманитарная деятельность приносит больше вреда, чем пользы, как это было в случае с руандийскими лагерями в Заире.

Нравственная дилемма между нейтральностью и политической активностью, тем не менее, остается трудноразрешимой для гуманитарных организаций. Эти два подхода кажутся взаимоисключающими, однако при прагматичном отношении могут дополнять друг друга. Возможно, что сосуществование этих двух позиций, пусть и представленных разными организациями, идет на пользу жертвам. Примером тому могут послужить роли, которые играют МККК и Международная амнистия в проверке условий содержания под стражей.

¹⁶ Rieff, *op. cit.* (примечание 1), p.20.

¹⁷ International Committee of the Red Cross, «Frequently asked questions», available at: <<http://www.icrc.org/Web/eng/siteengco.nsf/html/faq>> (Последнее посещение 10 августа 2004 г.).

Гуманитарная деятельность и международная политика

Когда обнаружилось, что, выражаясь словами Садако Огаты, Верховного комиссара ООН по делам беженцев, «нет гуманитарных решений для гуманитарных проблем»¹⁸, то это имело далеко идущие последствия. Джоанна Макрей приходит к следующему выводу: «ранее концепция гуманитарной деятельности укладывалась в четкие, но узкие рамки, будучи призванной смягчать последствия войны, однако в 90-е гг. XX столетия она превратилась в организующий принцип международных отношений, где тон задавал Запад»¹⁹. После горьких уроков Боснии, Сомали и Руанды был осуществлен ряд экспериментов, прежде всего США и Европейским Союзом, с тем, чтобы интегрировать гуманитарную помощь в политическую структуру мер, принимаемых в связи с конфликтом. Попытки использовать гуманитарную помощь в качестве политического рычага делались, в частности, в Сербии, на юге Судана, в Северной Корее, самый последний пример — Афганистан.

ООН тоже пошла по этому пути. В докладе 1999 г. Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира, получившем известность под названием «доклад Брахими», рекомендуется объединять гуманитарные операции и операции по поддержанию мира в рамках деятельности «комплексных целевых групп по подготовке миссии (КЦГМ)» и возложить политическую ответственность за них на Специального представителя Генерального секретаря (СПГС)²⁰. Эта идея была встречена в штыки большинством гуманитарных учреждений ООН и НПО, утверждавших, что такая интеграция поставит под угрозу независимость и беспристрастность операций, осуществляемых ими.

Разногласия и дилеммы НПО наглядно видны опять-таки на примере «Врачей без границ» и Бернара Кушнера. Кушнер считал, что гуманитаризм должен стоять на службе государств: «Не столько гуманитарные организации должны учиться быть политическими, сколько государства должны учиться быть гуманитарными»²¹. С ним не согласны

¹⁸ Quoted in Rieff, *op. cit.* (примечание 1), p.22.

¹⁹ Масрае, *op. cit.* (примечание 13), p.7.

²⁰ Организация Объединенных Наций, «Доклад Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира», ООН, Нью-Йорк, пп. 198-217, доступен по адресу: <http://www.un.org/russian/peace/reports/peace_operations> (Последнее посещение 6 декабря 2004 г.).

²¹ Quoted in Rieff, *op. cit.* (примечание 1), p. 97.

другие основатели «Врачей без границ», такие как Рони Броман, утверждавший, что политическая независимость является важным нравственным принципом гуманитарной деятельности. Кушнер ушел из «Врачей без границ» и в 1980 г. основал еще одну НПО, «Врачи мира», стремясь воплотить в жизнь свое видение гуманитарной деятельности.

Наметившаяся в последнее время тенденция «гуманитарных» военных интервенций и значительное участие гуманитарных организаций в последующих операциях по построению мира привели к возобновлению дискуссии о том, допустимо ли с точки зрения нравственности использовать гуманитарную помощь в качестве политического инструмента в целях разрешения конфликтов, политического примирения и образования наций.

Гуманитарная деятельность и «гуманитарное» военное вмешательство

Ряд активистов гуманитарных организаций, среди которых видное место занимает Бернар Кушнер, уже в 80-е гг. XX столетия пришли к выводу о том, что военные операции, в идеальном случае проводимые ООН, но при необходимости — и отдельными великими державами, — единственный нравственный ответ, который можно дать на некоторые гуманитарные кризисы²². Тенденция к проведению «гуманитарных интервенций», т.е. военных операций, главная цель которых состоит в предоставлении защиты или помощи жертвам насилия, началась, возможно, с операции по защите иракских курдов от ударов иракского режима после войны в Персидском заливе в 1991 г. За этой, сравнительно успешной операцией, последовали попытки защитить с помощью военной силы операции по оказанию гуманитарной помощи в Сомали и Боснии в 1992 г. Ряд более поздних международных интервенций, таких как вмешательство НАТО в Боснии и Косово или вмешательство под руководством Австралии в Восточном Тиморе, тоже в значительной мере оправдывались гуманитарными соображениями. Они также пошли на шаг дальше, чем предыдущие вмешательства — в их рамках были установлены международные протектораты с тем, чтобы сохранить стабильность и гарантировать мир.

²² *Ibid.*, p. 66.

Если соображения гуманитарного характера и забота о правах человека были всего лишь второстепенным элементом в оправдании интервенций в Афганистане и Ираке, осуществлявшихся под руководством США, гуманитарные вопросы играли важную роль — по крайней мере, на словах — после их окончания. Провинциальные группы реконструкции (ПГР) в Афганистане намеренно используют гуманитарные проекты восстановления в качестве средства для выполнения задач военного характера — сбора разведанных и завоевания «сердец и умов» афганского населения. Что касается Ирака, несколько правительств, в том числе японское и тайландское, заявили, что участие их войск в многонациональных силах под командованием США, представляет собой «исключительно гуманитарную» миссию.

Независимо от их отношения к принципу «гуманитарного» военного вмешательства сотрудники гуманитарных организаций после этих операций столкнулись с новыми нравственными дилеммами — или, может быть, старыми, но в новой форме. Участвовать в выполнении казалось бы морально безупречного плана, цель которого — принести мир и процветание обществам, истерзаным войной, для гуманитарных организаций оказалось гораздо сложнее, чем думали многие из них. Дэвид Рифф утверждает, например, что «независимые гуманитарные организации делают многое хорошо, что-то плохо, однако то, что от них требуют сегодня — бороться за права человека, вносить вклад в прекращение войн, содействовать прогрессу в сфере социальной справедливости — находится за пределами их компетенции, как бы нам ни хотелось, чтобы это было не так»²³.

Размывание границ между военными операциями, достижением политических целей и гуманитарной помощью имеет особенно серьезные последствия для сотрудников гуманитарных организаций. Поскольку их воспринимают, во всяком случае, некоторые, как участников военно-политических операций, проводящихся под эгидой Запада, у гуманитарных организаций возникают очень серьезные проблемы в плане безопасности в таких местах как Афганистан и Ирак.

Традиционная роль гуманитарных организаций состоит в том, чтобы решать две основные задачи в ходе восстановления после конфликта. Пер-

²³ *Ibid.*, p. 334.

вая — оказывать помощь ряду уязвимых групп, появившихся в результате конфликта, таких как лица, перемещенные внутри страны, возвращающиеся беженцы, вдовы, дети и т.д. Вторая — восстановить разрушенные социальные институты, такие как здравоохранение, водоснабжение, образование и обеспечить их функционирование без помощи со стороны в долгосрочной перспективе.

Очевидно, что устойчивое долговременное развитие зависит, прежде всего, от политической и экономической структуры, а также от институциональной и физической инфраструктуры, которую может обеспечить государство. После тех международных интервенций, которые имели место в самое последнее время, политическая структура определяется в значительной мере внешними силами — такими, как интервенция или оккупация. Экономическая и социальная политика определяется странами-донорами, предоставляющими помощь на двусторонней основе, или международными финансовыми учреждениями (МФУ).

Майкл Пью указывает, что фундаментальная проблема такого подхода заключается в следующем: «концептуальный аппарат построения мира включает в себя посылку, согласно которой внешние силы пользуются властью и моральным авторитетом, чтобы осуществить те мирные перемены, которые сообщества так явно не смогли осуществить сами»²⁴.

Действительно, можно усомниться в том, что вмешательство извне в общество, раздираемое конфликтом, может обеспечить примирение и прочный мир. То, что в Боснии значительное международное военное и гражданское присутствие остается необходимым и по сей день, через девять лет после заключения Дейтонского мирного соглашения, несомненно, показывает, что построение мира значительно труднее, чем представлялось изначально некоторым из основных участников этого процесса.

В 90-е годы XX столетия международное сообщество доноров обязалось предоставить свыше 100 миллионов долларов США в качестве помощи почти 40 странам для ликвидации последствий вооруженных конфликтов²⁵. Значительная часть помощи, поступающей извне во все эти

²⁴ Michael Pugh, «Introduction: The ownership of regeneration and peacebuilding», in: Michael Pugh (ed.), *Regeneration of War-Torn Societies*, St. Martin's Press, New York, 2000, p.3.

²⁵ Shepard Forman and Stewart Patrick, «Introduction», in Shepard Forman and Stewart Patrick (eds.), *Good Intentions, Pledges of Aid for Postconflict Recovery*, Lynne Rienner, Boulder/London, 2000, p. 1.

страны, была использована в качестве гуманитарной помощи и для финансирования проектов развития с тем, чтобы заложить основание для устойчивого перехода этих стран к экономическому росту и демократическому управлению. Хотя контексты вмешательства были очень разными, гуманитарные организации, участвующие в реализации таких проектов, столкнулись с рядом очень сходных проблем.

Координация

Первая проблема, скорее практического характера, с которой сталкиваются гуманитарные организации и организации, способствующие развитию, после международного вмешательства или заключения мирного договора, — это координация деятельности между ними самими, а также между ними и военно-политическими силами, осуществляющими вмешательство. Хотя во время вооруженного конфликта в стране обычно действует немного международных и неправительственных организаций, по окончании военных действий их количество резко возрастает. Основная причина такого увеличения их числа — улучшение обстановки в плане безопасности и роста объема средств, предоставляемых правительствами-донорами и широкой общественностью. Повышенный интерес, который обычно проявляют СМИ к международным интервенциям, также привлекает гуманитарные организации, поскольку благодаря ему они становятся заметными, что необходимо для сбора средств на их операции.

Нормальному функционированию слабых административных структур правительств в постконфликтной ситуации часто препятствует наплыв различных независимых «действующих лиц», таких как государства-доноры, МФУ, учреждения ООН и НПО. Стюарт Патрик отмечает, что «возникающий в результате симбиоз интересов, мандатов и возможностей может стать преградой для коллективных действий и достижения согласия по вопросу о распределении обязанностей, препятствуя, таким образом, донорскому участию на раннем этапе и не позволяя достигнуть согласия по вопросу об общих подходах, которое так необходимо для достижения успеха»²⁶. Недостаточная координация подхода, по его словам,

²⁶ Stewart Patrick, «The donor community and the challenge of postconflict recovery» in: Forman and Patrick (eds.), *op.cit.* (примечание 25), p. 36.

постоянно порождала «непоследовательные стратегии, несовместимые проекты, ненужные инициативы, пробелы в оказании помощи, недостаточную подотчетность и сводила к минимуму возможность извлечения уроков из их опыта»²⁷.

За несколько месяцев до Парижского мирного соглашения по Камбодже 1991 г. число международных организаций и НПО, которых сначала было совсем немного, подскочило до нескольких сотен. То же самое произошло в Боснии после заключения Дейтонского мирного соглашения 1995 г. и вслед за военной интервенцией в Косово в 1998 г. В Афганистане годовой бюджет гуманитарной помощи на 2001 г. составлял 180 миллионов долларов США²⁸, а в 2002 г. после интервенции, осуществленной под руководством США, он вырос почти до 2 миллиардов долларов²⁹.

Поскольку финансирование многих отдельных гуманитарных организаций зависит от того, насколько они «на виду», то обычно между ними существует острая конкуренция. Из-за этой конкурентной борьбы за средства между гуманитарными организациями, эффективную координацию могут обеспечить только правительства-доноры, которые и предоставляют большую часть этих средств. Обычно это те же самые — западные — правительства, которые политически заинтересованы в интервенции. Проводимое ими четкое планирование политической, военной и гуманитарной деятельности создает, таким образом, опасность превращения межправительственных организаций и НПО в орудие осуществления политических и, может быть, даже империалистических планов или, как пишет Дэвид Рифф, в «инструмент и символ распространения влияния западных правительств»³⁰. Скоординированный подход важен для повышения эффективности и подотчетности, однако это достигается ценой исключения или, по меньшей мере, маргинализации участия НПО, для которых политическая независимость и беспристраст-

²⁷ *Ibid.*, p. 37.

²⁸ Rieff, *op.cit.* (примечание 1), p. 296.

²⁹ Transitional Government of Afghanistan, *Analysis of Aid Flows to Afghanistan*, March 2003, available at: <<http://www.afghanistangov.org/resources/mof/cU-GoA-AidAnalysis.pdf>> (Последнее посещение 10 августа 2004 г.).

³⁰ Rieff, *op.cit.* (примечание 1), p. 274.

ность являются важными составляющими их нравственной базы и самовосприятия.

Правительства-доноры склонны поощрять гуманитарную деятельность, непосредственно способствующую достижению их собственных эгоистических целей, что вполне логично. И в Камбодже, и в Боснии основным приоритетом гуманитарных организаций в течение нескольких лет было скорейшее возвращение беженцев, то есть, то, чего в первую очередь добивались западные страны. В обоих случаях несоразмерно большой объем помощи, оказываемой возвращающимся беженцам, вызывал социально-политическую напряженность в отношениях с местным населением, которая могла производить дестабилизирующий эффект. Возможно, что это стало одним из важнейших факторов, мешающих примирению.

Задача координации гуманитарной деятельности в международных интервенциях нередко осложняется еще и тем, что силы, проводящие военную интервенцию, стремятся «завоевать сердца и умы» населения и хотят показать ему, что они тоже оказывают гуманитарную помощь. Примером тому могут послужить непростые отношения между ПГР военных, осуществляющих интервенцию, и гуманитарными организациями.

Срочная помощь и устойчивое развитие

Доноры, а также те, кто осуществляет программы оказания гуманитарной помощи и восстановления социально-экономической инфраструктуры после вооруженных конфликтов, часто разрываются между необходимостью предоставить помощь как можно скорее и желанием опираться на местные возможности при разработке и осуществлении проектов, чтобы обеспечить их соответствие местным условиям и способность их дальнейшего осуществления без помощи извне. Теоретически, однако, все согласны с тем, что «сопричастность местного населения» и его участие совершенно необходимы для долговременной устойчивости любой социальной или гуманитарной программы.

Когда местная администрация и гражданское общество в целом ослаблены, что нередко бывает в постконфликтных ситуациях, вопрос о том, какие местные партнеры должны быть задействованы в реализации гуманитарных проектов, бывает нелегко решить. Национальные правительственные структуры или местные власти? Местные НПО или другие

лица и организации, не включенные в государственные структуры, например, вожди племен, местные ассоциации и кооперативы или даже частный сектор?

Выбор местных партнеров обязательно подразумевает четкую идею будущей политической системы и создает ряд дилемм. Укрепление национального правительства может быть наилучшей гарантией скоординированного и сбалансированного подхода, однако, оно почти неизбежно порождает громоздкую бюрократию и приводит к значительным задержкам выдачи помощи, а также создает опасность сосредоточения слишком большой власти в руках ограниченного круга лиц. Кроме того, гуманитарным организациям может быть неудобно оказывать открытую политическую поддержку правительству, получившему власть из рук сил, осуществляющих интервенцию, и не обязательно обладающему достаточной легитимностью в глазах местного населения. Отдавая главенствующую роль сотрудничеству с местными властями, можно ускорить процесс планирования и утверждения, но при этом возникает риск обострения политических и этнических разногласий внутри страны и неравномерного распределения имеющейся помощи. Местные НПО способны играть важную роль в осуществлении гуманитарных программ, но их деятельность обычно не может осуществляться в долгосрочной перспективе без постороннего участия. Если опираться на деревенских старейшин или местные ассоциации, это может привести к подрыву авторитета государственных структур и вызвать неудовольствие последних. Широкая приватизация государственной собственности и услуг, неолиберальный подход, очень популярный у западных доноров и миротворцев, может в конечном счете порождать фаворитизм или грабительскую «прихватизацию», создавая серьезную социально-политическую напряженность в постконфликтных обществах.

Пью правильно отмечает, что иностранные организации в таких ситуациях оказываются «перед дилеммой: поддерживать ли им суверенитет государства или противостоящее гегемонии гражданское общество, принижать ответственность государства или пренебрегать негосударственной деятельностью»³¹.

31 Michael Pugh, «The social-civil dimension», in: Pugh (ed.), *op.cit.* (примечание 24), p. 116.

Целый ряд затруднений возникает и при определении того, когда и как можно приступать к созданию и наращиванию местного потенциала. После продолжительных войн институциональная и физическая инфраструктура страны всегда находится в самом плачевном состоянии. На первой стадии – когда оказывается неотложная помощь – местному потенциалу очень часто можно уделять лишь небольшое внимание, и операции помощи ведутся, в основном, силами международного персонала. Хотя такая неотложная помощь иногда и бывает необходима для облегчения страданий и обеспечивает ощутимую выгоду от установления мира, она редко приносит пользу в плане преодоления глубинных причин бедности и конфликтов. Длительное оказание неотложной помощи может даже привести к появлению дополнительных проблем, порождая зависимость и подрывая способность населения к самостоятельному преодолению трудностей.

Перейти от неотложной помощи к стадии содействия развитию обычно очень непросто, особенно если в этом участвуют различные организации и применяются разные процедуры. Стюарт Патрик отмечает, что «как правило, деятельность по оказанию помощи и деятельность по содействию развитию планируются различными ведомствами, финансируются из разных каналов, проходят разнообразные процедуры утверждения, определяются всякого рода политическими соображениями, осуществляются по разным расписаниям, реализуются всевозможными партнерами»³².

В результате, длительные операции по оказанию неотложной помощи нередко подрывают возможности развития в долгосрочной перспективе. Продолжение поставок продовольствия не особенно стимулирует участие гражданского населения в программах восстановления сельского хозяйства, медицинские услуги высокого уровня, которые требуют больших затрат, невозможно продолжать оказывать, используя лишь местные ресурсы, а параллельные системы здравоохранения и образования высасывают сотрудников и получателей помощи из государственной инфраструктуры.

Изменить первоначальный подход зачастую бывает непросто. Что касается Камбоджи, Пеу и Ямада указывают, что когда в середине

³² Patrick, *op. cit.* (примечание 26), p. 39.

90-х гг. XX века несколько правительств, предоставлявших помощь в больших количествах, решили поддерживать только те проекты, в которых как партнеры участвуют местные учреждения, поток международной помощи значительно уменьшился, главным образом, по причине отсутствия местного потенциала — и это при том, что помощь непрерывно оказывалась в течение нескольких лет³³.

Легитимность

В то время как мирное соглашение обычно устанавливает или восстанавливает национальное правительство в какой-то форме, это часто не находит своего отражения на местах. На местном уровне те политические лидеры и полевые командиры, которые извлекали выгоду из военной экономики, нередко сохраняют свои позиции. Чтобы осуществлять свои проекты, гуманитарные организации вынуждены сотрудничать с этими полевыми командирами и их властными структурами, предоставляя таким образом власть и легитимность потенциальным нарушителям мирного процесса.

В докладе Института мира США, составленном в 1998 г., делается вывод о том, что в Боснии «направление миллионов долларов, предназначенных для оказания помощи и восстановления, через местных должностных лиц укрепило барьеры между этническими группами, поскольку позволило политическим лидерам распределять гуманитарную помощь среди представителей своей стороны, прежде чем была начата борьба с этническими чистками (...) Муниципальные власти и представители перемещенных этнических сообществ используют помощь для достижения своих политических целей, для поддержки своей стороны, для направления потоков гуманитарной помощи местным поставщикам и подрядчикам, которым они благоволят»³⁴.

Осуществление программ гуманитарной помощи в Афганистане сегодня, по крайней мере за пределами Кабула, подразумевает сотрудни-

³³ Sorpong Peou and Kanji Yamada, «Cambodia», in Forman and Patrick (eds.), *op.cit.* (примечание 25), p. 96.

³⁴ Julia Demichelis, *NGOs and Peacebuilding in Bosnia's Ethnically Divided Cities*, United States Institute of Peace, Washington, DC, June 1998, available at: <<http://usip.org/pubs/specialreports/early/BosniaNGO.html>> (Последнее посещение 10 августа 2004 г.).

чество с местными военно-феодалными правителями и их властными структурами, способствуя тем самым, приданию им легитимности, во всяком случае, в глазах контролируемого ими населения. Военно-феодалные правители также облагают гуманитарную помощь налогом на ввоз и различными сборами, обеспечивая таким образом важную часть своих доходов³⁵. Укрепление легитимности этих военно-феодалных правителей вполне может подорвать в долгосрочной перспективе установление мира и стабильности в Афганистане.

Финансовая поддержка местных учреждений без строгой подотчетности может также порождать коррупцию. В Камбодже принявшую угрожающие масштабы коррупцию среди правительственных чиновников, участвующих в проектах восстановления, объясняли тем, что у них смехотворно низкие зарплаты, и тем, что доноры ничего не сделали для решения этой проблемы³⁶. Коррупция среди правительственных чиновников на всех уровнях представляла собой проблему и при осуществлении проектов в области восстановления в Боснии³⁷.

Постановка условий

В целях решения проблемы легитимности Джеймс Бойс и другие предлагают использовать помощь, предоставляемую после конфликта, особенно в области восстановления и развития, для того, чтобы обеспечить непротиводействие мирному процессу путем постановки определенных условий. Так, например, проекты в области восстановления будут реализовываться только в том случае, если местные лидеры будут соблюдать существующее мирное соглашение или если они примут какие-то конкретные условия. Эти условия могут включать в себя требование активного участия в конкретных операциях мирного процесса, выдачу военных преступников, предоставление квот определенным этническим

³⁵ United States Institute of Peace, *Unfinished Business in Afghanistan: Warlordism, Reconstruction, and Ethnic Harmony*, United States Institute of Peace, Washington, DC, April 2003, available at: <<http://www.usip.org/pubs/specialreports/sr105.html>> (Последнее посещение 10 августа 2004 г.).

³⁶ Peou and Yamada, *op. cit.* (примечание 33), p. 96.

³⁷ Zlatko Hertic, Amela Saracanic, and Susan Woodward, «Bosnia and Herzegovina», in: Forman and Patrick (eds.), *op. cit.* (примечание 25), pp. 350-353.

группам среди получателей помощи или обеспечение сексуального равенства³⁸.

Условиями такого типа нередко ставились доноры, предоставлявшие помощь на двусторонней основе, и учреждениями ООН в Боснии. Отказ в предоставлении гуманитарной помощи помог заставить лидеров боснийских сербов войти в президиум страны в 1996 г. и привел к «оттепели» в Республике Сербской в 1997 г.³⁹ Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев оказывало помощь различным общинам Боснии, ставя при этом условие возвращения меньшинств, изгнанных из этих общин во время войны. Было установлено эмбарго на оказание помощи недружественным муниципалитетам; при выделении средств на восстановление приоритет отдавался мэрам, которые охотно шли на сотрудничество⁴⁰.

Очень сомнительно, что, оговаривая предоставление гуманитарной помощи такими условиями, можно действительно принудить кого-то к участию в мирном процессе или навязать примирение. Опыт Боснии показал, что сотрудничество местных властей зачастую ограничивалось словесными заверениями, цель которых состояла в получении средств на восстановление, и оно немедленно прекращалось или даже превращалось в собственную противоположность, как только завершался какой-то конкретный проект. Кроме того, добиваясь участия в мирном процессе путем подобной постановки условий, нужно в определенной мере применять авторитарный контроль, который не очень-то хорошо сочетается с претензиями на демократичность и представительное управление, без которых редко обходится миротворческая риторика. Майкл Пью в этом контексте делает следующий вывод: «попытки воздействия путем постановки условий показывают пределы возможностей социальной инженерии»⁴¹.

Кроме того, Пью указывает: «постановка условий, к которой прибегают внешние участники процесса с тем, чтобы манипулировать учас-

³⁸ James K. Boyce, «Beyond good intentions: External assistance and peace building», in: Forman and Patrick, *op. cit.* (примечание 25), pp. 377-379.

³⁹ *Ibid.*, p. 379.

⁴⁰ Demichelis, *op. cit.* (примечание 34).

⁴¹ Pugh, *op. cit.* (примечание 31), p. 123.

тием, создавая или поддерживая только те местные учреждения и организации, которые демонстрируют готовность служить продиктованным извне целям, может привести к социальному отторжению»⁴². Такое отторжение может привести к радикализации меньшинств и в конечном итоге подорвать мирный процесс.

Ставить условия гуманитарными организациями при осуществлении ими проектов по оказанию помощи противоречит их принципам гуманитарного императива и беспристрастности. Поэтому большинство гуманитарных организаций очень неохотно идут на то, чтобы оговаривать свою деятельность политическими условиями в какой бы то ни было форме. Один из приводимых ими доводов — не следует наказывать население за его лидеров, особенно если те не были демократически избраны.

Некоторые утверждают, что неотложная помощь должна предоставляться без всяких условий и что ставить условия можно только при оказании помощи в восстановлении и развитии. Но это решение нельзя назвать разумным, поскольку в таком случае возникает опасность затягивания стадии неотложной помощи, со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями.

Политика определения условий оказания гуманитарной помощи для достижения мира поставила гуманитарные организации перед нелегким выбором: подчиниться принципу самоопределения населения или моральным принципам держав, осуществляющих вмешательство. Поддержка самоопределения в Боснии могла бы закрепить этническую сегрегацию. В Ираке она может привести к тому, что, по крайней мере, некоторые части страны окажутся под властью шиитского духовенства.

Заключение

Первоначальная сделка между гуманитарными организациями и государствами заключалась в том, что гуманитарным организациям было разрешено работать на поле боя при условии, что они не будут вмешиваться в боевые действия. Таким образом, было создано пространство для независимой гуманитарной деятельности. Начиная с 90-х гг. XX столетия,

⁴² *Ibid.*, p. 123.

это гуманитарное пространство стало все в большей степени утрачивать независимость, прежде всего, в связи с тем, что международные гуманитарные организации финансируются, в основном, государствами, которые постепенно открывают для себя, как удобно использовать гуманитарную помощь в качестве инструмента внешней политики. Идея о том, что гуманитарная помощь должна предоставляться безо всяких условий, все больше ставится под сомнение в связи с появлением целых комплексов условий, имеющих политический характер или продиктованных правом прав человека. Интеграция гуманитарной деятельности в структуру «гуманитарных» военных интервенций и последующих мероприятий по образованию наций усилили эту тенденцию. Гуманитарные организации и их лидеры продолжают работать над преодолением моральных проблем, возникающих в связи с этими событиями.

Природа дилемм такова, что у них нет легких решений. Вопрос не в том, имеют ли гуманитарные операции политические последствия, а в том, каковы эти последствия. Откровенная нравственная оценка этих политических последствий — самое меньшее из того, что могут сделать гуманитарные организации и их доноры. Независимые гуманитарные организации являются жизненно важной частью этой системы противовесов.

Даже если новые формы гуманитарной работы и могут тоже быть морально оправданными, чрезвычайно важно сохранить и отстоять достаточное пространство для независимой, нейтральной и беспристрастной гуманитарной деятельности и для организаций, которые ее поддерживают. Это гуманитарное пространство должно быть четко отграничено от «гуманитарных» военных интервенций.

Современные проблемы отношений между гражданскими организациями и военными: взаимодополняемость или несовместимость?

Радж Рана*

«Насилие, направленное против сотрудников гуманитарных организаций, происходит в ситуации, когда возглавляемая США коалиция последовательно старается использовать гуманитарную помощь, чтобы получить поддержку для своих военных и политических целей. Организация «Врачи без границ» порицает попытки коалиции реквизировать гуманитарную помощь и использовать ее с тем, чтобы «завоевать сердца и умы» населения. В результате, предоставление помощи более не рассматривается как беспристрастное и нейтральное действие, что ставит под угрозу жизнь добровольцев, участвующих в работе гуманитарных организаций, и помощь нуждающимся. Совсем недавно, 12 мая 2004 года, организация «Врачи без границ» публично осудила действия коалиции за распространение на юге Афганистана листовок, извещавших жителей о том, что они должны предоставлять информацию о «Талибане» и «Аль-Кайде», если хотят, чтобы продолжалась доставка гуманитарной помощи». (Заявление организации «Врачи без границ», 28 июля 2004 г.)¹

* Автор работает в Отделе по связям с вооруженными силами и силами безопасности Международного Комитета Красного Креста. Статья отражает лишь его точку зрения и необязательно – мнение МККК.

«Защита независимого и нейтрального подхода к гуманитарной деятельности включает в себя призыв к сохранению четкого различия между гуманитарной деятельностью, с одной стороны, и политико-военной, с другой. Это не потому, что МККК избегает военных, напротив, мы хотим вести и часто ведем активный диалог с ними. И не потому, что мы считаем, будто не может быть обстоятельств, при которых — когда все другие действующие лица не в состоянии выполнять свои задачи — военное формирование может стать последним средством спасения. Но потому, что мы хотим избежать происходящего в настоящее время размывания граней, вызванного тем, что военные кампании «завоевания сердец и умов» или усилия в области реконструкции характеризуются как гуманитарные. В связи с этим у МККК возникают проблемы с провинциальными группами реконструкции в Афганистане. Дело не в том, что, строго говоря, выбранные ими цели являются военными или относятся к обеспечению безопасности. В соответствии с нашим принципом нейтральности, мы не будем комментировать этот аспект. Однако нас беспокоит тот факт, что они включают гуманитарную помощь в общую концепцию ведения войны и обеспечения безопасности, в которой удовлетворение нужд определенных категорий населения может быть составной частью стратегии, направленной на то, чтобы нанести поражение противной стороне или неприятелю». (Заявление МККК, 31 марта 2004 г.)²

1 «MSF pulls out of Afghanistan», Médecins Sans Frontières, 28 July 2004, находится на <<http://www.msf.org/countries/page.cfm?articleid=8851DF09-F62D-47D4-A8D3EB1E876A1E0D>> (последнее посещение 28 июля 2004 г.)

2 Humanitarian security: «A matter of acceptance, perception, behaviour...», address given by the ICRC's Director of Operations to the High-level Humanitarian Forum, Palais des Nations, Geneva, 31 March 2004.

В 1990-х гг. политические и военные силы начали более активно участвовать в многонациональных действиях по управлению конфликтами и их разрешению, появилась новая тенденция наделять многонациональных вооруженных сил гуманитарными функциями. В Боснии и Герцеговине, а также в Сомали, существовала серьезная угроза того, что эти тенденции приведут к ослаблению позиции беспристрастных, независимых и нейтральных гуманитарных организаций в глазах как воюющих сторон, так и получателей помощи. Гуманитарным организациям трудно было оставаться нейтральными и независимыми, используя, к примеру, материально-техническую базу миротворческих сил, ставших, в конце концов, воюющей стороной в конфликтах, которые они должны были урегулировать.

Раньше вооруженные силы не желали или не могли решать «гуманитарные» проблемы на Балканах или в Сомали с учетом их действующей доктрины и подготовки. Но к тому времени, когда в 1999 г. НАТО начала военные действия в Косово, «гуманитарная» практика вооруженных сил была адаптирована к решению этой проблемы. Перед гуманитарным кризисом вооруженные силы НАТО действовали без колебаний под сильнейшим давлением со стороны правительств соответствующих стран, требовавших, чтобы они «выглядели хорошо». Они так же быстро, как гуманитарные организации, доставляли продовольствие беженцам в Албании, вмешивались в координацию гуманитарной деятельности и пытались представить свои военные операции как «гуманитарную интервенцию». Когда гуманитарные организации последовали за возглавляемыми НАТО наземными силами в Косово, грань между гуманитарными организациями и военными совершенно стерлась.

3 Майнрад Штудер. МККК и отношения между гражданскими организациями и военными во время вооруженного конфликта. – *Международный журнал Красного Креста. Сборник статей*, 2001. С. 17-45. МККК принял термин «отношения между гражданскими организациями и военными» для определения особых отношений между гуманитарными организациями и многонациональными военными миссиями во время вооруженных конфликтов. Это было сделано намеренно, чтобы провести различие между термином, употребляемым МККК, и военными терминами «военно-гражданское сотрудничество» (CIMIC-NATO) и «гражданские дела» (CA – Вооруженные Силы США), которые относятся к военной доктрине и практике.

В 2001 году МККК принял Принципы в области военно-гражданского сотрудничества, основанные на опыте предыдущего десятилетия³. Хотя взаимодействовать с вооруженными силами естественно для организации, работающей в ситуациях вооруженного конфликта, возникла особая необходимость задуматься о сложности многомерных миротворческих операций и об усиливающейся тенденции к объединению политических, военных и гуманитарных сил. В Принципах МККК (см. Приложение) рассматриваются опасности, связанные с многонациональными военными миссиями, которые участвуют в гуманитарной деятельности или действуют в соответствии с гуманитарным мандатом, при этом становясь потенциальным активным участником военных действий.

Современные ситуации, например в Афганистане и Ираке, подтверждают действенность и неизменность существовавших ранее основных областей сотрудничества и интересов⁴. Рассмотрим некоторые более поздние тенденции развития ситуаций:

- Гуманитарные операции стали обычным военным видом деятельности вооруженных сил, используемых равным образом в бою, операциях по стабилизации ситуации или в рамках программ построения государства. Предоставление помощи гражданскому населению или оказание влияния на осуществляемые другими гуманитарную деятельность или действия по восстановлению считается средством «умножения силы» или «защиты силы»⁵. Политические власти ожидают от своих вооруженных сил более активного сотрудничества с гражданскими организациями, что поможет им выполнить свои обязательства в соответствии с международным гуманитарным правом, а

4 В 1990-х гг. сформировались основные сферы сотрудничества между МККК и многонациональными военными миссиями во время вооруженных конфликтов. Главными из них являются:

- доступ к жертвам;
- посещения лиц, содержащихся под стражей многонациональными военными миссиями;
- обмен информацией (в области безопасности, о ситуации в целом);
- мандат МККК на подготовку вооруженных сил в области международного гуманитарного права и распространение знаний и информации о нем;
- поддержка и помощь, предоставляемая МККК в лечении больных и раненых.

5 «Призыв Колина Пауэлла к неправительственным организациям действовать, «умножая наши силы (...) как часть нашей боевой команды» в Ираке, показывает существующие опасности». Martin Woolcott, «Humanitarians must avoid becoming tools of power», *The Guardian*, 2 April 2004.

также включиться в объединенные постконфликтные политические действия и направить свои усилия на восстановление, предпринимаемое местными властями, государственными гражданскими организациями, гуманитарными и др.

- В 1990-е гг. вооруженные силы, участвовавшие в гуманитарной деятельности, были новым, развивающимся и неизвестным явлением, так что гуманитарные организации могли бороться с наблюдающейся «милитаризацией» гуманитарной помощи. Сегодня военные и политические силы лучше представляют себе, какую именно форму они хотят придать своему вмешательству, и рассматривают любое вооруженное вмешательство как возможность испытать новые интегрированные подходы к управлению конфликтами. Гуманитарные организации, которые не вписываются в эти подходы, выглядят так, как будто они укрылись за своими негибкими мандатами или просто отстали от времени.
- Как на национальном, так и на региональном уровне прилагаются активные усилия объединить возможности государства и военных для осуществления будущих вооруженных вмешательств. Концепция последних состоит в том, что военные должны быть в состоянии переходить от ведения войны к миротворчеству или к гуманитарной помощи в течение одного дня, иногда в одном и том же городе. Гражданские эксперты будут включаться в военные структуры для предоставления поддержки разработке стратегии, гражданскому администрированию и политическим реформам, а также в качестве советников при вооруженных силах или даже доноров гуманитарных организаций, занимающихся восстановлением, и частного сектора.

Как становится ясно из приведенных в начале цитат, взятых из заявлений организации «Врачи без границ» и Директора операций МККК, сужение возможностей гуманитарной деятельности и растущая опасность для гуманитарных работников должны быть частично отнесены на счет деятельности многонациональных военных миссий, которая выходит за рамки обеспечения безопасности или участия в боевых действиях.

В этой статье рассматривается точка зрения МККК на отношения между гражданскими организациями и военными в современных ситуа-

циях оказания гуманитарной помощи, исходящая из недавнего пересмотра стратегии МККК в области военно-гражданского сотрудничества⁶. Хотя принятые в 2001 г. принципы⁷ остаются неизменными, ясно, что необходимо пересмотреть систему взглядов, в которой они сохраняют свое значение. От пробных попыток осуществлять гуманитарную деятельность в 1990-е гг. вооруженные силы сейчас перешли к тому, чтобы воспринимать подобные задачи как свои основные обязанности в любых ситуациях.

Необходимо мыслить творчески, рассматривая отношения между многонациональными военными миссиями и гуманитарными организациями во время вооруженного конфликта, современные тенденции и возможные последствия. Уже недостаточно ограничивать подобное обсуждение вопросом о том, как гуманитарные организации и многонациональные военные миссии могут сотрудничать или согласовывать свои действия. Гуманитарные организации обязаны понять развивающуюся небоевую доктрину, операции и цели вооруженных сил, с которыми им приходится работать бок о бок. Что важнее всего, отношения между гражданскими организациями и военными больше нельзя рассматривать как отдельный предмет. Чтобы понять, какие последствия ожидают нас сейчас и, что еще важнее, через пять-десять лет, следует проанализировать развитие представлений вооруженных сил об их способности брать на себя выполнение гражданских ролей и задач в рамках более общих тенденций построения государства и интегрированных подходов к управлению конфликтами.

В первой части статьи рассматривается представление военных об их роли в выполнении гражданских (небоевых) задач и определяющая эту роль доктрина. Даются конкретные примеры таких военных небоевых операций, с которыми МККК сталкивается на местах. Во втором разделе эти обстоятельства включены в более широкий контекст многона-

⁶ Автор, принимая на себя полную ответственность за содержание этой статьи, позволил себе некоторые вольности при рассмотрении принципов МККК, ранее сводившихся к отношениям между МККК и многонациональными военными миссиями во время вооруженного конфликта, и рассматривает эти вопросы в более широком контексте взаимосвязанных проблем, которые возникают и будут возникать в области гуманитарной деятельности в ближайшее десятилетие.

⁷ Штудер, *op. cit.* (примечание 3), с. 41-45.

циональных вооруженных вмешательств и ведения военных действий. В третьей части излагается критический взгляд на то, как осуществление нейтральной независимой гуманитарной деятельности воспринимается в вооруженных силах, и приводятся соображения о том, что для МККК становится все важнее сохранить свое значение.

Как военные представляют свою роль?

Много написано об отношениях между военными и гражданскими организациями во время вооруженного конфликта⁸. Рассматриваются такие темы, как гуманитарные и политические аспекты этих отношений, культурные различия между гуманитарными работниками и миром военных, а также некоторые постоянно возникающие вопросы, которые обе группы должны решать на местах. К последним относятся вопросы большей координации действий, помогающей избежать их дублирова-

⁸ Все разнообразие мнений можно найти в следующих работах: Sarah E. Archer, «Civilian and military cooperation in complex humanitarian operations», *Combined Arms Center Military Review*, March-April 2003, в Интернете: <<http://www.leavenworth.army.mil/milrev/English/MarApr03/indxma03.htm>> (автор выступает за более тесное сотрудничество и координацию действий между военными и гражданскими организациями в достижении общих целей); «Armed forces as humanitarian aid workers? Scope and limits of co-operation between aid organizations and armed forces in humanitarian aid». *Verband Entwicklungspolitik Deutscher Nichtregierungs-Organisationen e. V.*, May 2003, в Интернете: <<http://venro.org/publikationen/archiv/Position%20Paper%20Armed%20Forces%20and%20Humanitarian%20A.pdf>> (последнее посещение 10 марта 2004 г.) (всеобъемлющий обзор военно-гражданских отношений, уделяющий особое внимание милитаризации гуманитарной помощи); Jane Barry and Anna Jefferys, «A bridge too far: Aid agencies and the military in humanitarian response», *Humanitarian Practice Network*, 6 May 2004, в Интернете: <<http://www.odihpn.org/report.asp?ID=2398>> (15 June 2004) (разъясняются ключевые вопросы и предлагается провести более активный диалог по вопросам политики и практики); Eric James, «Two steps back: Relearning the humanitarian-military lessons learned in Afghanistan and Iraq», *The Journal of Humanitarian Assistance*, October 2003, в Интернете: <<http://www.jha.ac/articles/a125.htm>> (выражает сомнения относительно прочности отношений между гуманитарными организациями и военными и предполагает, что растущие разногласия можно считать сводящими к нулю эти отношения «на два шага назад»); Damian Lily, «The peacebuilding dimension of civil-military relations in complex emergencies: A briefing paper», *International Alert*, August 2002 (автор выступает за укрепление сотрудничества между военными и гуманитарными организациями); Michael Pugh, «The challenge of civil-military relations in international peace operations», *Disasters*, Vol. 25, No. 4, 2001, pp. 345-357 (подчеркивает интегрированный подход, принятый военными в попытках конституировать военно-гражданские отношения); Adam Siegel, «Civil-military marriage counseling: Can this union be saved?», *Special Warfare*, December 2002, pp. 28-34, в Интернете: <<http://www.jha.ac/articles/a140.pdf>> (внимание автора сосредоточено на том, как военные воспринимают своих гражданских коллег).

ния, деликатности обмена конфиденциальной информацией в области безопасности, усилий по установлению контактов и преодолению сдержанности обеих сторон, работающих в одной и той же ситуации. Интересно, что относительно немного написано о том, как вооруженные силы понимают свою роль в выполнении гражданских задач. Однако, не изучив более тщательно, как военные представляют свою меняющуюся роль в гуманитарной деятельности, гуманитарные организации не могут понять, с кем именно они имеют дело. Кроме того, в сложном мире военной иерархии и с учетом специфики их языка обязательно надо понимать, как взаимодействие военных с гуманитарными организациями вписывается в более широкий контекст военных операций. Поэтому далее рассматриваются некоторые принятые в военной практике определения небоевых задач, в том числе предоставления гуманитарной помощи вооруженными силами, и делается попытка уяснить их значение для настоящей дискуссии⁹.

«Военно-гражданское сотрудничество» (CIMIC) и «Гражданские дела» (CA) – это названия, используемые, соответственно, НАТО и Вооруженными Силами США (ВС США) для описания небоевых функций своих вооруженных сил, связанных с выполнением гражданских задач или задач, выполнение которых обычно принимают на себя гражданские власти, НПО или международные гуманитарные организации. Чтобы избежать путаницы, МККК намеренно выбрал отличный от используемых военными термин «отношения между гражданскими организациями и военными» (CMR) для определения отношений между гуманитарными организациями и многонациональными военными миссиями в ситуациях, связанных с вооруженным конфликтом.

Надо полагать, что вооруженные силы разработали такую доктрину с тем, чтобы иметь больше возможностей для выполнения своих обязательств перед гражданским населением в соответствии с международным гуманитарным правом. Эта отрасль права не затрагивает напрямую вопрос отношений между военными и гражданскими организация-

⁹ Доктрины НАТО и Вооруженных Сил США выбраны в качестве примеров, с учетом их доступности для общественности, их важности для ключевых ситуаций в Афганистане и Ираке и того факта, что МККК имеет опыт взаимодействия с этими вооруженными силами на местах во время вооруженного конфликта.

ми или оказания помощи вооруженными силами, однако она и не препятствует стороне в конфликте или оккупирующей державе удовлетворять потребности гражданских лиц с помощью своих вооруженных сил. В частности, стороны в конфликте и (или) оккупирующие державы обязаны надлежащим образом снабжать население, находящееся под их контролем, продовольствием, медикаментами, одеждой, постельными принадлежностями, жилищем и припасами, существенно важными для его выживания¹⁰. В соответствии с международным гуманитарным правом, ключевым вопросом в рассмотрении военно-гражданского сотрудничества и гражданских дел является оценка того, снабжается ли гражданское население этими основными средствами беспристрастно, без какого-либо неблагоприятного различия¹¹.

Следует подчеркнуть, что концепции «военно-гражданского сотрудничества» или «гражданских дел» не являются новым явлением. Обе использовались в крупных военных операциях двадцатого века. Например, провинциальные группы реконструкции, созданные в Афганистане в 2004 году, берут начало в Стратегическом проекте «Гамлет», который осуществляли Вооруженные Силы США во время войны во Вьетнаме. В последнем примере личный состав спецподразделений, участвуя в операции против повстанцев, одновременно работал вместе с гражданскими представителями Агентства США по международному развитию (USAID)¹² в рамках публичной кампании по предоставлению помощи в

10 Статья 69.1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 года (Дополнительного протокола I).

11 Статья 69.1 Дополнительного протокола I.

12 Агентство США по международному развитию, Группы помощи во время бедствий:

«Группа помощи во время бедствий – это группа срочного реагирования, состоящая из специалистов в области оказания помощи во время бедствий, которые проводят оценку, определяют потребности и их очередность, координируют оказание помощи на местах, рекомендуют действия по оказанию помощи и поддерживают связи с пострадавшей страной и организациями, оказывающими помощь. Эти группы обычно привлекают к работе после разрушительных бедствий. Они работали и работают по всему миру, в том числе в Ираке сразу после окончания недавнего конфликта, в Анголе, население которой серьезно пострадало в результате 27-летней гражданской войны, и в Эфиопии, где они представляли гуманитарную помощь пострадавшим из-за засухи жителям на всей территории страны». «USAID Disaster Assistance Response Team (DART) Deploys to Liberia», 6 August 2003, <<http://www.usaid.gov/press/releases/2003/pro30806.html>>.

развитии. В период после окончания «холодной войны» значение «военно-гражданского сотрудничества» и «гражданских дел» возросло, они начали превращаться в одну из основных функций вооруженных сил.

Таковы, соответственно, их определения, принятые военными:

- «СІМІС (военно-гражданское сотрудничество) — это координация действий и сотрудничество в целях поддержки миссии, осуществляемые между командованием НАТО и гражданскими лицами, в том числе национальными и местными властями, а также международными, национальными и неправительственными организациями и агентствами»¹³.
- «Гражданские дела (СА) — это взаимосвязанные военные виды деятельности, которые включают в себя отношения между военными силами и гражданскими властями и населением. Миссии СА охватывают военно-гражданские операции и гражданское администрирование (...) К СА относятся действия, которые военные командиры предпринимают для установления и поддержания отношений между своими силами и гражданскими властями, населением в целом и организациями в дружественных, нейтральных или враждебных регионах, где развертываются их силы. Командиры планируют и осуществляют деятельность в рамках СА для облегчения военных операций и достижения политико-военных целей, исходя из интересов национальной безопасности США. Установление и поддержание военно-гражданских отношений может повлечь за собой взаимодействие между силами США, многонациональными и местными силами безопасности и правительственными и неправительственными организациями в рамках миссий, вверенных Командованию объединенных сил. Эта деятельность может осуществляться до, во время, после или в отсутствие других военных действий»¹⁴.

Существуют очевидные различия в сфере действия между военно-гражданским сотрудничеством и доктриной гражданских дел. НАТО

¹³ «AJP-9: NATO Civil-Military Co-operation (CIMIC) Doctrine», North Atlantic Treaty Organization (NATO), June 2003, <<http://www.nato.int/ims/docu/AJP-9.pdf>> (последнее посещение 24 июня 2004 г.).

¹⁴ Joint Chiefs of Staff Library, 20 June 2004, <<http://www.dtic.mil/doctrine/>> (последнее посещение 24 июня 2004 г.).

рассматривает военно-гражданское сотрудничество как связи, в первую очередь предназначенные для улучшения координации действий с гражданскими организациями и властями и сокращения случаев их дублирования. Нет явного призыва «осуществлять» гуманитарные проекты в рамках доктрины; не существует и строгого «исключения» таких проектов при условии, что они оказывают поддержку военной миссии.

Описанный выше подход Вооруженных Сил США к «гражданским делам» труднее отнести к определенной категории. Он направлен на то, чтобы оказать влияние на гражданское население в целях получения поддержки своих вооруженных сил. Это может принять форму попыток завоевания сердца и ума или применения определенной тактики, снижающей боевой дух неприятеля или уменьшающей поддержку, которую он получает от гражданского населения. Подразделения, действующие в рамках «гражданских дел», могут сознательно подменять собой гражданские власти или организации, если они помогут осуществлению намерений (и целей) командира по отношению к гражданскому населению. Персонал и операции этих подразделений нарабатывают навыки и подходы, которые можно считать ориентированными на оккупацию или на то, чтобы завоевать сердца и умы в целях победы над повстанцами.

Эти два подхода в целом близки или, по крайней мере, имеют достаточно общих черт, чтобы быть совместимыми. Поколение «холодных воинов» среди офицеров НАТО, отстаивавших точку зрения, что военно-гражданское сотрудничество играет ограниченную связующую роль, сменяет поколение офицеров, которые воспитывались в сложных ситуациях на Балканах, в Сьерра-Леоне, Сомали и Афганистане. Современное поколение, задействованное в многонациональных военных миссиях, участвующее в военно-гражданском сотрудничестве и гражданских делах, не видит противоречия в том, что боевые силы активно осуществляют гуманитарные операции или выполняют эту роль там, где им видится «гуманитарный вакуум», в таких странах, как Ирак.

«Военно-гражданское сотрудничество» и «гражданские дела» не следует считать целиком милосердной функцией военных или рассматривать в отрыве от боевых операций и сбора разведанных. При реструктуризации вооруженных сил, происходившей в течение последнего десятилетия, «военно-гражданское сотрудничество» и «гражданские дела» были объединены с рядом небоевых операций, которые являются частью

инструментов, используемых командиром для ведения войны и называемых обобщенно «информационные операции». «Военно-гражданское сотрудничество» и «гражданские дела» дополняют другую общественную функцию — «операции с привлечением средств массовой информации», тогда как «психологические операции» и «электронная война» часто используются в поддержку достижения разведывательных целей. Не может быть полного разделения как такового между военной гуманитарной деятельностью и сбором разведанных. Это в равной степени касается и вооруженных сил, участвующих в операциях по установлению мира в соответствии с мандатом ООН¹⁵.

Концепции военно-гражданского сотрудничества и гражданских дел начинают распространяться все шире. В западных вооруженных силах они уже перестали быть прерогативой небольшой группы специалистов. В Вооруженных Силах США, в частности, боевые подразделения начинают принимать участие в оказании помощи. В Азии некоторые национальные вооруженные силы рассматривают «военно-гражданское сотрудничество» или «гражданские дела» в качестве одного из трех столпов своей доктрины, наряду со сбором разведанных и боевыми операциями. В Африке доктрина военно-гражданского сотрудничества развивается по пути «традиционных» операций по поддержанию мира 1990-х годов, однако она неизбежно примет «гуманитарные» операции как стандартное дополнение к функциям вооруженных сил, направленным на обеспечение безопасности и стабильности.

Гуманитарные организации могут воспринимать «военно-гражданское сотрудничество» и «гражданские дела» следующим образом:

- это механизм, содействующий достижению единства усилий военных сил и соответствующих гражданских организаций, в том числе местных, национальных и региональных властей, неправительственных и международных организаций;

¹⁵ В качестве примеров можно упомянуть военные миссии СФОР и ИСАФ, которые контролируют газеты, радио- и телестанции, имея, таким образом, возможность контролировать поток «хороших новостей», получаемых местным населением, а также влиять на общественное мнение и поведение общества в свою пользу и для достижения более общих политических целей.

- они служат для военных механизмом контроля над общей и гуманитарной ситуацией, в которой оказалось гражданское население, и влияния на нее;
- сотрудники подразделений «военно-гражданского сотрудничества» и «гражданских дел» играют роль гуманитарных дипломатов и выступают в качестве «совести» своих командиров, хотя их задача состоит в поддержке военных функций, а не в принятии оперативных решений;
- «военно-гражданское сотрудничество» и «гражданские дела» являются частью более широкого круга небоевых инструментов, который командир использует для того, чтобы получить власть над кем бы то ни было: средствами массовой информации (национальными, международными), гражданским населением (получение поддержки для своих сил, лишение поддержки неприятеля), в разведывательной деятельности и для получения поддержки более широких политических целей (построение государства, интегрированный подход и т.п.);
- современные гуманитарные проекты вооруженных сил в рамках военно-гражданского сотрудничества и гражданских дел выполняются почти так же, как проекты гуманитарных организаций¹⁶. Работа осуществляющих их групп включает в себя оценку потребностей, определение проектов, обеспечение финансирования (военными или национальными донорами), поиск партнеров или подрядчиков для выполнения проектов и оценка воздействия проектов.

Ниже приведенные примеры должны дать более четкое представление об операциях, проводимых в рамках «военно-гражданского сотрудничества» и «гражданских дел», с которыми гуманитарным организациям приходится соперничать в современном мире.

¹⁶ Множество примеров этому дает ситуация в Афганистане: ИСАФ включает в себя десять групп СИМІС с общим бюджетом в 1,2 миллиона долларов США. Каждая группа военно-гражданского сотрудничества отвечает за один из районов провинции Кабул, каждая находит небольшие краткосрочные проекты, которые она может финансировать: поставка мебели в школу, восстановление клиники и т.п. В целом, СИМІС стремится координировать действия, осуществляемые в рамках проектов провинциальных групп реконструкции, с сообществом межправительственных и неправительственных организаций, с национальными и местными властями.

Афганистан: провинциальные группы реконструкции

Агентство по международному развитию определяет провинциальные группы реконструкции (ПГР) как «объединенные военно-гражданские подразделения, которые укрепляют власть центрального правительства, обеспечивая большую безопасность и содействуя усилиям по восстановлению и развитию»¹⁷.

Провинциальные группы реконструкции можно считать чем-то вроде военно-гражданского приложения к боевым силам, они ориентированы на выполнение задач построения государства в рамках как военной стратегии, так и политических целей. Их в равной степени используют как НАТО в рамках Международных сил по содействию безопасности (ИСАФ), так и коалиции, участвующие в операции «Постоянная свобода». В провинциальных группах реконструкции постоянно работают гражданские представители государства и доноров, которые сохраняют некоторое влияние на проекты и подход к их осуществлению.

Получив более 180 миллионов долларов США в качестве финансирования своей работы в 2004 году, провинциальные группы реконструкции обладают значительным авторитетом и средствами. Они выступают своего рода базами, где гражданские представители отбирают проекты, осуществляемые затем Международной организацией по миграции

¹⁷ Презентация в PowerPoint, проведенная для сотрудников МККК в Кабуле в апреле 2004 года. Далее подробно описываются конкретные задачи ПГР: «установление связей; мониторинг и составление отчетов; обеспечение безопасности в поддержку договоренностей, достигнутых в Бонне; инструктаж в области обеспечения безопасности, обмен информацией; посредничество; определение очередности действий в области восстановления и развития; осуществление проектов помощи; финансирование проектов в 2004 году объемом примерно 125 миллионов долларов США». Помимо государственного финансирования, военные получают 40 миллионов долларов в рамках программ Министерства обороны, осуществляемых ВВС США.

Еще один пример приводится в статье, опубликованной во время проведения Саммита НАТО в Стамбуле в 2004 году: «Дело в том, что в Афганистане на опыте узнаешь то, что работает, многим людям нравятся ПГР, провинциальные группы реконструкции, – говорит господин Кагаптай. – Они считают, что это отличная идея. Они видят в этом успешный союз между военными и гражданскими группами. Это хорошо и с точки зрения общественного мнения, людей можно убедить, что для них что-то делают, когда осуществляются проекты на местах, и я думаю, людям хотелось бы, чтобы эта работа продолжалась в Афганистане и в других местах, если там появится НАТО». Meredith Buel, «Europe NATO summit expected to focus on Iraq, Afghanistan», *Voice of America News*, 23 June 2004.

(на севере Афганистана) и Управлением ООН по Обслуживанию Проектов (на юге Афганистана). Проекты, главным образом, касаются инфраструктуры, например, дорог, офисов и школ. Лишь небольшая доля средств выделяется на непосредственное оказание гуманитарной помощи боевыми частями.

Миссия ООН в Либерии (МООНЛ): Проекты быстрого действия

Командующий пакистанским гарнизоном МООНЛ во Войньяме, Либерия, сказал: «Из соображений гуманности и в качестве жеста доброй воли, мы раздали мешки с рисом и одеждой местным жителям, которых встретили здесь, чтобы облегчить их страдания»¹⁸.

Военный контингент МООНЛ служит примером того, что оказание гуманитарной помощи является важной задачей и военных миссий, проводимых под мандатом ООН. Вооруженные силы осуществляют ряд проектов быстрого действия, имеющих небольшой бюджет, как проявление доброй воли и, возможно, в рамках более широких усилий по оказанию помощи со стороны других гуманитарных организаций¹⁹. Кроме того, активно участвуя в процессах разоружения, демобилизации и реинтеграции, различные военные контингенты МООНЛ осуществляют программу обмена оружия на продовольствие или наличные, с неоднозначными результатами (например, бунты ожидающих демобилизации солдат и вызванная этим угроза безопасности гражданского населения).

Некоторые аспекты отношений с гуманитарными организациями повторяют происходившее в 1990-х годах, в частности, отсутствует координация действий между военными и гуманитарными организациями. Один из примеров – батальон МООНЛ принял одностороннее решение об оказании медицинской помощи больнице, где уже работал МККК. В результате, МККК решил оставить свою программу, чтобы избежать

¹⁸ «Liberia: Key northern Liberian town faces relief crisis», *Integrated Regional Information Networks (IRIN)*, 19 May 2003, в Интернете:

<<http://www.reliefweb.int/w/rwb.nsf/0/89a7aa1f5fc3d78085256e9900705551?OpenDocument>>.

¹⁹ В так называемом «докладе Брахими» ясно сказано: «(...) определенная свобода действий руководителей операций Организации Объединенных Наций в пользу мира в деле финансирования проектов, дающих быстрый эффект, которые оказывают реальное влияние на жизнь людей в районе миссии...» Лахдар Брахими, Доклад Группы по операциям ООН в пользу мира, 21 августа 2000 г., UN Doc.A/55/305 (2000).

дублирования действий, и предоставить войскам ООН оказание помощи гражданской больнице²⁰.

Несмотря на отсутствие непосредственного мандата Организации Объединенных Наций на осуществление гуманитарных операций, очевидно, что в Департаменте операций по поддержанию мира ООН есть миллион долларов США, предназначенных для выполнения местных гуманитарных проектов различными военными контингентами ООН в Либерии.

Отношения между гражданскими организациями и военными в более широком контексте

В течение последнего десятилетия отношения между гуманитарными организациями и многонациональными военными миссиями можно было понять, тщательно изучив различия и взаимодополняющие черты этих двух групп, иногда выполняющих сходные роли. Сегодня следует рассматривать более широкий контекст, чтобы понять сложную ситуацию, в которой работают гуманитарные организации, и связанные с ней опасности.

«Военно-гражданское сотрудничество» и «гражданские дела», а также, военные небоевые операции в целом, являются лишь подгруппой более широкого диапазона гуманитарных ситуаций, в которых отношения между гражданскими организациями и военными вызывают беспокойство МККК. Ниже описываются тенденции развития конфликтов в будущем, в которых грани между различными функциями, ролями и мандатами станут, скорее всего, еще более размытыми. Именно с такими ситуациями гуманитарным организациям придется иметь дело в будущем.

²⁰ Подобное произошло и в Кундузе (Афганистан), когда силы ПГР, принадлежащие к Международным силам ООН по содействию безопасности, также решили оказать помощь больнице, которая уже была включена в медицинскую программу МККК. И в этом случае МККК также предпочел прекратить свою помощь, чтобы избежать дублирования действий и опасности того, что гуманитарную организацию (МККК) спутают с военными силами. МККК пришлось возобновить свою помощь, когда следующая смена сил ИСАФ решила, что программа более не соответствует их целям или возможностям финансирования.

Растущая усложненность вооруженных сил

«Сейчас наши солдаты кормят и одевают беженцев — это гуманитарная помощь. Через минуту они будут удерживать от столкновения два воюющих племени — это поддержание мира. А потом они примут участие в смертельном бою средних масштабов. И все это в течение одного дня, в границах трех городских кварталов»²¹.

Подготовка вооруженных сил и их методы ведения боя будут адаптироваться к сложностям, описанным генералом Крулаком. Боевым командирам даже низшего звена придется уделять все больше внимания операциям по поддержанию мира и стабильности и гуманитарной помощи. Небоевые задачи будут считаться ключевыми в любой ситуации, в том числе во время вооруженного конфликта. Операции вооруженных сил с привлечением средств массовой информации (информационные кампании) будут оказывать все большее воздействие на общество, скрывая подлинную сущность войны и связанные с ней человеческие потери за красивыми рассказами о гуманитарной помощи и работе в области восстановления. Военные продолжают использовать образ и символику своей деятельности в деле оказания помощи и восстановления, чтобы получить поддержку среди местных жителей, в регионе и, что тоже важно, у себя дома.

Несмотря на все усилия сделать вооруженные силы более профессиональными и подготовленными к проблемам, создаваемым многогранными операциями, военные будут все еще зависеть от включения в военные структуры гражданских функций и специалистов. Все большую значимость будут приобретать включенные в эти структуры гражданские лица, в том числе государственные гражданские советники по гуманитарным или политическим проблемам и по вопросам восстановления, частные подрядчики, выполняющие традиционные функции поддержки боевых действий, и представители внутригосударственных доноров.

Чтобы не отстать от происходящих в ситуациях конфликта изменений, МККК придется привлекать внимание большего числа сторон к их обязательствам в соответствии с гуманитарным правом во время кон-

²¹ Charles C. Krulak (former Commander, United States Marine Corps), «Three block warfare: Fighting in urban areas», Speech to the National Press Club, Washington, 10 October 1997.

фликта. Недостаточно будет обращаться только к государствам, участвующим в конфликте, потребуется внести большой вклад в конструктивный диалог, например, с частными военными компаниями или компаниями, работающими в области обеспечения безопасности, с частными подрядчиками, с силами полиции, инструкторами и другими действующими лицами.

Возможно, есть и положительные стороны в интеграции гражданских лиц в вооруженные силы. Гражданские лица могут способствовать тому, что вооруженные силы станут более восприимчивы к культурным особенностям, могут привлекать большее внимание к воздействию конфликта на гражданское население, предоставлять технические и политические рекомендации, а также обеспечивать информирование о гуманитарных потребностях и гуманитарной деятельности во время войны. Включение гражданских и привлеченных специалистов и поддерживающих ресурсов в вооруженные силы может способствовать выполнению государствами их обязательств по международному гуманитарному праву, однако, возможна и обратная ситуация.

Использование гуманитарной помощи и помощи в области реконструкции в качестве инструмента воздействия

Когда вооруженные силы (и политики, принимающие решения) ощущают наличие «гуманитарного вакуума», они пытаются заполнить его сами или найти краткосрочные решения, которые будут содействовать достижению их собственных военных целей. Эти действия, вероятно, будут основаны на их опыте, полученном в таких странах, как Афганистан и Ирак, где гуманитарные организации не могут работать из-за отсутствия должной безопасности или в соответствии со своими принципами работы. В вооруженных силах может и дальше расти уверенность в том, что гуманитарная помощь — это оружие, которое они могут использовать.

В то время как гуманитарные организации, в основном, продолжают беспристрастное оказание помощи пострадавшим в результате конфликта в соответствии с их потребностями, вооруженные силы будут время от времени использовать гуманитарную помощь как средство достижения стратегической или тактической военной цели. Вооруженные силы могут использовать бартерную тактику, выдавая гуманитарную помощь гражданскому населению в обмен на информацию, для укрепления своей соб-

ственной защиты, в попытке завоевать сердца и умы или в качестве средства принуждения или награждения за сотрудничество. Вследствие этого возникает опасность сосуществования несовместимых подходов к гуманитарной помощи в ситуациях вооруженных конфликтов. Гуманитарные организации могут быть вынуждены пересмотреть свою стратегию в области помощи или вновь задуматься об уходе из тех стран, где они не могут эффективно работать из-за чрезмерно сложной политической или слишком небезопасной ситуации. В этом случае функция оказания гуманитарной помощи перешла бы к военным силам, которые, собственно, и несут частичную или полную ответственность за отсутствие безопасности и воспринимаемую пристрастность тех же самых учреждений.

«Барно [командующий Вооруженными Силами США в операции «Постоянная свобода» в Афганистане] намекнул, что гуманитарным работникам пора признать невозможность быть нейтральными после целого ряда преднамеренных нападений на специалистов по разминированию и рабочих, копающих колодцы (...). «Вероятно, они должны осознать и осознают, что работают уже в ином мире», — сказал он»²².

В тех конфликтах, которые широко освещаются средствами массовой информации, стороны в конфликте будут оказывать сильное давление на прессу, участвуя в деятельности, традиционно осуществляемой гражданскими организациями, и навязывая гуманитарным организациям отношения типа «кто не с нами, тот против нас».

Построение государства и интегрированные подходы к управлению конфликтами

Правительство Великобритании предложило «(...) учредить Группу постконфликтной реконструкции (ГПКР), которая будет тесно сотрудничать с Министерством иностранных дел и по делам Содружества, а также с Министерством обороны. В ГПКР войдут представители УМР [Управления международного развития], МИДДС [Министерства иностранных дел и по делам Содружества] и МО [Министерства обороны]. Она будет планировать и осуществлять стратегии, в том числе с использованием гражданского персонала, постконфликтной реконструкции и переда-

²² «General plans changes in Afghan strategy», *Associated Press*, 20 December 2003.

чи дел от военных гражданским организациям, включая набор, подготовку, формирование квалифицированного гражданского персонала, управление им и соответствующими ресурсами. Стратегическое планирование и оперативное руководство будет осуществлять Руководящая группа высших должностных лиц»²³.

Многонациональное вооруженное вмешательство и мирные операции будут неуклонно становиться все более изолированными предприятиями. Как мы видим на примере Афганистана, многонациональные вооруженные силы (как Международные силы по содействию безопасности, так и силы коалиции) будут расширять сотрудничество с национальными

23 «Director for UN, Conflict and Humanitarian Division», *Homepage for DFID, the UK Department for International Development*. 6 July 2004, <www.dfid.gov.uk/Recruitment/files/jaextdirunchjobdescript.doc>. См. также: United Kingdom Ministry of Defence, «Public Service Agreement 2005-06 to 2007-8», July 2004, в Интернете: <http://www.mod.uk/linked_files/issues/finance/psatechnotes_2005-2008.pdf>: «Цель 2.1 (...) Министерство иностранных дел и по делам Содружества (МИДДС), Управление международного развития (УМР) и Министерство обороны (МО) работают вместе (и, при необходимости, с другими правительственными ведомствами) над усилением воздействия деятельности правительства Ее Величества (ПЕВ) в областях, страдающих из-за конфликтов с применением насилия или ситуаций напряженности, которая может привести к таким конфликтам. В рамках этой деятельности они также должны стремиться к повышению эффективности усилий международного сообщества, направленных на предотвращение или окончание конфликтов с применением насилия. Это относится ко всем областям, в которых работает ПЕВ на различных стадиях конфликта. Группа постконфликтной реконструкции (ГПКР), которая будет учреждена в 2004 году для координации постконфликтной деятельности МИДДС, УМР и МО, должна обеспечить лучшее планирование и осуществление действий Великобритании в постконфликтных ситуациях, а также руководство ими, в первую очередь в тех случаях, когда используются британские силы. В ГПКР будут работать, в основном, должностные лица из трех указанных ведомств, однако при необходимости она может обращаться и к другим правительственным ведомствам. Группа начнет действовать постепенно и к началу 2006 года будет работать в полную силу». Сходные предложения можно найти и в упоминавшемся выше «докладе Брахими»: «Группа рекомендует создать комплексные целевые подразделения по подготовке миссий (КЦГМ), сформированные из сотрудников, прикомандированных из самых различных отделений системы Организации Объединенных Наций, с тем чтобы они планировали новые миссии и содействовали обеспечению их полного развертывания, благодаря чему можно было бы значительно увеличить поддержку, которую Центральные учреждения оказывают персоналу на местах. В настоящее время в Секретариате нет никакого органа комплексного планирования или материально-технического обеспечения, который объединял бы в своем составе людей, отвечающих за политический анализ, военные операции, гражданскую полицию, помощь в проведении выборов, права человека, развитие, гуманитарную помощь, беженцев и перемещенных лиц, общественную информацию, материально-техническое обеспечение, финансирование и набор персонала.» Брахими, *op.cit.* (примечание 19), Резюме доклада.

властями и политическими органами ООН. Виды этого сотрудничества могут варьироваться от координации информационной кампании в поддержку выборов до укрепления власти нового правительства. Хотя это не новое явление, различие между гражданскими организациями и военными будет все больше терять свое значение в глазах населения и властей. От гуманитарных организаций и их сотрудников станут просто ожидать участия в общих усилиях международного сообщества, даже если это создает угрозу их нейтральности или независимости.

Особые отношения между гуманитарными организациями и многонациональными военными миссиями таят в себе опасность увеличения пропасти между стратегическим курсом и практикой. Некоторые гуманитарные организации будут, хоть и не без труда, противостоять политическому и финансовому давлению, оказываемому на них с целью включения их в общие усилия. Другие просто смирятся с отсутствием нейтральности или независимости и изменят свой образ действий в соответствии с ситуацией. Сообществу гуманитарных организаций с расходящимися мандатами, возможно, будет сложно вести общий и конструктивный диалог по вопросам отношений между гражданскими организациями и военными.

Привлечение внешних ресурсов для решения задач во время вооруженного конфликта

«Наша компания [Global Risk Strategies – PSC] спланировала и осуществила от имени ООН и правительств США и Афганистана два сложнейших и важнейших проекта постконфликтной реконструкции: выборы в Лойя Джиргу и национальную программу обмена валютных знаков (денежную реформу). Сотрудники компании обеспечили успех этих значительных проектов, контролируя и используя различный воздушный и автотранспорт, аппаратуру связи и материально-техническое обеспечение, поддерживая контакты более чем в тридцати населенных пунктах по всей стране с национальными и местными властями всех уровней, а также с военными»²⁴.

Отсутствие гуманитарных работников из-за проблем с обеспечением их безопасности в Ираке, в частности, укрепляет военных в мнении,

²⁴ «Our experience», *Global Risk Strategies*, 30 June 2004, <<http://www.globalrsl.com>>.

что гуманитарным организациям не хватает воли, чтобы встретить опасность лицом к лицу. Играющие ключевую роль государства, вооруженные силы и, возможно, гуманитарные организации будут настаивать на все большем привлечении гражданских подрядчиков для выполнения гуманитарных целей и задач в области реконструкции, тем самым перекладывая на третьих лиц и риск, и свою роль, и ответственность.

Государственные гражданские органы (министерства иностранных дел, управления развития и т.п.) также воспользуются идеей передачи своих программ в частный сектор. Такой подход позволит осуществлять более строгий политический контроль над выполнением и выбором проектов и целевых групп, а также ограничить обязанности и ответственность. В процессе развития ситуации, гуманитарные организации рискуют превратиться в исполнителей, используемых частным сектором, особенно в крупномасштабных программах структурного развития и даже в тех ситуациях, которые все еще квалифицируются как вооруженные конфликты.

Старые рецепты для нового мира?

«В эти трудные времена нам, гуманитарным работникам, лучше сосредоточиться на деле, а не на жалобах. Вместо стенаний о том, какие силы выступают против нас, мы должны планировать и готовиться, устанавливать отношения и заключать союзы, убеждать или стараться перехитрить наших оппонентов. Мы должны задуматься о тактике: побеждать, когда можем, и отступать, если не можем победить. Сейчас не время, вопреки мнению некоторых, начинать новые бесконечные дискуссии, которые культивируют постоянные жалобы и попытки переосмыслить гуманитарную деятельность, начиная с ее основных принципов. И не время вставать спиной к спине, чтобы защищать гуманитарные цели. Угроза им попросту не настолько велика. Вместо этого, пора принять решение, где мы можем и где не можем работать, и придумать новые методы работы. Пора стать изобретательней в гуманитарной деятельности, а не корчиться в гуманитарной агонии»²⁵.

²⁵ Hugo Slim, «A call to alms: Humanitarian action and the art of war», *Centre for Humanitarian Dialogue*, February, 2004. <<http://www.hdcentre.org/index.php?aid=85>> (последнее посещение 31 июля 2004 г.)

Хьюго Слим указывает на проблемы, с которыми сталкиваются гуманитарные организации в таких сложных ситуациях, какими характеризуются сегодняшний Афганистан и Ирак, и предлагает простое средство — снова туда вернуться. Призыв «побеждать, когда можем, и отступить, если не можем победить», как ни печально, отражает образ действий, навязанный таким организациям в этих двух странах²⁶. Хотя многие верят в прагматизм гуманитарных организаций, выбирающих, в каких ситуациях работать, и находящих новые решения старых проблем, МККК и другие организации могут лишь до определенных пределов «отклоняться от правил», чтобы решить новые проблемы. Для такой организации, как МККК, мандат которой предусматривает беспристрастное предоставление защиты и помощи жертвам конфликта без какого-либо различия, основанного на национальной, расовой, религиозной, политической принадлежности или других критериях, выбор места работы продиктован, прежде всего, местонахождением жертв. Таким образом, вопрос, наверное, заключается не в том, могут ли гуманитарные организации измениться в соответствии с ситуацией, а в том, должны ли они вообще это делать.

В этой последней части статьи мы рассмотрим, как военные воспринимают МККК и его конкретную область гуманитарной деятельности в свете изменений в доктрине и обстановке, в которой осуществляется гуманитарная деятельность. МККК с его строгим соблюдением принципов нейтральности и независимости кажется анахронизмом вооруженным силам, подготовка которых направлена на лучшее понимание и совмещение всех политических, военных и гуманитарных действий вне зависимости от того, какое задание они выполняют.

Ниже описаны отношения МККК с многонациональными военными миссиями. В этих отношениях МККК выступает за то, чтобы:

- сохранять свою независимость в принятии решений и деятельности;

²⁶ В апреле 2003 года в Афганистане был убит делегат МККК, что заставило МККК существенно сократить объем своей деятельности и количество сотрудников на юге страны. Точно так же, после взрыва бомбы в машине около его делегации в Багдаде в октябре 2003 года МККК пришлось сократить свое присутствие там, количество сотрудников и программы, потому что в тех условиях он был не в состоянии безопасно осуществлять всю свою деятельность в области предоставления защиты и помощи.

- проводить четкое различие между гуманитарными, политическими и военными задачами и действующими лицами во время вооруженного конфликта; и
- всегда и на всех уровнях поддерживать диалог с многонациональными военными миссиями, каким бы ни был их статус в конфликте.

В свете развития доктрины военно-гражданского сотрудничества и военных дел и соответствующих операций, а также более общих тенденций проведения операций в пользу мира и в управлении конфликтами, неудивительно, что некоторые государственные и другие вооруженные силы часто полагают, что МККК упорно сопротивляется переменам или просто отстал от времени. Что бы они ни думали, позиция МККК продиктована принципами²⁷, которые исключают более тесное сотрудничество или подчинение гуманитарной деятельности, проводимой МККК, более широким политическим целям или новым тенденциям в ведении войны и многонациональных вмешательствах. Однако они не исключают диалога и контактов.

В МККК есть Отдел по связям с вооруженными силами и силами безопасности, который представляет собой группу военных и полицейских специалистов, руководящих связями МККК с вооруженными силами, силами безопасности и полиции во всем мире²⁸. Отдел постоянно работает над тем, чтобы объяснить особую роль и своеобразие МККК

²⁷ «В определении своих отношений с военными организациями МККК исходит из основополагающих принципов Красного Креста и Красного Полумесяца, а также из соответствующих положений международного гуманитарного права. Они устанавливают общие рамки, определяющие характер и диапазон этих взаимоотношений.» Штудер, *op.cit.* (примечание 3), с. 41.

²⁸ О деятельности Отдела МККК по связям с вооруженными силами и силами безопасности см. «Integration of law of armed conflict», ICRC, Geneva, May 2003: «Мандат МККК: В 1977 году МККК получил от международного сообщества мандат на поддержку осуществляемых государствами национальных программ, направленных на включение международного гуманитарного права в образовательные программы, подготовку, доктрину и операции вооруженных сил по всему миру.

Двойкий подход: со временем МККК разработал два разных, но взаимодополняющих подхода к работе с вооруженными силами.

- Деятельность по *распространению знаний и информации* (PREDIS) направлена на то, чтобы стороны понимали деятельность МККК, на обеспечение доступа к жертвам и безопасности.

- Деятельность по *интеграции права* (PREIMP) направлена на то, чтобы вооруженные силы принимали конкретные механизмы или меры для обеспечения соблюдения принципов международного гуманитарного права и уважения к пользующимся особой защитой лицам и объектам, а также применяли необходимые для этого средства.

вооруженным силам во всем мире²⁹, в особенности, тем, которые используются за границей, старшим офицерам и людям, имеющим влияние в области выработки политики и подготовки на стратегических уровнях.

Используя западноевропейские страны в качестве барометра восприятия такой информации, можно сказать, что реакция на усилия МККК по ее распространению становится все более живой. Во многом это происходит благодаря тому, что вооруженные силы приобретают все больше опыта работы в тех же ситуациях, что и гуманитарные организации, а также личного опыта, как положительного, так и отрицательного, в том, что касается возможностей координации действий и взаимодополняемости между военными и гуманитарными организациями. Вот некоторые примеры обычной реакции вооруженных сил на презентации МККК:

- Часто слушатели бывают несколько удивлены, столкнувшись со строгим соблюдением МККК принципов нейтральности и независимости. Скептицизм проявляют офицеры, которым политические власти их стран приказывают вести «войну трех кварталов» (т.е. войну, включающую ведение боя, миротворчество и оказание гуманитарной помощи в границах трех городских кварталов), — вдруг оказывается, что

В зависимости от существующей в стране ситуации в области безопасности, а также оперативных потребностей, делегация может отдавать предпочтение одному из подходов или комбинировать их».

Двадцать семь делегатов МККК по всему миру оказывают помощь в подготовке личного состава более чем 100 вооруженных сил и сил безопасности.

29 Обычная презентация включает в себя следующие части: (i) общие сведения о мандате МККК, показывающие его особую роль в ситуациях войны и насилия внутри страны, основанную на Женевских конвенциях; (ii) рассказ о структуре Движения Красного Креста и Красного Полумесяца, о разных организациях Красного Креста/Красного Полумесяца, которые могут присутствовать в конкретной ситуации в стране, где может быть развернута многонациональная военная миссия; (iii) объяснение принципов нейтральности и независимости, помогающее понять, почему МККК отстаивает необходимость проведения различия между военной, политической и гуманитарной деятельностью; (iv) объяснение образа действий МККК, подчеркивающее, что он является предсказуемой гуманитарной организацией, которая одинаково работает по всему миру, а также описание основных видов его деятельности; (v) заключительное объяснение позиции МККК по вопросу отношений между гражданскими организациями и военными и его обеспокоенности в связи с описанными в данной статье изменениями. Главное, что должны понять вооруженные силы, — для такой организации, как МККК, работающей в зонах конфликтов по всему миру, вполне естественно поддерживать отношения с вооруженными силами.

не всем гражданским организациям нравится работать в районах, объявленных «разрешенными» (с точки зрения безопасности) военными. Некоторые наиболее вдумчивые слушатели начинают сомневаться в самой сути гуманитарной деятельности и заявляют, что их военные миссии и роль также основаны на принципах нейтральности, независимости и беспристрастности;

- Слушатели не могут понять того, что если «мы» все стремимся к одной цели, почему «мы» не можем работать вместе?³⁰ Вооруженные силы часто полагают, что существует некое желаемое конечное состояние порученной им военной миссии: стабильность, безопасность, выборы и т.п. «Объединенные интегрированные подходы», или единство военных, дипломатических и экономических усилий — вот как вооруженные силы понимают свое место в более широких интегрированных подходах к построению государства. Интересно, что они часто выбирают одну и ту же целевую группу при достижении как стратегической цели, так и конечного состояния: жертв войны. Трудно им объяснить, что МККК столь же страстно стремится помочь жертвам конфликта, но ему не нужно при этом включаться в военно-политическую стратегию, и он всегда учитывает усилия других.

Суть вопроса можно кратко описать следующим образом: «Вы [МККК] боитесь, что мы [вооруженные силы] будем использовать вас в целях получения информации, вы предпочли бы, чтобы мы не вмешивались в гуманитарные дела, вы хотите работать над достижением той же цели — помочь людям, но не *с нами*. Что вы хотите, чтобы мы сделали?»

Понятно, что организация, которая, как может показаться, хочет всего и сразу, вызывает некоторое недовольство. С одной стороны, МККК

³⁰ Вот пример такой реакции: «Мне кажется, что НПО, международные организации, военные, коалиция, ИСАФ — все они имеют одну цель. Раз цели у нас одни и те же, работаем мы вместе или нет, мы будем работать над их достижением вне зависимости от того, как координируются действия этих групп. (...) Никто здесь не хочет работать в небезопасной обстановке. Никто не хочет, чтобы экономика Афганистана оставалась такой же, как сейчас. Все хотят большей стабильности, большего процветания, и просто потому, что у нас одни и те же цели, нас будут считать одним целым, вне зависимости от того, чего хотят или не хотят НПО или военные. Обе стороны делают одно и то же по одним и тем же благородным причинам, но не борются друг с другом. Они дополняют друг друга, сочетаются друг с другом, и это хорошо». «Afghanistan: Interview with US-led coalition civil military coordination centre», *IRIN News*, 9 April 2004, <<http://www.IRINNew.org>>.

хочет установить четкие взаимоотношения и поддерживать постоянный диалог по вопросам, которые интересуют вооруженные силы, каков бы ни был их статус в конфликте: доступ МККК к жертвам, содержание под стражей вооруженными силами и т.п.³¹ В равной мере МККК обеспокоен тем, что размывание ролей может создать впечатление, будто он принимает ту или иную сторону, что поставит МККК и его сотрудников под угрозу. Нет какого-то одного способа выяснить, как воспринимают МККК и его позицию³².

Ключевые положения, касающиеся будущей деятельности

Понятия нейтральности и независимости все чаще воспринимают неправильно и (или) извращают так, чтобы они вписывались в иные планы. В будущем МККК необходимо найти средства проводить различие между собой и всеми остальными организациями и группами. Ниже приводятся некоторые ключевые соображения, касающиеся отношений с многонациональными военными миссиями и в действительности поддерживаемые МККК не только в рамках отношений между гражданскими организациями и военными:

- В мире, становящемся все более поляризованным, такая нейтральная и независимая гуманитарная деятельность, которая осуществляется

³¹ См. примечание 9 выше.

³² Еще в 2001 году вопрос о том, как воспринимают МККК другие организации и группы лиц, работавшие в тех же районах во время вооруженного конфликта, рассматривался с точки зрения отношений между гражданскими организациями и военными. Для описания прагматичного отношения МККК к отношениям между гражданскими организациями и военными использовался термин «экуменизм»: «Экуменизм – позиция, которая кажется нам предпочтительной, является неким третьим путем, который часто выбирает МККК как что-то само собой разумеющееся. Эта позиция более четко отражает наличие тенденции к более тесному сотрудничеству между военными и гуманитарными организациями, в частности, в рамках ООН, и стремится использовать такое сотрудничество, а не мешать ему или игнорировать его существование. Таким образом, данный подход находится посередине между «ликвидацией последствий нападения противника» и «конструктивным боем». МККК следует быть терпимым к другим подходам и не поддаваться искушению считать свою гуманитарную политику единственно верной. Различия в восприятии ставят перед МККК концептуальную проблему, а именно, необходимость определить, что составляет суть гуманитарной деятельности, а что – всего лишь прагматическое решение, обусловленное внешними обстоятельствами.» Штудер, *op.cit.* (примечание 3), с. 39.

МККК, необходима для ограничения средств, используемых в ведении войны, числа жертв и вооруженного насилия.

- Сохраняется необходимость в нейтральных и независимых гуманитарных организациях во время вооруженного конфликта. Нейтральность — главный элемент гуманитарной деятельности, от которого нельзя отказаться, а потом вернуться к нему по желанию.
- Очень важно сохранять различие между гуманитарной деятельностью и помощью, оказываемой по политическим мотивам.
- Хотя могут существовать разные подходы к предоставлению гуманитарной помощи и содействию в реконструкции во время вооруженного конфликта, все действующие лица должны сознавать, что их действия влияют на всех, с кем они делят географическое и гуманитарное пространство. Сотрудничество и диалог — вот что самое главное.
- Чтобы получить доступ к людям, пострадавшим из-за конфликта, и иметь возможность предоставить им защиту и помощь, необходимо завоевать признание и доверие всех сторон в конфликте, каков бы ни был их статус в нем. Принимается ли такая гуманитарная деятельность, какой занимается МККК, или нет, МККК необходимо поддерживать свой образ нейтральной и независимой организации, что позволяет ему предоставлять защиту и помощь людям, находящимся по любую сторону существующих или возможных линий фронта.

Заключительные замечания

Выводы, которые можно сделать, во многом, кратко изложены в Принципах МККК в области военно-гражданского сотрудничества (см. Приложение). Они по-прежнему регулируют отношения МККК с многонациональными военными миссиями во время вооруженного конфликта, несмотря на постоянные изменения, происходящие в этих ситуациях. Необходимо, однако, добавить несколько завершающих замечаний.

В настоящее время сужение «гуманитарного пространства», которое почувствовал МККК в Афганистане и Ираке, может быть частично отнесено на счет участия многонациональных вооруженных сил в деятельности, выходящей за рамки обеспечения безопасности или ведения боевых действий. В обоих указанных случаях вооруженные силы все чаще берут на себя роли, обычно выполняемые гражданскими лицами. Грани

между гуманитарной, политической и военной деятельностью размываются, когда вооруженные силы воспринимают как гуманитарные организации, когда гражданские лица включаются в военные структуры, и когда создается впечатление, будто гуманитарные организации и их сотрудники являются лишь инструментом в интегрированных подходах к управлению конфликтами.

Если Афганистан и Ирак станут новой отправной точкой, указывающей на задачи, стоящие перед МККК в отношениях между гражданскими организациями и военными, то следует опасаться, что проблемы, с которыми сталкиваются гуманитарные организации в таких ситуациях, если не сами ситуации, будут лишь усугубляться в будущем. Принимающие решения политики и военачальники усваивают полученные уроки и предлагают все более активное объединение политической, гуманитарной и военной деятельности.

И для государств, и для вооруженных сил «военно-гражданское сотрудничество», «гражданские дела», и, если брать шире, более успешное объединение усилий, предпринимаемых военными и гражданскими лицами, станут первоочередной задачей. В концепции будущих операций будет входить тесное сотрудничество вооруженных сил с их гражданскими коллегами для создания некоего «интегрированного подхода» на национальном, региональном и межправительственном уровне.

Проблемы в отношениях между гражданскими организациями и военными сегодня не могут быть решены путем консультаций лишь между гуманитарными организациями и военными; необходимо охватить более широкий и разнообразный круг влиятельных политических лидеров и лиц, оказывающих воздействие на общественное мнение, если МККК хочет сохранить свое положение крупнейшей гуманитарной организации с мандатом, дающим ему возможность работать в ситуациях вооруженного конфликта и насилия.

МККК готов подчинить свою работу с политическими кругами и вооруженными силами подходу «назад к основам», четко разъясняя свою роль и своеобразие. Хотя, вероятно, ни одна из сторон не допустит, чтобы ее убедили принять точку зрения «противника», каждая из них должна понимать и соблюдать принципы взаимодополняемости и проведения различия.

Приложение: Принципы МККК в области военно-гражданского сотрудничества

Общие положения

В определении своих отношений с военными организациями МККК исходит из основополагающих принципов Красного Креста и Красного Полумесяца, а также из соответствующих положений международного гуманитарного права. Они устанавливают общие рамки, определяющие характер и диапазон этих взаимоотношений.

МККК не ставит перед собой ни политических, ни военных целей. Его деятельность включает в себя не только помощь жертвам вооруженного конфликта и ситуаций насилия внутри страны, но — что очень важно — и их защиту на основе гуманитарного права и принципов.

Следует отметить три очень важных для работы МККК момента. Они касаются специфики военных операций и характера гуманитарной деятельности МККК, а также отношений между этими двумя сферами и возможностей сотрудничества:

- Задача гуманитарной деятельности МККК состоит не в урегулировании конфликтов, а в защите человеческого достоинства и спасении жизни людей. Деятельность МККК никоим образом не может быть подчинена достижению политических и (или) военных целей, она не может определяться политическими и (или) военными соображениями.
- Главная цель многонациональных военных миссий должна, по мнению МККК, заключаться в восстановлении и поддержании порядка и условий безопасности, а также в том, чтобы способствовать всестороннему урегулированию конфликта.
- МККК должен сохранять независимость в принятии решений и осуществлении деятельности, консультируясь при этом с представителями военных международных миссий, размещенных в тех же самых зонах деятельности. Консультации должны проводиться на всех этапах, как на стратегическом, так и на оперативном уровне.

В рамках Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца МККК стремится осуществлять руководящую роль в том, что касается политического и оперативного аспектов отношений между гражданскими организациями и военными миссиями во время воору-

женного конфликта. В частности, он дает четкие указания касательно отношений между национальными обществами Красного Креста и Красного Полумесяца, которые выступают в качестве участвующих в операции по оказанию помощи (то есть, оказывающих помощь при проведении операции Красного Креста/Красного Полумесяца в иностранном государстве), и военными контингентами их стран. Если при таких отношениях возникают сложности в плане соблюдения основополагающих принципов Движения, МККК принимает соответствующие меры согласно Уставу Движения³³ и Севильскому Соглашению³⁴.

Сотрудничество на практике

Диалог с политическими деятелями и военными, определяющими общую политику и ответственными за принятие решений

МККК стремится устанавливать и (или) поддерживать диалог с политическими и военными кругами, которые принимают решения о военном вмешательстве в чрезвычайных ситуациях, возникающих в связи с вооруженными конфликтами. Особое внимание уделяется развитию диалога с соответствующими учреждениями и органами ООН, НАТО и Европейского Союза. Основная цель такого диалога состоит в том, чтобы представить взгляды МККК на гуманитарную деятельность и там, где это необходимо, устанавливать и поддерживать контакты, полезные для оперативного сотрудничества и достижения более строгого соблюдения международного гуманитарного права.

Кроме того, МККК стремится вести такой диалог и за пределами западного мира, особенно в регионах, где отмечается ярко выраженное желание осуществлять поддержание мира силами государств этого региона.

Оперативное сотрудничество с силами по поддержанию мира

Когда это возможно, МККК поддерживает контакты с целью обмена нужной информацией, особенно в том случае, когда он работает в той

³³ Устав Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, 1986 г.

³⁴ Соглашение об организации международной деятельности составных частей Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца от 26 ноября 1997 г., опубликовано в *Международном журнале Красного Креста*, No. 20, март 1998 г. С. 195.

же зоне, что и вооруженные силы. При необходимости МККК назначает одного или нескольких человек, которые помогают налаживать связь с командованием соответствующих вооруженных сил на самом высоком уровне.

МККК также способствует контактам с соответствующими политическими и военными властями, добиваясь от них четкого определения мандата сил по поддержанию мира в том, что касается гуманитарной деятельности, чтобы не было никаких недоразумений относительно его собственного мандата и роли. Он стремится, в частности, не допустить того, чтобы деятельность военного характера причинила ущерб беспристрастности, нейтральности и независимости его работы. Он также добивается обеспечения соблюдения международного гуманитарного права международными военными миссиями.

Хотя МККК взял себе за правило (от соблюдения которого он может отказаться при исключительных обстоятельствах) не пользоваться вооруженной охраной при проведении своих операций, в том числе и для сопровождения автоколонн с гуманитарной помощью, он приветствует любые усилия международных военных миссий, направленные на обеспечение безопасной обстановки для осуществления гуманитарной деятельности.

Защита оборудования и зданий МККК вооруженной охраной

МККК не исключает возможности защиты своего оборудования и зданий вооруженной охраной в тех случаях, когда таковая считается необходимой (например, если очень высок уровень преступности). Однако производится регулярная оценка влияния таких мер на восприятие нейтральности и беспристрастности МККК.

Использование Международным Комитетом Красного Креста военных ресурсов или ресурсов гражданской обороны

В целом, МККК проявляет осторожность в отношении использования военных ресурсов или ресурсов гражданской обороны, полагая, что использовать их следует только в случае настоятельной необходимости, а не просто потому, что они оказались доступными. МККК не возражает против применения таких ресурсов другими организациями при условии, что это не поставит под угрозу его собственную деятельность.

В тех случаях, когда МККК все же использует такие ресурсы (так как они предлагаются на условиях, предоставляющих явное преимущество, или поскольку сопоставимые гражданские ресурсы недоступны), он делает это, только удостоверившись, что их использование не поставит под угрозу восприятие МККК общественным мнением как организации нейтральной и беспристрастной и будет соответствовать его оперативной стратегии и принципам.

Вклад МККК в обучение

Проводя курсы по международному гуманитарному праву и основным принципам осуществления гуманитарной деятельности, МККК старается оказать влияние на подготовку военнослужащих, задействованных в военных миссиях за границей, или непосредственно участвовать в такой подготовке. С этой целью он устанавливает двусторонние отношения с военными академиями и другими учреждениями, в которых проходит подготовку личный состав вооруженных сил и гражданский персонал, направляемый для участия в указанных миссиях. МККК обеспечивает сотрудничество в той мере, в какой он считает это целесообразным — от разовых мероприятий до официального долгосрочного сотрудничества (например, такого, какое проводится в соответствии с совместной программой со штабом верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами в Европе (НАТО)).

МККК также стремится с помощью собственных программ обучения ознакомить своих сотрудников с международными военными миссиями и различными концепциями военно-гражданского сотрудничества, применяемыми на местах.

Участие МККК в конференциях по вопросу отношений между военными миссиями и гуманитарными организациями

Принимая активное участие в многосторонних и других конференциях по вопросу взаимоотношений между военными миссиями и гуманитарными организациями, МККК пропагандирует свои взгляды на урегулирование кризисов и делится опытом оперативной деятельности. Он также стремится развивать и поддерживать разветвленные контакты с теми, кто занимается вопросами международной безопасности.

Участие МККК в таких мероприятиях определяется тем, какие возможности предоставляются ему для выступления, и (или) важностью для него предмета дискуссии.

Участие МККК в военных учениях

МККК избирательно принимает участие в военных учениях, когда его приглашают к этому и когда цель этих учений — управление кризисами силами военных, что включает в себя отношения между гуманитарными организациями и военными. Задача в данном случае заключается в том, чтобы добиться более четкого и правильного понимания мандата и деятельности МККК, а также в распространении знаний и информации о международном гуманитарном праве. Такое участие должно начинаться на этапе планирования. Особое значение придается международным учениям.

Гуманитарная деятельность – говорить громко или хранить молчание

ЯКОБ КЕЛЛЕНБЕРГЕР*

Вопрос о том, может ли — а если может, то до какой степени — гуманитарная организация предавать гласности и разоблачать нарушения международного гуманитарного права, а также другие правонарушения и называть имена тех лиц, которые их совершили, сегодня, как никогда, приобретает особую остроту — особенно для МККК, как указывают на это примеры, приводимые Майклом Игнатъефф в одной из его работ, опубликованных в сборнике «Hard Choices»¹, или Джонатаном Бентхоллом в его труде «Relief and the Media»². Для этого есть определенные причины, которые необходимо попытаться объяснить. Время от времени в центре политических событий оказываются публичные заявления или обращения в прессе Международного Комитета Красного Креста. Они не только свидетельствуют о том, что против своей воли МККК оказывается втянутым в политические дебаты, но и показывают, как функционирует эта организация в сложной обстановке, характеризующейся противоречием между политическими интересами и проблемами гуманитарного характера. Обсуждение этого вопроса поможет читателю по-новому посмотреть на деятельность МККК и условия, в которых она осуществляется.

МККК – особенная организация

МККК — одна из многих гуманитарных организаций, которые отличаются друг от друга тем, как и где они осуществляют свою деятельность. Резкое возрастание числа таких организаций — одна из черт, которыми характеризуется меняющаяся обстановка в гуманитарном мире в

* Автор является президентом Международного Комитета Красного Креста.

последнее время. Тем не менее, МККК, численность сотрудников которого достигает 12-ти тысяч человек, более 11-ти тысяч из которых работают в зонах вооруженного конфликта или в ситуации напряженности внутри страны, остается крупной организацией, которой присущ целый ряд особенностей.

В договорах по международному гуманитарному праву различные государства специально ставят некоторые задачи перед МККК, которые он должен выполнять самостоятельно или совместно с другими гуманитарными организациями. И хотя МККК не является международной организацией в том смысле, в каком ею является, например, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, сфера его деятельности более ограничена по сравнению с полем деятельности какой-либо неправительственной организации.

По всему миру МККК действует в соответствии со своим основным мандатом – предоставляет защиту и помощь жертвам вооруженных конфликтов и ситуаций напряженности внутри страны; при этом он не ограничивается какими-то определенными географическими районами или конкретными категориями лиц. В эпоху глобализации средств массовой информации это означает, что все, что делает МККК в том или ином месте, впечатление, которое он там производит, и особенно все, о чем он говорит публично, становится практически сразу же известно во всех остальных местах, где работают его сотрудники. Это ограничивает сферу деятельности информационных подразделений МККК, которая осуществляется с учетом местных условий и особых подходов, и носит, прежде всего, прагматический характер.

Особенностью МККК является то, что он стремится быть как можно ближе к жертвам вооруженного конфликта и проявляет непоколебимую волю в достижении этой цели. В первую очередь, он старается получить доступ к жертвам вооруженных конфликтов и ситуаций насилия внутри страны с тем, чтобы предоставить им защиту и помощь. Все остальные соображения, за исключением безопасности, строго подчинены

¹ Michael Ignatieff, «The stories we tell: Television and humanitarian aid» in: Jonathan Moore (ed.), *Hard Choices: Moral Dilemmas in Humanitarian Intervention*, Rowman & Littlefield Publishers, Boston, 1998, pp. 287-302.

² Jonathan Benthall, *Disasters, Relief and the Media*, I.B. Tauris & Co Ltd, London/New York, 1993.

достижению этой цели. Для этого МККК должен удостовериться, что с его присутствием и деятельностью в зоне конфликта согласны все стороны, которые могут оказать какое-либо влияние на военные действия и их последствия в гуманитарном плане. Только при соблюдении этого условия он может продолжать осуществлять по всему миру предусмотренную его мандатом деятельность. Пытаясь получить доступ в некоторые районы, он сталкивается с трудностями, которые объясняются разными причинами, но, несмотря на это, его деятельность принимается во многих странах, более того — он является единственной организацией, получающей доступ в зоны конфликта.

Оперативная обстановка, в которой работает МККК

За последние годы в местах, где работает МККК, — военных зонах и горячих точках планеты, произошли коренные изменения. При рассмотрении предлагаемой читателю темы это также важно иметь в виду. Многим из этих «новых» конфликтов, большинство из которых носят не-международный характер, свойственно несоблюдение соответствующих норм и наличие воюющих сторон, с которыми не только трудно разоб-браться, но и непросто установить связь. «В условиях гражданской войны, — писал Х.М. Энзенсбергер в 1993 г., — исчезает всякое абстрактное и логически сложное оправдание применения силы»³. Говоря это, он имел в виду события на Балканах, однако в настоящее время это явление, к сожалению, распространилось более широко. Предводители частных вооруженных формирований, с которыми в Европе было покончено еще в XVII веке, вновь выходят на сцену во многих регионах, где происходят конфликты и где государственные структуры развалены⁴. Устранение Валленштайна представляется более простым, чем это описано у Шиллера. Чрезвычайно трудно отнести сложные ситуации, связанные с современными конфликтами, к тем категориям, которые предусмотрены международным гуманитарным правом. И хотя действующее право основано на гражданской принадлежности, значительно большую роль играет отнесенность к определенной этнической группе.

³ Hans Magnus Enzensberger, *Aussichten auf den Bürgerkrieg*, Suhrkamp, Frankfurt am Main, 1993, p. 20.

⁴ См. Herfried Münkler, *Die Neuen Kriege*, 6th edition, Rowohlt Verlag GmbH, Reinbek bei Hamburg, 2003, especially pp. 59 ff.

Особенности современных конфликтов

Ниже приводятся основные особенности конфликтов, в условиях которых сегодня работает МККК:

- отсутствие ясности в отношении ситуации, которая складывается в зоне боев;
- тенденция к поляризации и радикализации, которая наблюдается в конфликтах, происходящих в связи с различными противостояниями в мире;
- гражданские войны, которые на протяжении многих лет сопровождали вооруженные конфликты во всем мире;
- глобализация и сопровождающее ее отсутствие регулирования, которые породили не только пресловутые прибыли, но и расширили поле деятельности для неправительственных вооруженных групп;
- распавшиеся или распадающиеся государства, в которых отсутствуют центральные органы власти, способные осуществлять свои функции или предоставлять основные услуги, необходимые для поддержания на должном уровне благосостояния населения;
- всемирная «война» против терроризма;
- возрастающие трудности при получении доступа к лицам, затронутым вооруженным конфликтом;
- увеличивающаяся опасность того, что гуманитарная помощь будет использована не по назначению или полностью отвергнута;
- ухудшение условий безопасной работы для сотрудников гуманитарных организаций, непосредственно работающих в зонах конфликта;
- применение двойных стандартов к аналогичным ситуациям.

В этом нет ничего нового. Однако, как мне кажется, к относительно новым явлениям следует отнести тот размах, который приобретают террористические акции и предпринимаемые в ответ на них действия, а также все возрастающую роль неправительственных вооруженных групп.

Разнообразие причин конфликтов

Основные характеристики современных конфликтов зависят от причин их возникновения. Главными причинами конфликтов были и остаются следующие:

- стремление групп и отдельных лиц к политической и экономической власти;
- неспособность ослабевших или слабеющих государств обеспечивать соблюдение закона и поддержание порядка;
- борьба за доступ к сырьевым ресурсам;
- бедность и серьезные социальные проблемы, которые наблюдаются при распаде государственных структур, а также в условиях, когда в отношении одной или более этнических групп осуществляется дискриминация или когда у них складывается впечатление о дискриминации по отношению к ним. (О наличии такой взрывоопасной комбинации пишет в своей работе, например, Франсуа Тюаль⁵. Автор комментариев, позволяющих провести глубокий анализ конфликтных ситуаций, английский историк Эрик Хобсбаум⁶, отмечает, что, если речь идет о конфликтах, целью которых является утверждение самобытности той или иной группы, то следует уделять внимание той степени, в которой обостряется напряженность, создаваемая «сверху» и эксплуатируемая этими же кругами, или возникающая спонтанно и нагнетаемая «снизу». Причинно-следственные отношения между бедностью и войной следует рассматривать с обеих точек зрения. Иными словами, вооруженные конфликты также являются одной из основных причин бедности и других несчастий.);
- тенденция к поляризации и радикализации, которая наблюдается в условиях конфликтов, происходящих в связи с различными противостояниями в мире при соответствующем ослаблении или полном отсутствии желания противостоять насилию;
- выходящий за рамки размах террористических акций, который, как это произошло в Афганистане в октябре 2001 г., привел к беспрецедентным ответным мерам;
- опыт ведения войны, который сам по себе может привести к новым войнам, особенно когда такие конфликты происходят при полном игнорировании международных норм ведения военных действий.

⁵ François Thual, *Les conflits identitaires*, Ellipses, Paris, 1995.

⁶ Eric Hobsbawm, *The New Century*, Abacus, London, 2000.

И хотя это очевидно, но тем не менее, следует подчеркнуть, что вызвать вооруженный конфликт могут, как правило, одновременно несколько причин. Поэтому важно проводить различие между главными и второстепенными причинами, между причинами реальными и надуманными.

Девальвация международного гуманитарного права

С учетом этих замечаний и вероятного хода событий вряд ли можно утверждать, что в обозримом будущем негосударственные стороны в конфликте утратят свое значение. Поскольку глобализация и сопровождающее ее отсутствие регулирования укрепляют положение неправительственных акторов и повышают их способность действовать, также маловероятно и то, что скоро будет покончено с явлением, которое мы наблюдаем в связи с так называемыми «новыми» конфликтами. Здесь я имею в виду широко распространившуюся девальвацию норм международного права войны и полное отсутствие запретов для многих сторон в конфликте, особенно в действиях по отношению к мирному населению, которое как таковое все чаще становится объектом нападений. Повсеместно нарушается один из основополагающих принципов международного гуманитарного права — принцип необходимости проведения различия между комбатантами и гражданскими лицами. Полное игнорирование этой нормы права со стороны некоторых неправительственных вооруженных групп и попытки определить применимость некоторых норм в условиях борьбы с терроризмом — вот те новые проблемы, с которыми столкнулся МККК. К этому добавляются еще новые типы воюющих сторон и новые методы ведения военных действий⁷.

Вот в такой обстановке МККК осуществляет сегодня свою деятельность. Во многих странах он не может более рассчитывать на горячее желание соблюдать нормы международного гуманитарного права, как не может более рассчитывать на то, что людям известна информация о

⁷ МККК отразил эти тенденции в докладе, посвященном международному гуманитарному праву и проблемам, возникающим в связи с современными вооруженными конфликтами, который был представлен на XXVIII Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца: ICRC, «International humanitarian law and the challenges of contemporary armed conflicts», *International Review of the Red Cross*, Vol. 86, No. 853, March 2004, pp. 213-244.

МККК и основах его деятельности и что эту организацию и ее принципы уважают. Было бы неправильно предполагать, что во многих зонах конфликта мы можем полагаться на то, что нам заранее будут доверять, учитывая нашу независимость, беспристрастность и нейтральность. Часто доверие к МККК и его принципам завоевывается последовательным и тем самым предсказуемым поведением, а также постоянным разъяснением того, чем мы занимаемся. Это замечание здесь также уместно.

Различные правовые базы деятельности МККК

Тот факт, что внутренние конфликты стали нормой, имеет для МККК и другие последствия. Правовая база, на основании которой МККК осуществляет свою деятельность в соответствии с международным гуманитарным правом, имеет значительно большее значение во время конфликтов между государствами, чем во время внутренних конфликтов, когда обеспокоенность вопросом суверенитета особенно велика. В условиях международного вооруженного конфликта государства, которые ратифицировали соответствующие международно-правовые документы, обязаны разрешать представителям МККК посещать лиц, содержащихся под стражей в связи с конфликтом, например, военнопленных или интернированных гражданских лиц в Ираке⁸. Эта же правовая норма не применяется в условиях внутреннего вооруженного конфликта, например, в Судане⁹. В подобных случаях необходимо вести переговоры для достижения соответствующих договоренностей, имеющих временный характер и действие которых может быть прекращено. Государства примут эти договоренности только тогда, когда будут уверены, что МККК не предаст гласности полученную при осуществлении им гуманитарной деятельности информацию или содержание его последующих запросов, а будет обсуждать эти вопросы на конфиденциальной ос-

⁸ Статья 126 Третьей Женевской конвенции об обращении с военнопленными и статья 143 Четвертой Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны.

⁹ Статья 3, общая для всех четырех Женевских конвенций, предоставляет МККК право гуманитарной инициативы во время немеждународных вооруженных конфликтов; на основании этой статьи он может предложить свои услуги воюющим сторонам. Во всех других ситуациях, не относящихся к вооруженному конфликту, – например, в ситуации напряженности внутри страны, – такое право предоставляется МККК только Уставом Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца (статья 5).

нове с компетентными властями. В конце концов, выдача какой-либо организации разрешений на регулярное посещение заключенных и проведение с ними бесед без свидетелей — это все-таки серьезное ограничение суверенитета государства.

Обращение с информацией

Учитывая условия, в которых действует МККК, и методы его работы, он имеет доступ к большому объему информации. Получает он ее, благодаря своей гуманитарной деятельности, и использует исключительно в интересах этой деятельности. Поскольку эта информация часто носит конфиденциальный характер, касается деликатных с политической точки зрения проблем и может быть использована в различных целях, существует большая опасность необдуманных высказываний, что может вовлечь организацию в политическую полемику. Своим большим авторитетом МККК обязан месту, которое он занимает в современном мире, и сдержанности, с которой он делает публичные обращения и заявления. Не остается незамеченным и тот факт, что он воздерживается от публичных заявлений и обращений даже тогда, когда уже выступал с такого рода заявлением в подобных обстоятельствах, но в другом месте.

Именно поэтому вопрос о том, говорить ли открыто или хранить молчание, остается для МККК одним из самых главных. Иногда переоценивают, а порой и недооценивают, значение открытого выражения своего мнения и, что еще более важно, публичных заявлений. В современную эпоху, которая характеризуется тенденцией говорить много, быстротой вынесения суждений и готовностью выражать свое мнение, существует предрасположенность переоценивать значение публичных выступлений.

Конфликт между действием и свидетельством

Позиция, которую занимает МККК по отношению к вопросу о публичных заявлениях и обращениях, часто вызывает полемику, порой довольно жесткую. Самый яркий пример тому — события осени 1942 г., когда МККК воздержался от того, чтобы выступить с публичным призывом обеспечить защиту гражданского населения. За это МККК подвергся суровой критике, особенно со стороны еврейских организаций. Критики МККК придавали малое значение его опасениям в отношении того, что такое обращение могло лишить МККК доступа почти к 2 миллионам во-

еннопленных союзных государств, которым он в ту пору оказывал помощь. Не придавали они значения и повлиявшим определенным образом на решение МККК его сомнениям относительно того, что такое обращение могло бы каким-либо образом улучшить положение гражданского населения, в особенности, узников концентрационных лагерей. В 1988 г., выступив с комментариями по поводу книги Жана-Клода Фавэ¹⁰, МККК подтвердил свои сомнения относительно того, что такое обращение возымело бы действие¹¹.

Полностью осознавая противоречие, существующее между решимостью действовать на гуманитарном поприще и желанием делать публичные заявления об увиденном, некоторые авторы расценили молчание МККК в то время как поворотный пункт в его истории: «Чтобы сохранить свою способность оказывать помощь, Красный Крест принимает тяжелое решение не предавать гласности то, что его представители видели в концентрационных лагерях»¹².

И все же перед этой настоящей дилеммой значительно меньше усердия проявляется при рассмотрении вопроса о том, что можно ожидать от публичных обращений (помимо того, что они означают приверженность важной нравственной позиции) в определенных условиях и как они могут отразиться на гуманитарной деятельности.

Для МККК как гуманитарной организации необходимо найти ответ на один важный вопрос, имеющий значение для него как сегодня, так и в будущем: могут ли решения, касающиеся публичного обсуждения определенных вопросов или отказа предавать их гласности, иметь для МККК далеко идущие последствия не только с точки зрения возможности осуществлять свою гуманитарную деятельность, но и для его имиджа и восприятия? Для некоторых групп людей такие решения могут значить больше, чем сами дела гуманитарной организации.

¹⁰ Jean-Claude Favez, *The Red Cross and the Holocaust*, Cambridge University Press, Cambridge, 1999.

¹¹ Jean-Claude Favez, *Une mission impossible? Le CICR, les déportations et les camps de concentration nazis*, Éditions Payot, Lausanne, 1988, p. 378.

¹² Jean-Christophe Rufin, *L'aventure humanitaire*, Gallimard, Paris, 1994, p. 71.

Воздерживаться от публичных заявлений

Когда речь заходит о публичных заявлениях МККК, их по-прежнему рассматривают как относительно осторожные или, по крайней мере, сдержанные, и это, несомненно, так, если сравнивать МККК с другими организациями. Однако подобного рода сравнения могут ввести в заблуждение, учитывая различие стоящих перед разнообразными организациями задач и их видов деятельности. Такое восприятие МККК может вызвать удивление, если вспомнить большое количество публичных заявлений и обращений, сделанных организацией во время войн на Балканах. Обществом была в курсе того, что происходило, и два ниже приводимые примера подтверждают это.

В своем обращении к воюющим сторонам в Боснии и Герцеговине в августе 1992 г. МККК осудил содержание под стражей невинных гражданских лиц и бесчеловечное обращение с ними, а также призвал стороны принять определенные меры, в том числе соблюдать положения Третьей и Четвертой Женевских конвенций¹³. Описание отчаянного положения, в котором находилось гражданское население, было основной темой обращения к воюющим сторонам в июне 1995 г., целью которого было достижение консенсуса в гуманитарной области путем принятия конкретных мер, таких, например, как восстановление водоснабжения в г. Сараево и его окрестностях.

Вторым примером является публичное заявление МККК относительно кризиса в Косово в сентябре 1998 г.¹⁴, в котором МККК рассказал о критическом положении гражданского населения и подчеркнул, что на сербских властях лежит ответственность за обеспечение безопасности и уважения гражданского населения. МККК призвал албанских представителей и АОК сделать все возможное, чтобы положить конец убийствам.

Для чего приводить эти два примера? Чтобы показать, что МККК не воздерживается от публичных высказываний, но избегает одностороннего или, по крайней мере, явного осуждения той или иной стороны в конфликте. И хотя такой подход иногда подвергается критике, он ясно

¹³ «The ICRC and the conflict in former Yugoslavia», *International Review of the Red Cross*, Vol. 74, N° 290, September/October 1992, pp. 488-493.

¹⁴ Заявление МККК о ситуации в Косово. – *Международный журнал Красного Креста*, № 23, декабрь 1998 г., с. 861-865.

отражает твердое убеждение МККК, что публичные заявления не должны мешать оказанию гуманитарной помощи. Я не говорю, что такого рода выступления обязательно должны иметь такие последствия, но вероятность такого результата требует действовать с осторожностью.

Если говорить в более общем плане, важно, чтобы МККК мог предоставлять свою информацию о страданиях населения в зонах конфликта и о сложном характере современных конфликтов. Существует множество способов подавать информацию, не нарушая принципа конфиденциальности, необходимого для соблюдения МККК, чтобы осуществлять свою деятельность, и не присоединяясь к толпе желающих выносить суждение.

Главная цель: доступ к жертвам

Нашу организацию критикуют за то, что первостепенное значение она придает выполнению задач гуманитарного характера, а не предоставлению общественности как можно более полной информации, тем более что люди понимают, что сотрудники МККК могут многое рассказать. Ежедневно наши сотрудники сталкиваются с нарушениями международного гуманитарного права, в некоторых случаях — с очень серьезными, и они знают, в каких условиях содержатся люди в самых отдаленных тюрьмах, лагерях для военнопленных и центрах содержания интернированных. Лишь несколько организаций обладают такой полнотой информации о реальном положении дел в зонах конфликта и напряженности. Как я уже отметил, МККК не намерен выступать с обвинениями в отношении только одной из сторон. В наше время, когда люди недолго думают, чтобы вынести суждение, и когда наигранное выражение обеспокоенности и осуждение высоко ценятся независимо от того, как они отражаются на обстановке, такая сдержанность может оттолкнуть одних или обеспокоить других, потому что она не соответствует широко распространенным ожиданиям. Для МККК характерно не столько чрезмерная сдержанность, сколько нежелание публично выносить суждения и выступать с осуждениями одностороннего характера.

И все же отказ МККК от публичных заявлений очевиден. Эта сдержанность объясняется двумя причинами: если МККК будет делать такие заявления, он может потерять доступ к жертвам конфликта, кроме того, у него есть некоторые сомнения относительно той степени, в какой та-

кие публичные заявления могут повлиять на общественное мнение. В этой связи хочу напомнить: именно тот факт, что МККК потребовал от своих представителей ограничить общение с прессой во время войны в Биафре, явился одной из причин, по которой Бернар Кушнер, работавший в то время в МККК, создал в 1971 г. организацию «Врачи без границ». Он считал, что «престарелая дама» — так несколько пренебрежительно называли МККК сторонники этой организации — призвала своих сотрудников к слишком большой сдержанности и накладывала чересчур большие ограничения на них при выражении своего мнения.

Использовать слова всегда следует с величайшей осторожностью. Действительно, нужно взвешенно подходить к принятию решения о том, чтобы начать публичную дискуссию, и если уж такое решение принято, необходимо хорошо подумать о том, где это можно сделать и когда. Говоря о языке и речи, немецкий философ Ханс-Георг Гадамер, считал, что мы не столько сами ведем разговор, сколько оказываемся втянутыми в него¹⁵.

Каковы бы ни были наши намерения, язык и обстоятельства определяют то, что остается после сказанного. Это также важно учитывать такой гуманитарной организации, как МККК: он практически всегда работает в условиях, в которых возбуждение может переходить в безрассудство. Мы должны не только четко осознавать, что мы хотим сказать, а о чем умолчать, но и принимать взвешенное решение относительно того, когда и где мы можем участвовать в публичном обсуждении тех или иных вопросов.

Вспомогательный характер публичных обращений

Возможно, ничто так хорошо не отражает отношения МККК к публичным заявлениям и открытому осуждению нарушений международного гуманитарного права, как тот факт, что организация прибегает к таким методам только тогда, когда предпринятые ею на конфиденциальной основе действия не дают результата и она приходит к выводу, что они более не могут существенным образом содействовать улучшению защиты и положения жертв конфликта¹⁶. Публичное осуждение играет второ-

¹⁵ Hans-Georg Gadamer, *Wahrheit und Methode*, Crossroad, New York, 1990.

¹⁶ Действия Международного Комитета Красного Креста в случае нарушений международного гуманитарного права. — *Международный журнал Красного Креста*, Москва: МККК, 1994.

степенную или даже третьестепенную роль. Вопрос можно поставить и по-другому: как правило, МККК идет на это только тогда, когда приходит к выводу, что публичные осуждения или призывы принесут жертвам конфликта больше пользы, чем его собственные дела. При оценке последствий этого утверждения следует также иметь в виду, что, основываясь на своем опыте, МККК не может заявить о своей уверенности в действительности публичных обращений, хотя, по общему признанию, их эффективность нельзя досконально проверить.

Трудно себе представить публичное обращение, которое носило бы более драматический и неотложный характер, чем обращение от 28 апреля 1994 г., сделанное почти через три недели после того, как в Руанде начался геноцид, продолжавшийся в течение трех месяцев. МККК призвал правительства соответствующих государств принять все необходимые меры, чтобы немедленно положить конец массовым убийствам. Для спасения собственных делегатов в Руанде почти от верной смерти МККК вначале не применял слово «геноцид». Однако употребление таких парадоксов, как «непрерывающаяся резня», «уничтожение большей части гражданского населения», не оставляло места для сомнения в отношении того, что происходило в этой стране. А для того, чтобы разъяснить ситуацию сомневающимся, в течение апреля МККК выпустил большое число сообщений для прессы, в которых употреблялись такие слова, как «хаос», «резня», «бойня», «людская трагедия» и т.п.¹⁷ Но несмотря на свою ясность, эти публичные заявления не вызвали ожидаемой оперативной реакции международного сообщества. Лишь 22 июня Совет Безопасности ООН дал добро Франции на осуществление операции по оказанию гуманитарной помощи, которая продолжалась в течение 2-х месяцев до тех пор, пока не стала выполняться резолюция от 17 мая, в соответствии с которой число сотрудников Миссии ООН в Руанде (ЮНАМИР) было доведено до 5500 человек¹⁸.

Этот пример приводится не с целью упрекнуть международное сообщество в медлительности, а для того, чтобы напомнить сторонникам скорого публичного осуждения, что часто люди могут только этим и до-

¹⁷ Более подробную информацию о деятельности МККК в Руанде в 1994 г. см. на сайте <<http://www.cicr.org/Web/fre/sitefreo.nsf/html/rwanda>> (последнее посещение сайта: 17 июля 2004 г.).

¹⁸ Резолюция Совета Безопасности ООН № 929 от 22 июня 1994 г.

вольствоваться. Говорю я это потому, что прекрасно знаю, какое огромное значение придается сегодня различным публичным выступлениям. Проблема заключается в том, что все это выливается в новые призывы к кому-то что-либо сделать. Однако жертвы уже сегодня нуждаются в помощи и защите. Рассматривая этот вопрос, я далек от того, чтобы недооценивать то огромное значение, которое имеет предоставление возможности высказаться тем, у кого нет прав и кто по-другому не может быть услышанным. Отношение МККК к публичным высказываниям может быть понятно только тем, кто знает, что доступ ко всем жертвам вооруженного конфликта значительно важнее для нашей организации, чем все остальное, за исключением безопасности. А когда это становится приоритетом, полумер быть не должно.

МККК стремится поддерживать разумное равновесие между принимаемыми им обязательствами и своей способностью действовать. Если перефразировать слова Энзенбергера, МККК не желает пополнять ряды тех, кто отказывается от своих обязательств, устанавливая для себя и других нравственные требования, не имеющие отношения к возможности реально что-то сделать¹⁹. В наше время, когда практически любой вид коммуникации, включая беседу, должен использоваться для достижения самых разнообразных целей, в том числе развлекательных, определение приоритетных направлений может показаться слишком догматическим подходом, даже если это само собой разумеется с точки зрения жертв конфликта. МККК не рассматривает себя в качестве совести всего человечества и знает, что не может предотвратить вооруженные конфликты. Он хочет одного — делать все возможное, чтобы помочь жертвам конфликта, и воздерживаться от всего, что может помешать его доступу к ним. Некоторым образом МККК можно рассматривать как организацию, защищающую в трудных условиях минимальные принятые цивилизованными народами стандарты. Достоинства или недостатки публичных выступлений должны оцениваться с учетом этих приоритетов.

Надо помнить о двух аспектах рассматриваемой проблемы: как публичные заявления, так и конфиденциальность имеют большое значение для обеспечения безопасности сотрудников МККК. Кроме того, су-

19 Hans Magnus Enzensberger, *Civil War*, London, 1994.

существует большой простор для публичных выступлений, которые никоим образом не мешают осуществлять гуманитарную деятельность, речь идет, например, о распространении знаний о международном гуманитарном праве и о выдвижении новых предложений с целью его дальнейшего развития. Так, только в Колумбии МККК провел 1340 семинаров и совещаний, в которых приняли участие почти 60 тысяч представителей правительственных учреждений и неправительственных организаций.

Открытость и конфиденциальность

До сих пор приводимые мной примеры касались публичных заявлений. Однако публичное выступление не является единственной или непременно самой эффективной формой высказывания своего мнения. Сотрудники МККК часто ведут очень открытые беседы. Когда они сталкиваются с нарушениями международного гуманитарного права, то встречаются с представителями воюющих сторон, нередко – с командирами вооруженных групп, находящимися в весьма отдаленных районах, чтобы разъяснить им, какие правовые нормы необходимо применять, и потребовать от них их соблюдения. Для этого нужно мужество. Выполнение этой работы сопряжено со значительно большим риском, чем опубликование обвинительных материалов вдали от зоны конфликта.

Кроме того, в докладах МККК о результатах посещения тюрем, которые носят конфиденциальный характер, содержатся советы относительно того, как улучшить условия содержания под стражей. Эти рекомендации обсуждаются с компетентными властями. В ходе последующих посещений заключенных делегаты МККК выясняют, какие из рекомендаций были выполнены администрацией тюрьмы. Составляются также отчеты о ходе ведения военных действий и производится оценка того, насколько гражданское население защищено во время проведения военных операций. Эти доклады представляются воюющим сторонам. Иными словами, важно понять, что сдержанность МККК относительно публичных заявлений не означает, что он ничего не говорит о том, свидетелем чего является, и не выступает публично, чтобы добиться улучшения условий содержания под стражей. Он считает, что убеждение на конфиденциальной основе эффективнее публичных осуждений.

МККК предпочитает также действовать на конфиденциальной основе, когда условия содержания под стражей в местах лишения свободы

или зонах конфликта настолько неудовлетворительны, что являются нарушением международного гуманитарного права. Только в том случае, когда при помощи этих действий МККК не удастся положить конец таким нарушениям, или, по крайней мере, улучшить условия, он прибегает к публичным заявлениям. Однако МККК принимает такое решение лишь тогда, когда убедится, что публичное выступление поможет лицам, содержащимся под стражей. На практике речь обычно идет о процедуре, состоящей из нескольких этапов, в ходе которой сотрудники делегаций на местах и в штаб-квартире делают все возможное для улучшения ситуации в гуманитарном плане. Прежде всего, необходимо позаботиться о том, чтобы не ослабить позицию работающих в зонах конфликта сотрудников МККК, пропустив один или несколько этапов этой процедуры. Мы получим пример именно такого подхода, если сравним содержание публичных заявлений МККК по Гуантанамо в феврале 2002 г., мае 2003 г. и январе 2004 г.²⁰ Прежде чем обращаться к общественности, он, естественно, проводит оценку того, каких реальных улучшений можно добиться таким путем. Следует также принимать во внимание тот низкий результат, который обычно дает публичное выражение протеста, беспокойства или открытое осуждение.

Учитывая все то, свидетелями чего становятся делегаты МККК, им часто приходится прилагать большие усилия, чтобы не давать волю своему возмущению. Описание ужасных условий содержания заключенных в тюрьме X в стране А, которые часто эмоционально преподносятся публике, может понравиться тем, кто падок на такие новости, и подобные разоблачения могут хотя бы на короткое время улучшить положение жертв. Однако впоследствии в доступе к этим жертвам может быть отказано, и вряд ли кто будет интересоваться судьбой лиц, содержащихся под стражей по соображениям безопасности, когда их больше не будут посещать. Кроме того, нельзя принимать решение о предании гласности каких-то фактов, исходя лишь из одной конкретной обстановки — необходимо учитывать, как это может отразиться на других ситуациях. Рассказывая общественности об условиях содержания в тюрьмах страны

²⁰ См. сообщения для прессы МККК № 02/11 от 9 февраля 2002 г., № 03/36 от 28 мая 2003 г. и № 04/03 от 16 января 2004 г.

А, не добьемся ли мы того, что нам откажут в доступе к лицам, пострадавшим в результате конфликта в стране В или С?

Усилия по сохранению конфиденциальности нередко требуют жесткой дисциплины и определенной сдержанности в условиях, когда все охвачено желанием найти виновного и осудить его. Например, велико было искушение ответить на упреки в том, что конфиденциальные действия никак не способствовали исправлению положения в иракских тюрьмах, перечисляя улучшения, которые делегаты МККК констатировали после повторных посещений печально известной тюрьмы «Абу-Граиб», расположенной в пригороде Багдада²¹. Что бы сейчас ни говорили, я не сомневаюсь, что улучшение условий содержания в этой тюрьме произошло задолго до того, как были опубликованы ужасные снимки, на которых были запечатлены заключенные, подвергающиеся бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство обращению. Эти положительные изменения имели место, в определенной, если не в значительной, степени благодаря решительным требованиям МККК.

МККК и средства массовой информации

Многие считают, что сегодня изменений можно добиться более эффективным путем, особенно в открытом демократическом обществе, если прибегнуть к гласности. В качестве аргумента они выдвигают утверждение о том, что мир, в котором мы живем, в значительной степени формируется под воздействием средств массовой информации, а это значит, что и МККК должен применять иные, чем прежде, подходы в своей оперативной работе, а также в своих отношениях со средствами массовой информации.

Несомненно, информационная политика МККК должна принимать во внимание тот интерес, который придают средства массовой ин-

²¹ «Уолл Стрит Джернел» от 7 мая 2004 г. приводит большие выдержки из январского (2004 г.) конфиденциального доклада, посвященного условиям содержания в иракских тюрьмах, которые посетили делегаты МККК. Этот документ был передан силам коалиции в феврале 2004 г. Доклад был опубликован без разрешения МККК. Однако в нем указывается, что он носит конфиденциальный характер и предназначен исключительно для властей, которым передается, в нем также подчеркивается, что он не может быть опубликован частично или полностью без согласия МККК. Подготовка таких докладов и передача их властям предусматриваются принятой в МККК процедурой посещения мест лишения свободы по всему миру.

формации тому или иному конкретному конфликту. Однако, как правило, МККК работает во всех зонах конфликта в местах, недоступных для журналистов, и не обращает внимания на то, насколько активно эти события освещаются в средствах массовой информации. Его первейшая обязанность — прийти на помощь жертвам насилия. Доклад, содержание которого проникло в прессу, показывает, что в ходе бесед без свидетелей заключенные почувствовали, что могут доверять представителям МККК и что, несмотря на нахождение в тюрьме, они смогли рассказать о бесчеловечном обращении, которому подвергались. Он также подтверждает, что МККК был искренен в своем стремлении добиться улучшения положения. Конфиденциальность не означает бездействия или соучастия.

Трудно ответить на вопрос, имело ли бы предание гласности информации об условиях, царящих в иракских тюрьмах, такой же или подобный эффект, как и публикация упомянутых фотографий в крупнейших газетах мира. Главное, однако, в том, что МККК считает: в долгосрочном плане и в каждом конкретном случае его надежные и проверенные методы работы в тюрьмах (в том числе, конфиденциальность его докладов) являются эффективными и приносят пользу жертвам конфликтов во всем мире. Такого же твердого и безоговорочного мнения он придерживается в отношении заключенных иракских тюрем.

МККК поддерживает со средствами массовой информации значительно более тесные и сложные отношения, чем это может показаться из сказанного выше. Журналисты часто работают в тех же местах, что и делегаты МККК, и Международный Комитет искренне заинтересован в том, чтобы СМИ освещали вооруженные конфликты, что позволяет вспомнить о тех, многие из которых забыты. Например, в течение первого месяца геноцида в Руанде МККК помог около десяти журналистам добраться до Кигали, правда, через два дня они снова уехали из руандийской столицы.

Для МККК в оперативном плане имеют большое значение действия, направленные на привлечение внимания средств массовой информации к тому, что происходит в зонах конфликта, и к проблемам, вызывающим озабоченность с гуманитарной точки зрения, например, обязанность сторон в конфликте удалять неразорвавшиеся боеприпасы. Там, где не затрагиваются четко определенные стратегические интересы государства, лишь мобилизуя общественное мнение, можно убедить пра-

вительства предпринимать практические действия. И в этом решающую роль играют средства массовой информации. Кроме того, все, кто следил за публичными заявлениями МККК, с которыми он выступил в первой половине 2004 г. по неоднозначным вопросам, могут видеть, что МККК вовсе не является организацией, хранящей молчание, за что его часто осуждают.

Главное – тщательный анализ

Можно подумать, что не существует никаких проблем, связанных с соблюдением принципа сдержанности относительно публичных заявлений и обращений. Однако здесь возникает ряд вопросов, которые я не хотел бы оставить без внимания. Не играют ли в конечном счете на руку преступникам чрезвычайная сдержанность при публичном осуждении серьезных нарушений международного гуманитарного права и частичные обвинения в их адрес? Порой нас даже упрекают в пособничестве этим преступникам. Нельзя ли достичь более стабильного и серьезного улучшения условий жизни затронутого конфликтом населения публичными заявлениями, разоблачениями и действиями, которые они вызывают, а не воздержанием от публичных высказываний, которое помогает оказывать гуманитарную помощь? И наконец, насколько верным является утверждение, что более смелые и носящие обличительный характер публичные выступления МККК приведут к тому, что его сотрудников попросят покинуть страну, в которой он осуществляет гуманитарную деятельность?

Нельзя с определенностью сказать, что МККК могут вынудить покинуть ту или иную страну, к тому же следует дифференцированно подходить к оценке ситуации, которая складывается в каждой зоне конфликта. Однако вероятность того, что гуманитарная деятельность может быть серьезно затруднена, достаточно велика и поэтому требуется четко осознавать, какие последствия могут повлечь за собой публичные выступления. И все же всегда будут существовать ситуации, требующие, чтобы о них говорили открыто. Учитывая возможные последствия, можно сказать, что мы имеем дело с одним из самых трудных решений, которые приходится принимать.

Широкомасштабное публичное осуждение может вызвать действия, более выгодные в долгосрочном плане, чем гуманитарная помощь,

оказываемая в неблагоприятных или неизменяемых социально-политических условиях. И хотя я не верю, что гуманитарная помощь приводит к затягиванию войны, косвенно она может отсрочить восстановление мира и проведение реформ, если благодаря ей предотвращается резкое ухудшение обстановки — единственная причина, побуждающая международное сообщество или силы внутри самой страны предпринять решительные действия. Тем не менее, я имею серьезные сомнения в отношении того, что публичные осуждения помогут изменить эту ситуацию. Скорее всего, они окажутся малоэффективными или бесполезными, а множество людей внезапно лишаться помощи, которую оказывала им та или иная гуманитарная организация.

Абсолютная необходимость иметь доступ к жертвам может вызвать и побочный эффект, который заключается в том, что в глазах международного сообщества репутация лидеров вооруженных групп и тех, кто подавляет свой народ, будет не столь плохой, как они того заслуживают. Однако положение не настолько безвыходно, как это может показаться: сегодня в мире существует множество организаций, которые только и делают, что передают огласке правонарушения, и поскольку они не занимаются никакой гуманитарной деятельностью в соответствующих странах, их не волнует перспектива быть выдворенным из этих стран. Эти правозащитные организации играют очень важную роль. Поскольку недостатка в них нет, МККК может не думать о новых приоритетах.

Характер деятельности МККК таков, что обстоятельства, в которых он делает публичные заявления или сохраняет молчание, всегда являются исключительными. В эмоциональном и иррациональном контексте конфликта каждое слово, произнесенное стороной в конфликте и выражающее определенное мнение, имеет свое значение и отклик. Для такой организации, как МККК, чрезвычайно важно очень внимательно обращаться со словами и учитывать оказываемое ими воздействие, которое определяется не всегда очевидными ассоциациями из прошлого и настоящего. В конфликтной ситуации значение и эффект слов являются по-настоящему ощутимыми.

Не существует универсального рецепта, с помощью которого можно определить, когда следует говорить открыто, а когда — хранить молчание. Всякий раз перед принятием решения нужно тщательно анализиро-

вать складывающуюся ситуацию. Несомненно, у МККК нет причин недооценивать важность связей с общественностью. И хотя он не может по упомянутым выше причинам идти на поводу у тех, кто желает выносить опрометчивые суждения и огульные обвинения, он должен и впредь будет активно использовать средства массовой информации, чтобы рассказывать о положении людей, живущих в различных странах, разъяснять сложные и запутанные конфликтные ситуации и привлекать внимание общественности к серьезным проблемам гуманитарного характера. Несмотря на то, что сегодня большим спросом пользуются такого рода скоропалительные обвинения, мы должны уверенно следовать своим курсом.

Последовательность и предсказуемость

Учитывая серьезные последствия, которые может иметь решение предавать определенные факты огласке или хранить молчание, такой организации, как МККК, чрезвычайно трудно принимать подобное решение. МККК всегда должен помнить о своем основном мандате, какому бы сильному давлению он ни подвергался со стороны общественности или организаций. И все же он должен чувствовать, в какой момент необходимо громко выступить в защиту жертв. О том, обладает ли он этим чувством, в конечном счете, свидетельствует факт улучшения, благодаря публичным заявлениям, положения людей, которым он стремился помочь. Об этом нелегко судить. Можно относительно легко оценить последствия, которые имело для конкретной ситуации касающееся ее публичное выступление, но не всегда именно так происходит в других областях, в которых работают делегаты МККК. Когда речь идет о такой организации, как МККК, результат публичных выступлений следует оценивать с учетом глобальной перспективы. Организация, делегаты которой в прошлом году посетили 470 тыс. заключенных более чем в 1900 местах содержания под стражей, расположенных почти в 80 странах мира²², должна думать о том, как отразится публичное осуждение условий содержания в тюрьмах в стране А на возможности посетить тюрьмы в странах В и С.

²² См. *ICRC Annual Report 2003*, ICRC, Geneva, 2004, p. 42.

Время от времени люди говорят об обманчивых «альтернативах» — «либо сдержанность, либо действенность». А ведь истинная цель сдержанности как раз и состоит в том, чтобы повысить эффективность гуманитарных операций, решая задачи не только местного, но и мирового масштаба. Если сдержанный подход не дает такого результата, его надо подвергнуть тщательному анализу. Я придаю большое значение последовательности в публичных выступлениях МККК. Если решение сделать публичное заявление принимается в одном месте, таким же образом надо поступить в аналогичных условиях, которые складываются в другом, даже если для нашей организации эти меры будут иметь разные последствия. Последовательность и предсказуемость являются ценными качествами. Быть последовательным в публичных выступлениях, а также тогда, когда следует хранить молчание, — неременное условие для того, чтобы МККК мог пользоваться доверием.